

Кадетская

ПЕРЕКЛИЧКА

1949–1994

№ 54

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 54

Нью-Йорк

Сентябрь 1994

"CADETS ROLLCALL"

Library of Congress Card No. 79-642319

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets
graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA

Редакторы журнала

† П. В. Олферьев (1971—1978)

† Н. В. Козякин (1978—1992)

Редакционная коллегия:

А. Б. Иордан

С. А. Муравьев

Г. Н. Сперанский

Administrator

George I. Shidlovsky

2 Carman Place

Glen Head, NY 11545

При перепечатывании материалов из нашего журнала обязательна
ссылка на источник.

All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

*Обращение по поводу 45-летия Нью-Йоркского объединения
Российских кадетских корпусов и
XIV Обще-Кадетского съезда — 3*

Стихи :

На съезде в Канаде в 1976 г. .

Нонна Белавина — 5

Застольная песня княже-константиновцев (Стихи)

(Автор неизв.) — 5

Краткий очерк жития иже во святых отца нашего

Святителя Иоанна Шанхайского и

Сан-Францисского чудотворца. *Издание*

Епархиального Комитета (част.

перепечатка) — 7

Какое христианство несет в Россию Запад?

П. Будзилович — 15

А там вдали ... (Продолж. Начало в № 52).

С. Чекалин — 24

Совершенствование системы военного образования

и воспитания в России во второй половине XVIII в.

В. Г. Данченко — 36

Русские флаги. (Прил. цветн. иллюстрации)

В. Томич — 41

Пораженец, предатель или национальный герой.

Игорь Новосильцов — 70

Торжественное обещание вновь... на русской земле!

Лидия Ткачевская — 81

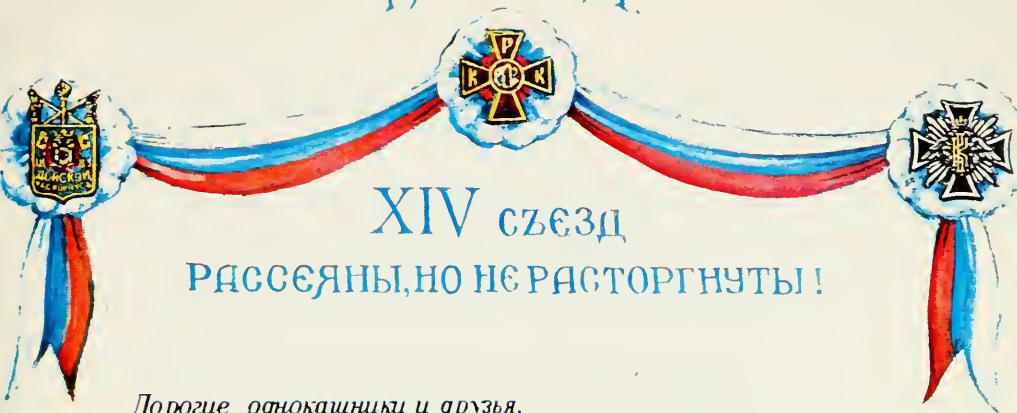
Икона Донской Божьей Матери в Российском

посольстве в Вашингтоне.

Алексей Боголюбов — 87

- Юбилейные даты. — 90
- Сорокапятилетие Объединения кадет российских
кадетских корпусов в Венесуэле. — 92
- Суворовско-нахимовское 50-летие
В. Бодиско — 97
- Начало учебного года в Донском корпусе.
Константин Синькевич — 107
- Встреча в Санта-Розе 16—19 сентября 1993 г. — 111
- Фоторепортаж — I — VIII*
- Посещение генералом Врангелем Сараева в 1922 году.
Р. Полчаншинов — 114
- Перуанцы.
Владимир Бодиско — 116
- О памятнике на кадетском участке кладбища
в Ново-Дивееве. *А. Карпов* — 122
- Памяти ушедших
- Светлой памяти владыки Антония (Женевского)
Ю. Амосов — 125
- Борис Казимирович Ганусовский.
Константин Синькевич — 128
- Николай Кузьмич Дубина.
Николай Протопопов — 130
- Георгий Николаевич Зюзин — 132
- Виктор Петрович Шкурко. — 132
- Константин Александрович Шереметов. — 133
- Борис Арсеньевич Павлов. — 133
- Евгений Александрович Храпов. — 133
- Список жертвователей. — 133

1949 - 1994.

XIV СЪЕЗД РАССЕЯНЫ, НО НЕ РАСТОРГНУТЫ!

Дорогие однокашники и друзья,

Девизом 14-го съезда кадет русских кадетских корпусов за границей был выбран родной нам, гордый призыв «*Рассеяны, но не расторгнуты!*»

Время летит, наши ряды редеют и мы считаем, что главной целью этого съезда должно быть смыкание рядов и укрепление товарищеской связи и взаимопонимания.

После долгих лет, ожиданий и разочарований, мы, наконец, можем принять участие в важном деле воспитания нового поколения русской молодёжи Государства Российского. Чем больше кадет соберётся на 14-м съезде, тем с большим авторитетом мы сможем принимать решение от лица всех зарубежных кадет.

Наше объединение хочет собрать на съезд как можно больше кадет и гостей из России.

Мы будем помогать по мере возможности и просим другие объединения и отдельных кадет принять посильное участие.

Прилагаем предварительный план съезда.
Просим не откладывать записи.

До скорой встречи.

Ньюйоркское Объединение

НОННА БЕЛАВИНА

НА СЪЕЗДЕ В КАНАДЕ В 1976 г.

(Экспромт)

Как-никак речонка жизни все быстрее катится к устью...
Наши встречи — это радость, перемешанная с грустью,
Наши встречи — это вехи, отмечающие старость
И печальные подсчеты, сколько нас в живых осталось.

Как же быть нам, если время нас не делает моложе?
Но, друзья мои, печалью ничему мы не поможем.
Так давайте же расправим чуть согнувшиеся плечи
И поверим, что счастливым можно быть и в поздний вечер.

Да скажите откровенно, разве счастья нет и в этом,
Что встречаются кадеты, со всего слетаясь света,
Что проводим мы по-братски эту светлую неделю,
Молодея точно в сказке... молодея... молодея...

Так давайте же не будем огорченно хмурить брови,
Будем радоваться встрече, ветру, солнцу и здоровью,
И тому, что ноги ходят, и тому, что сердце бьется,
Будем жизни благодарны мы за все, пока живется!..

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ КНЯЖЕ-КОНСТАНТИНОВЦЕВ

XIII вып. (1933г., Белая Церковь)

Мы собрались сплоченной семьей,
Чтоб за кубком с искристым вином
Помянуть все, что нам дорогое,
Помянуть о прекрасном былом.

Что нас в Корпусе дружно вязало, —
То нас будет и в жизни вязать.
Коль кадетство въедино сковало, —
Так не в силах и смерть расковать.

Так поднимем же первую чашу
С огненным, искрометным вином
За далекую Родину нашу,
За отцовский покинутый Дом.

Да минуют над Русью невзгоды!
Да рассеется красная мгла!
Да быстрее пронесутся годы
Угнетенья, насилия и зла!

За прошедшее чаша вторая
Пусть собравшихся круг обойдет.
Пусть прошедшая жизнь корпусная
В этот миг перед всеми мелькнет.

Корпус — огнище чести и славы;
Да цветет Он во веки веков,
Для Российской готова держава
Бескорыстных и верных сынов.

Звериада, традиции наши,
Славный Выпуск, Совет, Генерал!
В вашу честь поднимаются чаши,
В вашу честь всех обходит бокал!

Вы заветы седые хранили,
Нам пример подавая во всем.
А от прадедов что получили, —
То и правнукам мы принесем.

Автор неизвестен (XIII вып.)

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИТИЯ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ШАНХАЙСКОГО И САНФРАНЦИССКОГО ЧУДОТВОРЦА

Святитель Иоани родился 4 июня 1896 г. в имени своих родителей, потомственных дворян Бориса Ивановича и Глафиры Михайловны Максимовичей в местечке Адамовке, Харьковской губернии. При святом крещении он получил имя в честь св. Архистратига Божия Михаила.

Предки его с отцовской стороны были выходцами из Сербии. Один из них — *св. Иоанн, митрополит Тобольский* — был подвижником святой жизни, миссионером и духовным писателем. Он жил в первой половине XVIII века и причислен к лику святых в 1916 году. Его прославление было последним при св. Царе-Мученике.

Святитель рос послушным мальчиком, так что сестра его вспоминала, как легко было родителям его воспитывать. Но, раздумывая о своем будущем, он не имел тогда еще определенного решения, не зная, посвятить себя службе военной или гражданской. Чувствовал непреодолимое стремление стоять за истину, которое воспитали в нем родители, одушевлялся примерами тех людей, которые за истину отдавали жизнь.

Когда подошло время учиться, родители определили его в Петровский Полтавский кадетский корпус, посвященный, как говорил сам владыка, «одной из славных страниц истории России». Учился он отлично, но не любил два предмета: гимнастику и танцы. В корпусе его любили, но он чувствовал, что ему надо избрать другой путь. Особенно тому способствовало общение с законоучителем кадет известным протоиереем Сергием Четвериковым, автором книг о преп. Паисии Величковском и о св. оптинских старцах, и ректором семинарии архимандритом Варлаамом. День окончания кадетского корпуса Михаилом Максимовичем совпал с днем вступления на харьковскую кафедру архиепископа Антония, известного богослова, главного восстановителя на Руси патриаршества, впоследствии митрополита Киевского и Галицкого и, наконец, основателя и первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

В Харькове Михаил поступил в университет на юридический факультет, закончил его в 1918 году и некоторое время служил в харьковском суде в дни правления Украиной гетманом Скоропадским.

Но сердце будущего Святителя стояло далеко от мира сего. Душа его уязвилась жаждой приобрести истинную цель и путь жизни во Христе.

Русское лихолетие вынудило семью Максимовичей покинуть родину и эвакуироваться в Югославию, где Михаилу удалось поступить на богословский факультет Университета св. Саввы и окончить его в 1925 году. В последний год обучения Михаила митрополитом Антонием в Белградской церкви состоялось посвящение его во чтеца. А в 1926 году им же в монастыре Мильково пострижен в монашество с наречением имени *Иоанн* в честь его дальнего родственника Святителя Иоанна Тобольского и посвящен в иеродиаконы. На Введение во храм Пресвятой Богородицы того же года юный инок стал иеромонахом. В эти годы он был законоучителем в сербской государственной гимназии, а с 1929 года стал преподавате-

лем и воспитателем в сербской семинарии св. ап. Иоанна Богослова Охридской епархии в городе Битоле.

В 1934 году Архиерейский Синод Русской Православной Церкви За границей вынес постановление возвести св. Иоанна в сан епископа с назначением его в Шанхай викарным архиереем китайской епархии. Когда же он воспротивился, выставляя свое косоязычие, то ему сказали, что и пророк Моисей имел такое же затруднение. Посвящение состоялось 28 мая 1934 года. Святитель Иоанн был последним из посвященных митрополитом Антонием епископов.

Молодой епископ прибыл из Сербии в Шанхай 21 ноября 1935 года на Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Он был вдохновителем и возглавителем постройки храмов, госпиталя, больницы для душевнобольных, приюта, домов для престарелых, общественной столовой, словом, всех общественных начинаний русского Шанхая. Святитель жил жизнью своей паствы. Он принимал непосредственное участие в жизни всех эмигрантских учреждений.

Однако, принимая такое живое и деятельное участие в столь многих делах, он был чужд миру.

«Забываясь о спасении душ человеческих, — говорил святитель, — нужно помнить, что люди имеют и телесные потребности, громко заявляющие о себе. Нельзя проповедовать Евангелие, не проявляя любовь в делах». Одно из проявлений такой любви было основание приюта Святителя Тихона Задонского для сирот и для детей нуждающихся родителей. Он создал дам и с их помощью, начав с восьми сироток, организовал приют, который дал убежище многим сотням детей за свое 15-летнее существование в Шанхае. Владыка сам собирал больных и голодающих детей с улиц и из темных закоулков Шанхая. Однажды одну девочку он привел в приют, «купив» ее у китайца в обмен на бутылку водки.

Прихожане шанхайской епархии платили своему архипастырю чувством глубокой любви и уважения, как видно из приведенной выдержки из письма, написанного ими митрополиту Мелетию в 1934 году:

«Мы — светские люди, миряне, не касаемся его (св. Иоанна) богословской начитанности, эрудиции, глубоко проникновенных апостольской верою поучений, произносимых почти ежедневно и нередко печатаемых. Мы — шанхайская паства — будем говорить о том, что видим и чувствуем в нашем разноплеменном городе со дня приезда в него нашего Святителя, что видим грешными глазами и что чувствуем нашим христианским сердцем...»

После смерти митрополита Мелетия и окончания войны в 1945 году, со стороны Московской патриархии было произведено усиленное

давление на русское заграничное духовенство с целью подчинения его новому Московскому патриарху Алексию, преемнику патриарха Сергия, издавшего декларацию о сотрудничестве Церкви с советской властью в 1927 году. На Дальнем Востоке почти все иерархии подчинились новоизбранному патриарху. Св. Иоанн, отказавшись от такого подчинения, подвергся особенно сильному давлению и угрозам со стороны своего правящего архиерея архиепископа Виктора. Ответ Святителя был прост: «Я подчиняюсь Зарубежному Синоду, и как он мне укажет, так я и должен поступить». После долгого военного перерыва пришел указ Архиерейского Синода о возведении епископа Иоанна в архиепископы с непосредственным подчинением Синоду. Китайское национальное правительство и городские власти признали архиепископа Иоанна главой Русской Православной Церкви в Китае.

В конце 40-х годов, с приходом к власти коммунистов, русские в Китае были вынуждены опять бежать. Большинство из них через Филиппинские острова. В 1949 году почти 5 тыс. беженцев из Китая находились в лагере международной беженской организации на острове Тубабао. Жили они там в палатках, в самых примитивных условиях. Сюда же были перевезены все дети приюта, были и старики, и больные. Жили постоянно под угрозой страшных ураганов, так как остров находился на пути сезонных тайфунов, которые проходят через эту часть Тихого океана. Во время 27-месячного периода жизни русских в лагере остров только раз был под угрозой тайфуна, который, однако, переменил курс и обошел остров. Святитель каждую ночь обходил весь лагерь и осенял его крестным знаменем со всех четырех сторон. После того как лагерь был почти эвакуирован и люди разъехались по разным странам, налетел страшный тайфун и разрушил лагерь до основания.

Неоднократно приходилось св. Иоанну являться перед представителями гражданской власти, чтобы хлопотать о благополучии русских беженцев. Св. Иоанну посоветовали лично хлопотать в Вашингтоне, чтобы все находящиеся в лагере смогли переехать в Америку. Он полетел в Вашингтон и вопреки всем препятствиям добился того, чтобы исход его паствы был осуществлен.

В 1951 году св. Иоанн был назначен возглавлять Западно-европейскую епархию. Сначала св. Иоанн управлял епархией из Парижа, а позже из Брюсселя. Он постоянно разъезжал по всей Европе. Служил Божественную литургию по-французски, по-голландски, как прежде — по-гречески и по-китайски, а позднее по-английски. О нем писали из Парижа: «Он живет уже вне нашей плоскости. Недаром говорят, что в одной из парижских католических церквей священник сказал, обращаясь к молодежи: "Вы требуете доказательств, вы говорите, что сейчас нет ни чудес, ни святых. К че-

му вам теоретические доказательства, когда сейчас по улицам Парижа ходит живой святой — Saint Jean Pieds (Святой Иоанн Босой)". Владыка Иоанн поселился в Версале в здании, где находился Русский имп. Николая II кадетский корпус, которому он помогал морально и материально вплоть до 1963 года, когда Корпус закрылся в г. Дьепп.

Осенью 1962 года прибыл св. Иоанн на свою последнюю кафедру, и опять, как много лет назад на свою первую кафедру, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сперва он прибыл в помощь состарившемуся и заболевшему старцу архиепископу Тихону, а после его кончины (17 марта 1963 года) св. Иоанн стал правящим архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским. Опять прибыл святитель в недостроенный храм, посвященный памяти Пресвятой Богородицы, и опять, как и тогда в Китае, нестроения терзали Церковь. Прежде всего необходимо было возобновить и завершить приостановленное (в связи с недостатком средств и резкими разногласиями, парализовавшими церковную общину) строительство нового Кафедрального собора Пресвятой Богородицы — «Всех Скорбящих Радости».

Господь послал эту милость святителю, тяжело переживавшему несогласие, но продолжавшему как молитвенный подвиг, так и неустанное наблюдение за строительством, одушевляя всех на жертвенность и труд.

В 1964 году строительство самого большого храма Русской Зарубежной Церкви в Америке, украшенного пятью золотыми куполами, было, в основном, закончено. Воздвижение огромных крестов, величественно видимых при плавании в Сан-Францисском заливе, было предварено торжественным крестным ходом (более мили) при огромном стечении народа. Крестный ход чуть не был отменен из-за проливного дождя, но святитель без всякого сомнения вышел с паствой и с пением, крестным ходом, пошел по мокрым улицам города. Дождь перестал. Перед новым собором освятились кресты. При воздвижении главного креста просияло солнце и на ярко блестящем знамени Христа почил белый голубь. Это видимое торжество возносящихся православных крестов, символов Христовой победы, засиявших над холмами современного Вавилона, где уже открыто проповедовался сатанизм, было завершающим победным событием в жизни Святителя на земле.

Сопровождая чудотворную икону Пресвятой Богородицы Курско-Коренную в Сеатгл, Святитель Иоанн, отслужив 19 июня (ст. ст.) 1966 года в тамошнем Свято-Николаевском соборе Божественную литургию, оставался еще три часа в алтаре. Затем, навестив с чудотворной иконой духовных чад около собора, проследовал в комнату церковного дома, где он останавливался. Вдруг послышался

грохот и прибежавшие увидели, что владыка лежит на полу и уже отходит. Его посадили в кресло и он перед чудотворной иконой предал душу Богу. Прекратился тогда и его необыкновенный подвиг сверхъестественной тяжести — лишения себя отдыха и сна. Его положили на находящуюся там кровать, блаженное ложе, давшее ему после 40-летнего воздержания покой и сон.

«Спи теперь спокойно!» — вырвалось из души горячо любившего его Аверкия, архиепископа Сиракузского и Троицкого, в заключении своего слова при отпевании. «Спи теперь спокойно, дорогой наш возлюбленный Владыко, отдыхай от праведных трудов твоих и подвигов, почивай в мире до общего всем воскресения».

24 июня (ст. ст.) в соборе Пресвятыя Богородицы Всех Скорбящих Радости, в городе Сан-Франциско состоялось торжественное отпевание Святителя Иоанна. Отпевание началось в 6 часов вечера и закончилось, из-за того, что множество людей прощалось с почившим архипастырем, лишь в первом часу ночи. Возглавлял отпевание митрополит Филарет в сослужении архиепископов Леонтия и Аверкия, епископов Саввы и Нектария с сонмом духовенства.

Никто из участников этого поразительного по своей умирительности и возвышенного молитвенного настроения отпевания не забудет его. Несмотря на глубокую скорбь бесчисленных почитателей Святителя Иоанна, над всем преобладало охватившее всех молящихся какое-то особенное радостное чувство.

По блаженном преставлении своем Святитель Иоанн, как и при жизни, подавал обращающимся с верою к нему различные исцеления и чудотворения. В тяжелый момент жизни, когда никакие земные силы не в состоянии помочь беде, люди обращались к ходатайству его перед Господом. Присылаемые письма, так же как и записочки с именами, клались под митру на гробнице Святителя. И многие получали ожидаемую помощь.

Осенью 1993 года архиепископу Западно-Американскому и Сан-Францисскому вместе с комиссией, составленной из двух еще архипастырей, было поручено Архиерейским Синодом освидетельствовать останки св. Иоанна. Вечером 28 сентября (ст. ст.) после панихиды, отслуженной членами комиссии в усыпальнице св. Иоанна, архиепископ Антоний произнес краткое слово, призывая всех участников этого святого дела быть примиренными и сам попросивши прощения у всех, благословил открыть гробницу. Сняв крышку саркофага, присутствующие вынули из него металлический гроб Святителя и заметили, что во многих местах он совершенно проржавел. Со страхом Божиим и с молитвою открыли гроб. Лицо Святителя было закрыто и все сразу обратили внимание на его светлые, нетленные руки. Помолвившись, архиепископ Антоний снял с лица Святителя

воздух, и все увидели нетленный лик Богом прославленного святого. В этот момент ощущалось какое-то необыкновенное духовное спокойствие, необыкновенная благоговейная тишина. Никто не удивлялся, не разговаривал, а всем было так хорошо, так благодатно стоять у мощей Святителя.

На следующем заседании Архиерейского Синода архиепископ Антоний доложил, что честные мощи св. Иоанна освидетельствовали: архиепископ Антоний, Западно-Американский, архиепископ Лавр, Сиракузский и Троицкий, епископ Кирилл, Сеаттлийский, и 12 лиц, назначенные правящим архиепископом. Выслушав доклад архиепископа Антония и Акт Комиссии по освидетельствованию останков св. Иоанна, Архиерейский Синод благословил продолжать труды по подготовке к прославлению Святителя Иоанна, что было назначено на 19 июня (ст. ст.) — день блаженной кончины.

В эти страшные дни всеобщего отступления от Бога не оставил Господь людей Своих и послал им великого ходатая. Ныне предстоит престолу Всевышнего мужественный защитник Церкви Христовой; подвижник и аскет по преданиям святых столпников, берущих на себя строжайшее самоумерщвление и, по временам, Христа ради юродивый, превосходящий собой мудрость мира сего; пастырь добрый и любящий, положивший душу свою за овцы своя; учитель и воспитатель молодежи православной; целитель и бессребренник; апостол и миссионер; глубокий богослов, тайновидец и святитель *вселенского* значения, который неуклонно следовал тому, что обещал пред Богом и людьми в своей речи при наречении его во епископа: *«Какую большую пользу можно принести ближнему, чем подготовить его к вечной жизни...»*

Прославление Святителя Иоанна Шанхайского состоялось со среды, 29 июня, по субботу, 2 июля, при большом стечении верующих в кафедральном соборе Всех Скорбящих Радостей в Сан-Франциско. Служило 8 архиереев и около 130 священников, монахов, монахинь, дьяконов и прислужников. Народ благоговейно встретил три чудотворные иконы Божией Матери, которые были положены на аналой в соборе, и все верующие ежедневно прикладывались к святыням.

Исповедь происходила ежедневно и исповедовавшиеся могли причаститься каждый день. В четверг и в пятницу в 8 час. утра происходили литургии, а в 3 часа дня в пятницу было перенесение честных мощей Святителя из усыпальницы в храм. В 4:30 служили последнюю панихиду. Во время литии духовенство обнесло раку с мощами и иконы Святителя вокруг храма. На полиелей состоялось первое величание новопрославленного Святителя.

В ночь с пятницы на субботу были две литургии — в 2 и в 5 часов утра, на которых причащались 700 верующих. В 7:30, после встречи Первонерарха состоялась литургия архиерейским чином, молебен Святителю и крестный ход вокруг квартала с ракой и мощами. Причащались почти что все молящиеся. В 2 часа пополудни состоялась трапеза в отеле «Мариот» на 1400 человек.

В течение богослужений пело три хора: монастырский, молодежный и кафедральный. Исключительно благоговейное и красивое пение, множество духовенства в золотых ризах, тысячи верующих, красота храма произвели неизгладимое впечатление на верующих, прибывших со всех концов света: из России, Европы, Австралии, Африки, Азии и Северной и Южной Америки. Это было действительно торжество православия.

Молитвами Святителя, отца нашего Иоанна, да сохранить Господь Бог и нас, грешных, от всякого зла, да укрепит нашу веру и да поможет нам идти верным путем ко спасению.

*(Частичная перепечатка из издания
Епархиального Комитета
Организации Церковных Торжеств в 1994 г.)*

Величание

Величаем, величаем Тя, Святителю Отче Иоанне, и чтим святую память Твою. Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего.

Тропарь (гл. 6)

*Славный апостолом Христовым наследниче,
Явился еси нас маловерных и хладных сердцем спасти.
Древних святых благодатию и подвигами облекся еси,
Сего ради от Бога Небесных тайны приемише.
О, Сиропитателю предобрый, подающий надежду
міром отверженным,
О, Светильниче Христов, Божественным пламенем
на заре Страшного Суда возженный.
Моли о нас, Святителю Отче Иоанне,
да возгорятя и наши сердца пламенем спасительной
любви ко Христу
и спасится душам нашим во времена последняя.*

П. БУДЗИЛОВИЧ

КАКОЕ ХРИСТИАНСТВО НЕСЕТ В РОССИЮ ЗАПАД?

Сегодня в Россию, как сквозь брешь в полотне, устремились «пропагандисты» всевозможных религий и культов (термин «проповедники» к ним не подходит). Пользуясь духовным вакуумом, созданным 70-летним марксистским атеизмом, они всячески тянут россиян каждый в свою сторону — от Муна до папы римского. В газете «Нью-Йорк таймс» от 28 июля 1993 года в статье «Религия возвращается в Россию с огромной скоростью» ("Religion Returns to Russia, With a Vengeance") сообщается о многотысячных проповеднических сеансах, на которых происходит обращение россиян во всевозможные религии и культы. В статье также говорится, что за последние три года в Россию прибыло около 1000 (!) иностранных миссионеров и представлены около 50 организаций (имеется в виду «церковных»). Также приводится список «пропагандистов от религии» — от Билли Грейама до кришнаитов.

Особенную опасность, с точки зрения возрождения в России ее 1000-летнего православия, представляют различные учения, преподносимые как христианские. Это обстоятельство заслуживает специального внимания. Особенно теперь, когда все американское, от «демократии» до порнографии и наркомании воспринимается как нечто положительное.

Поэтому неплохо попытаться ответить на вопрос, какую мораль несет в себе сегодняшнее западное, и особенно, американское «христианство»? Чтобы ответить на него, взглянем на то, чем эти «христиане» занимаются у себя дома, в Америке.

Деятельность их хорошо изображена в статье, напечатанной в феврале 1993 г., в журнале «Ридерс Дайджест: «Священное Писание по Марксу» ("The Gospel According to Marx"). Статья посвящена Мировому совету церквей ("World Council of Churches") и начинается она с описания «молебна», совершенного на открытии общего съезда МСЦ в г. Канберра, Австралия, 7—20 февраля 1991 г. Дело было так.

Вначале делегаты съезда прошли через клубы дыма от горящих листьев. Это был языческий обряд очищения. Потом делегаты слушали запись звуков, издаваемых насекомыми и любовались танцором, изображавшим кенгуру. На следующий день женщина-богослов из Южной Кореи по имени Чунг Хьон Кюннг вызывала умершие души, потом пригласила более 4000 делегатов читать Библию «с точки зрения птиц, воды, воздуха, деревьев» и «думать, как гора».

«Зрелище, понятно, интересное, но *христианское* ли оно?» — спрашивает автор статьи Иосиф А. Гаррис. Некоторые делегаты протестовали против всего этого, заявляя, что «языческая культура проникла в МСЦ». «Я от этого ушел, чтобы стать христианином», — это слова делегата Виджея Менона, англиканца индусского происхождения.

По мнению автора статьи, МСЦ, сегодня включающий 322 церкви из более чем 100 стран, является карикатурой экуменического движения, созданного в 1948 г., в основном, американскими и европейскими церквями. (Такое внушительное количество участников экуменического движения невольно приводит на ум ответ нечистого духа на вопрос Иисуса Христа: «Как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много», Марк, 5:9). В своем стремлении расположить к себе радикальные антизападные силы третьего мира, МСЦ отвлекся от своей первоначальной цели христианского единства и попал во власть секулярного экуменизма — проповедничества при помощи политического активизма. Так, когда один из делегатов во время дискуссии попытался сослаться на Библию, один из служащих МСЦ запротестовал: «Ну, нет! Ссылки исключительно на Библию — это христианский империализм». Библия в сегодняшнем МСЦ на заднем плане; на первом — политиканство.

Далее в статье разбирается роль КГБ, которую он играл в МСЦ через представителей русской православной церкви. Перечисляется (со слов отца Глеба Якунина) ряд функционеров РПЦ, принимавших активное участие в работе КГБ на ниве МСЦ. Также приводятся данные о терроризме, финансируемом МСЦ. Но это тема для другой статьи.

Судя по этим и другим данным, МСЦ никак не может считаться христианской организацией. Поинтересуемся, на чьи средства он существует? Согласно статье «Ридерс дайджест», большую часть средств МСЦ получает из Германии (оплота протестантизма). В 1991 г. немецкие церкви дали МСЦ 11 млн. долларов (при годовом бюджете последнего в 40 млн. долларов). Американские церкви дали «всего лишь» 3,4 млн. долларов. Автор здесь же приводит наименования девяти американских церквей, давших больше всего. В списке — самые большие протестантские церкви Америки. И вот церкви, представители которых ходят (для очищения!) сквозь клубы дыма, посылают сегодня в Россию миссионеров проповедовать... христианство!

Но давайте подойдем к этому вопросу с другой стороны, давайте посмотрим, какую мораль насаждают «христианские» церкви в сегодняшней Америке. Иначе российский читатель может сказать: «Ну

факт участия в МСЦ еще не является доказательством антихристианского поведения. Ведь русская православная церковь тоже член МСЦ!» (Тут, конечно, следовало бы сказать: «Вот это-то и плохо», но предоставим читателю сделать свои собственные выводы.)

Частичный ответ на этот вопрос дает минимальная реакция со стороны церквей, обвиняемых Гаррисом в недостатке христианства. Казалось бы, что негативная статья в такой публикации, как «Ридерс дайджест», с тиражом в десятки миллионов, должна была бы вызвать дружный отпор со стороны упоминаемых церквей. Но этого не произошло. Раздалось несколько голосов, и все стихло. Такой же была и реакция «большой прессы» — несколько репортажей и все затихло.

О чем это говорит? По-видимому, о том, что христианство в сегодняшней Америке давно перестало играть роль морального воспитателя населения страны, и поэтому обвинение церквей в отсутствии христианского содержания мало беспокоит как руководителей этих церквей, так и их «паству». По-видимому, такие обвинения никого больше не трогают. Другими словами, Америка сегодня не является больше христианской страной (какой была с момента своего основания).

Будущие историки, наверно, будут считать ноябрь 1992 г. датой официального конца существования Америки как христианского государства. Губернатор штата Миссисипи Керк Фордис, обращаясь к собранию губернаторов-республиканцев, наивно заявил, что «это элементарно», что США являются «христианским государством» и что «чем меньше мы будем делать упор на христианскую религию, тем больше мы будем падать в пропасть аморальности и хаоса в США».

Заявление губернатора вызвало бурю протестов. Со всех сторон посыпались обвинения в дискриминации, ущемлении прав человека и пр. и т. п. Характерно заявление по этому поводу президента одной из самых крупных еврейских организаций — «Бнай Брит» Кента Е. Шайнера: «К сожалению, губернатору Фордису следует запомнить, что Америка не является страной, к которой подходят расовые или религиозные определения». В конце концов губернатор выступил с извинением (!) за свое заявление (по-видимому, под давлением со стороны своих республиканских коллег). В своем извинении он сказал, что «глубоко сожалеет, если его слова обидели кого-нибудь из жителей штата Миссисипи» и что он только хотел сказать, что «подавляющее большинство американцев говорят, что они христиане и что христианские ценности и верования не должны подвергаться клевете».

Случай с губернатором Фордисом весьма поучителен и знаменателен. Предположить, что губернатор Фордис глуп, довольно трудно, так как глупые люди обычно не становятся губернаторами шта-

тов в США. Ответ здесь иной: будучи воспитанником американских школ середины XX века, он привык смотреть на религию (и при этом на христианскую) как на силу, определяющую моральный облик населения и всей страны. Он просто-напросто не заметил того «прогресса», который проделало американское общество за последние 50 лет. А «прогресс» тут настолько большой, что невольно вспоминаешь слова Ф. М. Достоевского: «Раз отвергнув Христа, ум человеческий может до удивительных результатов», «Гражданин», «Дневник писателя», 1873, № 50.

Чтобы снять с губернатора Фордиса возможное обвинение в глупости, приведем несколько высказываний на эту тему некоторых американских президентов. Томас Джефферсон говорил о словах Иисуса Христа, как «...о самой возвышенной и благодетельной морали из всех, когда-либо предложенных человечеству». Джон Квинси Адамс: «Я положил себе за правило полностью перечитывать всю Библию в течение каждого года. Я обычно ежедневно посвящаю этому первый час после того, как встаю». Эндрю Джаксон: «Библия является наилучшим даром Бога человеку. Все добро, исходящее от Спасителя, передается нам через эту книгу». Вудроу Вилсон: «Библия является Словом Жизни. Я умоляю вас читать ее, чтобы убедиться в этом. Когда вы прочтете Библию, вы увидите, что она является Словом Божиим». Кальвин Кулидж: «В этой книге вы найдете решения всех проблем мира». Герберт Гувер: «Чтение Библии ...является необходимостью американской жизни». Во время встречи Черчилля и президента Рузвельта посреди Атлантического океана в самые тяжелые дни Второй мировой войны, президент Рузвельт, описавший США как «бастион для людей и наций, основанный на христианских принципах», пригласил экипаж корабля пропеть вместе с ним гимн «Вперед, христианские солдаты!». А 1947 г. президент Труман в письме папе Пию XII заявил: «Мы — христианское государство». Рональд Рейган в свое время заявлял: «Ни одна книга не имела такого влияния на развитие американской жизни, как Библия. Она была ее надеждой, ее фундаментом, фактором, определяющим лицо Америки. Библия поддерживала Америку в течение 200 лет и является нашей единственной надеждой в будущем».

Много свидетельств тому, что Америка долгое время являлась христианским государством, можно найти в конституциях различных штатов. Так, конституции штата Нью-Хемпшир, принятые в 1784-м и в 1792 годах содержали правило, согласно которому штатные сенаторы и члены штатной палаты представителей должны были быть «протестантской религии». Конституция штата Северной Каролины от 1776 г. гласила: «ни один человек, отрицающий факт существования Бога... или божественное значение Ветхого или Нового заветов, или

придерживающийся религиозных принципов, не соответствующих свободе и безопасности штата, не может назначаться на ответственные штатные должности или посты, требующие доверия или связанные с доходами штата». Конституция штата Мэриленд от 1776 г. требовала, чтобы любой индивидуум, назначаемый на ответственную должность, подписывал документ, заверяющий в том, что он верит в христианскую религию. Более того, та же самая конституция 1864 г. требовала заявления о «вере в христианскую религию, или существование Бога и в вознаграждение и наказание в загробной жизни». Конституция штата Миссисипи 1817 г. гласила, что «ни одно лицо, отрицающее факт существования Бога или вознаграждение и наказание в загробной жизни, не может занимать штатные должности». В колонии Массачусетской бухты право голоса имели только члены церкви.

Подтверждение того факта, что Америка в течение большей части своей истории официально считалась (до последнего времени) христианским государством, ярко выражено в многочисленных решениях судов всех уровней. Так, всего лишь 60 лет тому назад, в 1931 г., американский Верховный суд (т. е. *высший суд страны*) отметил, что Америка — христианская страна. Главный судья штата Нью-Йорк, г-н Кент, писал по делу «Граждане против Раггля» (8 Джон, 290, 294, 295): «Граждане этого штата, вместе с гражданами этой страны, исповедуют общие доктрины христианства в качестве основ своей веры и дел...» В деле «Люденмюллер против граждан» (33 Барвор, 561) Верховный суд штата Нью-Йорк заявил: «Христианство не является официальной религией штата в соответствии с законом... но это не противоречит понятию, что оно фактически является религией народа...» В деле «Шовер против штата» Верховный суд штата Арканзас подтвердил: «Эта религиозная система (христианство) признается как целое и часть общего...» и т. д.

Процесс разложения христианской морали в Америке не произошел в одночасье, он шел все годы с момента основания Америки. В самом деле, при тщательном анализе структур демократического государства, мы можем подметить интересную деталь. Среди всех его министерств, учреждений и канцелярий нет *ни одного*, в обязанности которого входила бы забота о морали граждан. Такая забота просто-напросто не входит в функции демократического государства. Отцы-основатели Америки считали, что если оградить церковь от посягательств и вмешательства в ее дела государства, то все автоматически будет в порядке (и с этой целью ввели 1-ю конституционную поправку). В оправдание отцов-основателей следует сказать, что в те времена значение христианской морали в повседневной жизни граждан являлось неотъемлемой частью быта и не было никаких оснований ду-

мать, что это положение изменится. Тот факт, что процесс морального разложения в демократическом обществе заложен в самом фундаменте такого общества, выявился лишь спустя чуть ли не 200 лет.

За годы, истекшие с середины 20 века, христианство активно вытеснялось из повседневной жизни. Крупнейшими вехами на этом скате следует считать отмену молитвы в государственных школах (в результате судебного дела, возбужденного против одной школы воинствующей атеисткой) и признание за женщинами неограниченного права совершать аборт. Обе эти вехи были установлены Верховным судом некогда христианского государства США. Понятно, было много и других «вех», менее значительных, как-то: введение изучения секса в школах (во имя гигиены), признание «права» издателей печатать и распространять порнографическую литературу (на основании 1-й конституционной поправки о свободе слова), бесплатную раздачу презервативов в средних школах (борьба с венерическими заболеваниями, в особенности со СПИДом) и много других. Иными словами, как только душа американской конституции — христианская мораль — потихоньку выветривалась, чисто юридическое, буквальное ее толкование приводило к «удивительным результатам», предсказанным Достоевским.

Сегодня, находясь в апогее процесса разложения, Америка тонет в этих результатах. Какие же они? Приведем несколько примеров. Сегодня большинство американских протестантских «церквей» (все — члены МСЦ) признают педерастию и лесбиянство всего-навсего «альтернативным жизненным стилем». При этом не только признают, но и назначают как педерастов, так и лесбиянок пасторами. Недавно одна лесбиянка попала в епископы! (Не будем уже говорить о незаконности назначения женщин священнослужителями. Но, как говорится, — «потерявши голову, по волосам не плачут».)

Само собой разумеется, что *церковное* венчание педерастов и лесбиянок в таких церквях — обыденное явление. При этом наступление антихристианских сил идет в мировом масштабе. Не так давно, например, появилось радостное сообщение в «Нью-Йорк таймс» от 10 февраля 1993 г. под заголовком: «Русские педерасты выходят из сумерек советской эры» (Russia's Gay Men Step Out of Soviet-Era Shadows"). Сама статья кратко рассказывает о преследованиях педерастов в течение десятилетий, о статье УК 121, о том, что педерасты в Москве, в день инаугурации президента Клинтоня устроили демонстрацию (по-видимому, в его честь), о прогрессивности украинского парламента, отменившего запрет на педерастию, и пр. В статье особенно отмечается, что педерасты в России боятся «невежества» окружающего их общества больше, чем строгих законов (это заявление выделено в статье крупным шрифтом). И еще там со-

держится сообщение о том, что передвижная дискотека для педерастов, финансируемая американскими педерастами-бизнесменами, иногда должна уезжать на другой конец города, чтобы избежать нападения со стороны «бандитов».

В Америке, понятно, такое «невежественное» отношение к педерастам и лесбиянкам давно отошло в область преданий: здесь через двадцать лет с момента запрета молитвы в школах и постоянного давления со стороны всевозможных организаций, объединяющих гомосексуалистов обоего пола, гомосексуализм официально рассматривается как «альтернативное сексуальное предпочтение» или «альтернативный стиль половой жизни». Детям с пятилетнего возраста прививается взгляд, что любые половые извращения вполне приемлемы. Собственно, самого понятия добра и зла больше не существует (совсем по Достоевскому). Избрание президента Клинтона, по мнению некоторых аналитиков общественного мнения, произошло в большей степени из-за его способности угадать «дух времени» — неограниченная свобода в удовлетворении своих страстей без каких бы то ни было обязательств. В то время как Буш и его вице-президент Куэйл толковали о «семейных (моральных) ценностях» и недопустимости свободы аборт, Клинтон твердо пообещал гомосексуалистам и сторонникам аборт полную поддержку Белого Дома. Надо отдать ему должное: буквально в первый же день своего президентства намекая, что обещание не повышать налоги будет трудно выполнить (читай: налоги будут увеличены), он сразу же подписал приказ (по американским законам президент является верховным главнокомандующим вооруженных сил) об отмене запрета на педерастию во всех видах войск. Только лишь из-за сопротивления ряда конгрессменов и сенаторов, а также всего генерального штаба во главе с его начальником, героем войны в Персидском заливе генералом Пауэллом, Клинтон скрепя сердце отказался выпустить этот приказ. Но его отступление — вроде ленинского НЭПа: «Шаг вперед, два шага назад». Клинтон пообещал провести этот закон через шесть месяцев, во время которых генеральный штаб и законодатели должны придумать, как «рассвободить» гомосексуалистов в вооруженных силах без особого шума. Здесь можно добавить, что генерал Пауэлл вскоре после этого происшествия заявил о своем преждевременном уходе в отставку, уверяя всех, что это решение никак не вызвано его несогласием со взглядами президента.

И вот такие «христиане» сегодня идут насаждать христианство в России. Приходят на ум евангельские советы определять истинные намерения всевозможных проповедников (которых в начале статьи я назвал «пропагандистами») «по делам их...». Конечно, в своих угово-

рах они не упоминают о своих «делах». Такие уговоры ведутся «на высшем уровне», со ссылками на Евангелие и Библию. Нормальному человеку трудно додуматься до того, что обе эти книги имеют такое же практическое значение для современных «христиан», как, скажем, «великая сталинская конституция» для среднего следователя ГПУ-НКВД-КГБ... Правда, даже и на «теоретическом фронте» не все в порядке: в ряде протестантских конфессий современные богословы с увлечением доказывают ошибочность текстов Ветхого и Нового заветов, отрицают факт воскресения Иисуса Христа и непорочного зачатия и т. д. и т. п.

Говоря о богословии, следует сказать несколько слов о весьма популярном сегодня в кругах политических деятелей термине «иудейско-христианская мораль», «иудейско-христианская вера», «иудейско-христианское наследие» нации и тому подобное. При этом большинство христианских и еврейских богословов отрицают само существование такого симбиоза. Так, знаток Талмуда Яков Нойзер говорит: «Теологически и исторически понятия «иудейско-христианские традиции» нет. Это мирской миф, нравящийся людям, которые не являются верующими». Социолог Хантер-колледжа Джон Мёррей Саддиги соглашается: «Это приспособление, изобретенное пропагандистами экуменизма», — заявляет он и далее утверждает, что оно вскрывает «культурную и теологическую неграмотность нашего времени. Чем более ортодоксален еврей и чем более ортодоксален христианин, тем более вероятно, что они скажут: «К дьяволу с иудейско-христианскими традициями».

Обе вышеназванные выдержки взяты из статьи, напечатанной в журнале «Newsweek» от 7 декабря 1992 г. (вскоре после скандала с губернатором Фордисом — уж нет ли здесь какой-то связи?) под названием «Утеря нашего морального зонтика» — политикины вызывают к иудейско-христианским традициям, а богословы заявляют, что их больше не существует».

Здесь невольно возникает вопрос — так что же делать России? Чем заполнить духовный вакуум, без чего, как видно, никакие экономические потуги не вывезут? Ответ для русского человека может быть только один — вернуться в лоно православия, создавшего русскую государственность. То есть вернуться к христианской жизни, исполнению заповедей Ветхого и Нового заветов.

Вот они:

1. Я — Господь Бог твой; и не должно быть у тебя других богов, кроме Меня.
2. Не делай себе идола, ни какого-либо изображения того, что на небе, вверху, и что на земле внизу, и что в водах под землею; не поклоняйся им и не служи им.

3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.

4. Помни день субботний, чтобы святить его (*проводить* его свято): шесть дней работай и делай, в продолжение их, все дела твои, а день седьмой — день покоя (суббота) посвящай Господу Богу твоему.

5. Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе хорошо было, и чтобы ты долго прожил на земле.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй (не развратничай).

8. Не воруй.

9. Не произноси на другого ложного свидетельства.

10. Не желай себе жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего того, что есть у ближнего твоего.

Десять заповедей Ветхого завета были размещены на двух скрижалях, потому что в них содержится два вида любви: любовь к Богу (первые четыре заповеди) и любовь к ближнему (остальные шесть). Поэтому Иисус Христос на вопрос, какая заповедь самая главная, сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Матф. 22, 37-40).

«Девять заповедей блаженства» Нового завета, данные нам Иисусом Христом, учат нас, как достигнуть христианского совершенства или святости (приведены в упрощенном виде и по-русски):

1. Блаженны (счастливы) смиренные, потому что им дано будет Царство Небесное.

2. Блаженны плачущие (о грехах своих), потому что они утешатся.

3. Блаженны кроткие, потому что они наследуют (получат во владение) землю.

4. Блаженны алчущие и жаждущие правды, потому что они насытятся.

5. Блаженны милостивые, потому что они будут помилованы.

6. Блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога.

7. Блаженны миротворцы (живущие со всеми в мире и согласии и устанавливающие мир между людьми), потому что они будут названы сынами Божиими.

8. Блаженны изгнанные (гонимые) за правду, потому что их есть Царство Небесное.

9. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, потому что велика ваша награда на небесах.

Заповеди содержат в себе ответы на любые случаи жизни, и в отличие от всевозможных конституций, партийных программ и прочего пустословия не требуют высокоумных разъяснений и толкований, в них все ясно. Соблюдение их состоит в постоянной проверке наших действий. Если какой-то наш поступок противоречит одной из заповедей, его нельзя совершать. Так как заповеди основаны на абсолютных понятиях добра и зла, здесь нет места ни для каких компромиссов. Так, заповедь «не воруй» значит — не воровать ничего, никогда, нисколько и ни при каких обстоятельствах. И, наконец, добровольное их исполнение приводит к восстановлению *совести* — того, без чего невозможно построение никакого общества.

С. ЧЕКАЛИН

А ТАМ ВДАЛИ...

(Продолжение)

С офицерами-артиллеристами В. в один вечер проиграл все свое состояние и в азарте отыгратья взял ротный ящик и проиграл солдатские деньги. Ночью он явился в казарму и, подняв свою роту, рассказал обо всем случившемся. «Утром, — говорил он, — отправлюсь к командиру полка и предам себя суду, но прежде всего хочу покаяться перед вами. Простите меня, ребята, я с вами делил горе и радость, не откажите мне в милости, когда буду разжалован, принять меня в ваши ряды солдатом, честною смертью перед вами искуплю свой грех».

Солдаты бросились обнимать капитана. Растроганный этой сценой, он в волнении вернулся домой и начал уже писать рапорт полковому командиру, когда раздался стук в дверь. Входит фельдфебель: «Ваше благородие, пришел от роты, больно жаль Вас. Собрали, что было у нас денег (при этом он дает мешок с пятаками и мелочью), идите опять играть — Бог поможет отыгратья». В. берет деньги и опять бежит играть. Судьба смилостивилась. Он отыгрывает все и еще получает несколько сот рублей выигрыша. В казарме, куда он приходит на рассвете, вся рота не спавши, с волнением спрашивает: «Что, Ваше благородие, помог ли Бог? А мы за Вас все время молились». В., обнимаясь с солдатами, поведал о своем спасении и отдал роте выигранные деньги. Тут же решено было торжествовать это событие.

За это «торжество», длившееся около двух дней, капитан В. был временно отстранен от командования ротой и посажен на гауптвахту...

Войска для Даргинской экспедиции, в которой участвовал Дондуков-Корсаков, собирались в крепости Таш-Кичу, что в переводе значит «Каменный Брод». Это та самая крепость, упомянутая в повести «Бэлла», где Лермонтов поселил своих героев — Печорина и Максима Максимыча. Экспедицию возглавлял князь Воронцов. Отряд выступил из крепости 28 мая 1845 года.

«Мы тронулись по направлению к Дарго (*чеченский аул, где в то время находился Шамиль*), — вспоминает Дондуков-Корсаков, — и когда поднялись на Регельский перевал, перед нами открылась одна из великолепнейших картин, впечатление от которой я до сих пор сохраняю в своей памяти. У ног наших, к востоку, открылся спуск в Дарго, вскоре обгаренный кровью наших солдат; далее виднелась вся лесистая Ичкерия со своими долинами и хребтами. К северу тянулась большая Чечня, открывалась Сунжа и по равнине вьющийся Терек; наконец, слабой полосой на горизонте величественную эту картину окаймляло Каспийское море. День был совершенно ясный, небо безоблачно, мы находились на высоте нескольких тысяч футов, перед нами открывался горизонт более чем на 150 верст. С восторгом насладились мы представившейся картиной; никто не подозревал тех испытаний и страданий, которые суждено было скоро переносить нам в этой местности...»

Описание можно продолжить лермонтовскими строками, чтобы почувствовать на фоне вечной красоты, созданной природой Кавказа, весь трагизм этой затянувшейся жестокой войны:

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Экспедиция сложилась неудачно. После занятия аула войска вынуждены были отступить под натиском горцев. Многочисленные стычки в лесных завалах привели к большим потерям ранеными и убитыми. «Я застал толпившийся в сильном беспорядке обоз и колонну раненых в лесу, перед небольшим, окруженным лесом же,

кукурузным полем, — вспоминает Дондуков-Корсаков, — впереди была слышна жаркая перестрелка и пушечные выстрелы... Я с трудом пробился к штабу и нашел кн. Воронцова и свиту его спешившимися для перехода поляны. С опушки леса, еще не занятой нашими, сыпались пули на узкую дорожку, которую предстояло перейти. Только что кн. Воронцов вышел на поляну, стрельба участилась и одновременно около него было ранено несколько человек казаков и адъютанты князя, товарищи мои, С. Васильчиков — в руку, а М. Глебов — в ногу».

Тяжелые испытания выпали им в последующие дни. Дондуков-Корсаков рассказывает: «Когда я выехал на позицию и ко мне присоединились раненые товарищи Васильчиков и Глебов, томимые голодом, а особенно жаждою (мы целый день ничего не пили) при невыносимой жаре, — казаки наши устроили временно на полях из сучьев и веток балаган (как солдаты называли «холодок»), в котором мы и улеглись до общего расположения частей. К вбитым в землю кольям были привязаны наши лошади...»

Во время перестрелки на позиции был ранен сам Дондуков-Корсаков и убит его товарищ, служивший тоже адъютантом у главнокомандующего, — Лонгинов. Затем последовала ужасная ночь перед отступлением. «Когда мы пришли на ночлег, уже совершенно стемнело, небо заволклось грозными черными тучами, и вскоре разразилась одна из тех страшных гроз, какие бывают только на Кавказе. В отряде нашем палаток больше не было, исключая у нескольких начальствующих лиц; все мы расположились биваками, как попало, и разложили костры для варки пищи. Я с товарищами своими Глебовым и Васильчиковым приютились под кустом и около себя положили тело бедного Лонгинова. Предварительно сняли мы с него кольца, образа и кинжалом обрезали несколько клочков волос, все это разделили между собой с тем, что кто останется в живых из нас, отослал бы эти дорогие остатки в семейство покойного; затем завернули мы тело в бурку и перевязали веревками, чтобы похоронить на другой день.

Я чрезвычайно был поражен потерей старого моего университетского товарища и искренне любимого друга; несмотря на усталость и боль от раны, я долго не мог заснуть под бременем тяжелого впечатления. Помню, что когда огонек наш погас, и мы лежали промокшие до костей под свирепствующим ливнем, вдруг какой-то казак, проезжая мимо нашего куста, задел лошадью своей тело Лонгинова; я притянул его ближе к себе, желая оградить от подобных случайностей, и к рассвету, когда пробили зарю, оказалось, что я лежал и заснул на трупе товарища. Мы сейчас же распорядились

вырыть яму около того места, где мы лежали, призвали священника для отпевания, и покуда отряд готовился к выступлению, успели похоронить Лонгинова, и на свежей могиле развели огромный костер, чтобы скрыть от горцев место погребения...»

К таким предосторожностям прибегали на кавказской войне, чтобы избежать надругательств над трупами, так как горцы часто разрывали могилы «неверных». И как знать, если бы не роковая дуэль, Лермонтов мог бы так же бесследно погибнуть в горах Кавказа, разделив судьбу Лонгинова.

Но на войне, как на войне. И рядом с трагическим часто уживалось и смешное. Один такой курьезный случай произошел в Даргинской экспедиции с юнкером Тихоновым, который за лень и шалость был исключен из Полтавского корпуса и отправлен на Кавказ в Курьинский полк. Через две недели он попал в экспедицию, и при отступлении из Дарго 8 июля был ранен пулею в бедро. Его кладут на носилки и волокут на перевязочный пункт. Но по дороге встречается главнокомандующий, в тот день лично следящий за ходом боя в арьергарде.

— Кого несете, братцы? — спросил князь Воронцов куринцев.

— Юнкера Тихонова, ваше сиятельство, — ответили они.

— Поздравляю его прапорщиком! — громко возгласил князь Михаил Семенович. Тихонова пронесли на сотню шагов далее, и солдаты, чтобы отдохнуть от ноши, остановились в стороне. Тем временем главнокомандующий с очень малою свитою при нем при общем движении отряда проезжает верхом вперед и снова останавливается в ожидании арьергарда, где тогда кипела отчаянная схватка. Мимо него опять проносят Тихонова.

— Кого несете, братцы? — спросил он.

Куринцы, слышавшие о пожаловании их юнкеру чина, смело отчеканили:

— Раненого прапорщика Тихонова, ваше сиятельство!

— Поздравляю его подпоручиком, — объявил князь.

Опять солдаты понесли раненого вперед и опять остановились. Снова главнокомандующий обогнал их и опять придержал коня своего.

— Кого несете, куринцы?

— Подпоручика Тихонова, — уже весело отвечают молодцы.

— Поздравляю его поручиком! — одобрительно под град пуль кричит им князь, приказывая дежурному при нем адъютанту записывать фамилии всех ежеминутно проносимых мимо раненых, тут же «для вящего поощрения награждая их чинами, в силу Высочайше дарованного главнокомандующему права, в своем личном присутствии, производить обер-офицеров на поле сражения». Тихонов хотя и

был ранен очень тяжело, но не настолько, чтобы не сознавать всего случившегося. Четверть часа спустя, в четвертый раз его пронесли мимо озабоченного князя, и на этот раз на вопрос, кто раненый, Тихонов приподнял голову и слабым голосом сам ответил:

— Поручик Тихонов, ваше сиятельство!

— Поздравляю вас, милейший Тихонов, штабс-капитаном! — улыбаясь, утешил раненого страдальца князь Михаил Семенович, конечно не подозревая о случившихся недоразумениях. В тот же вечер на привале в приказе князя по кавказскому корпусу было объявлено о вновь произведенных, а в числе их и Тихонова — в штабс-капитаны. Впоследствии главнокомандующему было доложено о происшедшем недоразумении, на что, будто бы, он только возразил: «От своих слов я никогда не отказываюсь», — и это производство стало свершившимся фактом.

Приведу еще один эпизод из жизни экспедиции, раскрывающий в довольно необычной обстановке отношение кавказских офицеров к вопросам долга и чести. После многих лишений, перенесенных при отступлении, раненые Дондуков-Корсаков, Васильчиков и Глебов попали в полевой лазарет. Было так тесно, что они лежали почти друг на друге. Входит офицер Навагинского полка, застегнутый на все пуговицы, и просит места. «Навагинский полк, — поясняет автор воспоминаний, — в то время не пользовался хорошей боевой репутацией, особенно между кабардинцами и куринцами.* В ответ на просьбу офицера кто-то закричал: «Навагинцам между нами нет места». Тогда офицер расстегнул изорванный сюртук свой и все увидели окровавленную рубашку и перевязанную грудь. «Господа, — сказал он, — я тринадцатого числа ранен двумя пулями в грудь, не оставил фронта и с ротою пришел до Герзель-аула; судите, достоин ли я лежать с вами». «Громкое "ура" встретило эти полные достоинства слова, — пишет Дондуков-Корсаков, — сейчас явилось шампанское и портер, чтобы выпить за здоровье капитана, и я с Васильчиковым положили его между собой».

Конечно, здесь чувствуется тон, задаваемый штабными и гвардейскими офицерами. Старые кавказцы, вроде Максима Максимыча, вряд ли бы так повели себя. Но более всего меня удивило упоминание о шампанском. Откуда оно могло появиться, если одной из причин провала Даргинской экспедиции была нехватка продовольствия, солдаты и офицеры голодали и находились в крайне измученном состоянии. Ответ на этот вопрос я нашел в других мемуарах. Оказывается, вслед за экспедиционными войсками двигались бойкие маркитанты, нагрузив своих осликов саквами с шампанским, за кото-

* Имеются в виду Кабардинский и Куринский полки.

рое офицеры в походных условиях расплачивались золотом. Марки-
танты готовы были рисковать своей головой, будучи уверены, что
если уцелеют, то с избытком окупят свой риск.

Но вернемся к кавказской одиссее Дондукова-Корсакова:

«24 -го или 25-го июля сформирован был для отправления за
линию первый транспорт раненых, с которыми отправился и я.
Транспорт состоял более чем из ста татарских арб, присланных из
соседних аулов, и нескольких полковых повозок, под прикрытием
колонны с артиллерией и казаками. На каждом трех раненых
полагалась одна арба, как для солдат, так и для офицеров, и
обыкновенно назначали одного трудно раненого, а двух с более
легкими ранами. К рогам или ярму быков с одной стороны, а с другой
стороны — к арбе, привязывали иногда носилки для того, чтобы
тряска была менее ощутительна ранеными; на самой же арбе, на сене
или соломе, располагались двое остальных... Транспорт двигался, как
можно себе представить, весьма медленно, и мы расположились на
ночлег в степи, на Кумыцкой плоскости. На другой день,
переправившись через Терек в Амираджурт, часть больных сдали на
линии в станице Щедринской, где был госпиталь, а остальные прибыли
в станицу Червленную. Я помню встречу, которую сделали транспорту
гребенские казаки: все почти население вышло из станицы, атаман со
стариками впереди, кланяясь в пояс раненым, выражали полное
сочувствие нашим лишениям. По всей колонне казачки разносили вино,
угощенье раненым, отыскивая своих знакомых, расспрашивали про
наши дела. Помню, как казачка Авдотья Догадиха, подходя к нашей
повозке, сказала: «Ах вы, Шамилевы объедки», — и сейчас же с
участием, вместе с другими, позаботилась о помещении нашем по
домам...»

Можно только удивляться образному и меткому языку казачки
Авдотьи и присущему ей чувству юмора, которым она хотела
подбодрить раненых. Станица Червленая славилась своим
гостеприимством и красавицами-казачками. Здесь находились
войсковое правление, войсковая канцелярия, артиллерийский парк,
лазарет. Проживало на постое много военных. Вечерами у дома
войскового командира играл полковой оркестр и устраивались
гулянья. Слава Червленной была настолько велика, что о ней
упоминалось в популярном в то время куплете, распеваемом
офицерами:

В Таш-Кичу не хочу,
В Грозную не надо.
Как в Червленную пойдем,
Так все радости найдем.

В станице раненные впервые почувствовали себя дома. «Здесь отдохнул я два дня, — пишет Дондуков-Корсаков, — сделали мне кое-какие костыли, достали тарантас, в котором поместились Васильчиков, Глебов и я, и поскакали на почтовых в Пятигорск для излечения наших ран».

Лермонтовский Пятигорск

Пятигорск в те времена пользовался широкой известностью своими целебными источниками и красотой местности. Дорога к нему проходила через заштатный городок Георгиевск, бывший когда-то крепостью, от которой сохранился земляной вал с начавшими уже разрушаться бастионами. На полпути между Георгиевском и Пятигорском путники проезжали станицу Лысогорскую. После нее дорога поворачивала на юго-запад и поднималась на обширную плоскую возвышенность, окруженную со всех сторон шатрообразными горами. Казалось, они вдруг поднялись из земли, не затронув окружающей поверхности, и застыли в пространстве в виде огромных синих холмов. Буйное разноцветье трав покрывало окрестную равнину. Воздух был напоен запахом степных цветов и полыни.

Через семнадцать верст от Лысогорской путники подъезжали к пятигорской заставе. У заставы казаки отбирали подорожную, которая потом сдавалась в комендатуру. Далее путь лежал по длинной прямой улице, застроенной небольшими белыми домиками, крытыми камышом. Это было преддверие Пятигорска — Солдатская слободка. Слева от дороги внизу бурлил Подкумок. За ним располагалась Горячеводская станица. А справа почти вплотную подступала гора, носившая название Горячей, на склоне которой виднелись казармы и флагшток, служивший условным ориентиром для отдыхающих «на водах». Проехав слободку, путники поднимались немного в гору, круто поворачивали направо, огибая угол длинного пригорка, выдающегося на юг, и выезжали на небольшую, но красивую площадку, открывающую вид на уютный, чистенький городок. Все постройки располагались у подножия Машука. Стройная липовая аллея, аккуратные, привлекательной наружности здания с железными и черепичными кровлями, чистота на улицах и оживленное движение приятно поражали взор, утомленный глухими проселками и степными селениями.

Впрочем, чтобы проникнуться чувствами офицеров, попадающих в Пятигорск после экспедиции, обратимся еще раз к воспоминаниям Дондукова-Корсакова: «Пятигорск показался нам совершенно земным раем; относительно удобная квартира, прекрасная гостиница, хорошие

каменные и деревянные дома, бульвар, усеянный гуляющими, музыка по вечерам, дамские туалеты приезжих семейств с разных мест Кавказа и России, — все это вводило нас в цивилизованную относительно сферу, в европейскую, до некоторой степени, жизнь, после того, как никто из нас не надеялся уже выйти живым из страшных Ичкеринских лесов. Удивительно, какое впечатление в первые дни все производило на нас; мы дышали какой-то детской, восторженной радостью, все казалось нам так хорошо, прекрасно и отраднo. Я помню, что первую ночь, в хороших постелях, на удобной квартире, никто из нас не мог даже заснуть от ощущаемого в этой новой обстановке волнения. Разумеется, вскоре все это улеглось и мы стали жить общей жизнью с другими. В Пятигорск постоянно подъезжали товарищи и участники Даргинской экспедиции. Все мы возбуждали общее участие и интерес всех, особенно приезжих из России, что немало льстило нашему молодому самолюбию и заставляло нас не без успеха рисоваться на наших костылях и с подвязанными руками перед тамбовскими, саратовскими и другими помещиками. Жилось нам весело и широко в то время в Пятигорске».

На этом мы расстанемся с нашими боевыми друзьями и продолжим знакомство с городом и его обществом, воспользовавшись записками И. И. Дроздова, сына местного военного врача. Автор записок родился в Пятигорске в 1837 году, крестным отцом его был полковник князь Владимир Сергеевич Голицын, а крестной матерью — известная в то время красавица графиня Орлова-Денисова. Эти лица входили в круг пятигорских знакомых Лермонтова.

Голицын был высокообразованным человеком и от природы наделен с избытком всеми ее дарами: острым умом, храбростью, великодушием и щедростью. Характеризуя Голицына с положительной стороны, автор записок рассказывает, со слов отца, как однажды в экспедиции князь был ранен пулей в плечо. Рана была тяжелая, и Голицыну пришлось выехать из отряда, чтобы вынуть глубоко засевшую пулю и лечиться, для чего и был приглашен в Пятигорск старший Дроздов. Во время операции, когда вырезали пулю из плеча, князь преспокойно читал французский роман и курил сигару, и только когда стали перевязывать рану, спросил, скоро ли кончится?

Каждое лето князь Голицын приезжал со своим семейством в Пятигорск, и вокруг него собиралось лучшее общество приезжих из России и из Кавказской армии. В записках отмечается, что Голицын с большим вниманием и уважением относился к Лермонтову. В качестве доказательства приводится тот факт, что в день гибели поэта на дуэли князь отменил бал по случаю своих именин, назначенный в казенном саду, несмотря на большие из-за этого издержки.

Вызывает улыбку маленький эпизод, связанный с пребыванием поэта в Пятигорске. «Отец мой, — пишет Дроздов, — лично знал Лер-

монтова, и они при встречах раскланивались оба, а иногда и перекидывались словечком-другим. Первая встреча была в госпитальной конторе, куда Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов явился для освидетельствования.

— Чем вы больны, Михаил Юрьевич? — спросил отец.

— Да вот, доктор, у меня на руке прыщик, который очень беспокоит меня.

— На какой руке? — спросил отец пресерьезно.

— На левой.

— А! Прыщик на левой руке. Это очень важно. Впрочем, гуляйте, танцуйте, катайтесь, и рука заживет, — сказал отец, засмеявшись, — а правую руку поберегите: она столько же ваша, сколько и наша. Очень счастлив познакомиться с вами».

С юмором описывает Дроздов смятение в Пятигорске в 1846 году, когда ждали нападения Шамиля. Гарнизон города составили из инвалидной и госпитальной команд и военно-рабочей роты. Обыватели попрятались по домам. Отец Дроздова, доктор Иван Ефремович, приказал все входы и выходы во двор своего дома завалить камнями. А по углам двора расставил несколько вооруженных солдат из госпиталя. Выйти на улицу можно было, только перелезая через высокие ворота с помощью лестницы, совсем как у Робинзона Крузо. Один из сторожей-солдат сначала приставлял лестницу к воротам, обозревая улицу направо и налево, потом докладывал доктору, что все спокойно. Иван Ефремович влезал на ворота, садился на перекладину, солдат втягивал лестницу наверх, опускал ее на улицу, и тогда доктор, вооруженный азиатской шашкой, спускался вниз и отправлялся на службу в госпиталь.

Ночью неизвестно кто, но несомненно шутник, крикнул на улице: «Шамиль идет!» Мигом узнала об этом полицая и бросилась оповещать обывателей. И вот один из квартальных надзирателей, подойдя к дому Дроздовых, изо всей силы стал стучать в закрытый ставень и кричать: «Иван Ефремович! Шамиль идет!» «Полусонный отец, — вспоминает автор, которому тогда было девять лет, — вскочив с постели, выхватил шашку и начал бегать по комнатам, размахивая ею с криком: «Где он? Подайте мне его, подлеца!» И только после возгласов испуганной матушки, не совсем в ту пору здоровой: «Брось шашку! Ты порубишь детей!» — отец вложил шашку в ножны, оделся, сделал распоряжения отвести нас в подвал, а сам отправился возбуждать и поддерживать мужество неизвестно куда исчезнувшего гарнизона». Но все обошлось благополучно.

Состав пятигорского общества резко делился на «летних» и «зимних». Летом город заполнялся приезжими «на воды» и жил для них. На рынок, который собирался по утрам на определенном месте,

доставлялись из соседних татарских, русских и немецких колоний в огромном количестве съестные припасы. Лучшими продуктами снабжали Пятигорск поселенцы немецкой колонии Каррас, лежащей от него в семи верстах. Фрукты, сыр, масло, яйца, куры, баранина, говядина, хлеб русский и французский продавались даже дешевле, нежели в Ставрополе. В окрестностях Пятигорска водилось довольно много дичи: фазаны, куропатки, перепелки, дикие сайги и даже олени. Летом в большом количестве доставлялась в Пятигорск форель, вылавливаемая в Тереке и других горных речках, и недорого продавалась разносчиками по улицам, дворам и на рынке.

Самым популярным и оживленным местом города был бульвар, протянувшийся более чем на версту, до самого Елизаветинского источника. Прогулки по бульвару прерывались посещением источника, где больные выпивали положенное число стаканов кислосерной воды, заполняя промежутки между ними разговорами, главным предметом которых был разбор военных действий на Кавказе и методы лечения пятигорских медиков.

И кого только не было среди отдыхающих. И военные, и штатские, знатные люди и мещане, степенные помещики в демикотоновых сюртуках и чванливые чиновники, столичные модницы и толстые купчихи; встречались и уморительные оригиналы. Особый тон задавала так называемая золотая молодежь из гвардии и кавалерии. «Музыка гремела под окнами княжеских и графских квартир ежедневно, — рассказывает Дроздов. — Шампанское лилось рекой, и подгулявшая молодежь, иногда в костюмах Адама, еще не изгнанного из рая, появлялась перед публикой, изображая богов Олимпа в различных позах. Такие безобразия трудно было прекращать, ибо у милых юношей этих были тетушки, дядюшки и даже маменьки в Петербурге, связаться с которыми бывало небезопасно какому-нибудь пятигорскому коменданту. Однако же и он выходил иногда из терпения. И вот однажды буйных князей и графов комендант потребовал к себе для объяснения. Они явились в парадной форме, уселись на дворовой стене и, когда комендант вышел на крыльцо, начали лаять на него по-собачьи. Ну что же с ними делать?! Донести по начальству? Скажут, что комендант не сумел к себе поселить достаточного уважения. Арестовать, а потом выгнать из Пятигорска? Взволнуются в Петербурге, и тогда пиши пропало. Оставалось плюнуть и уйти в комнаты, что и сделал комендант». Как видим, нравы модного курорта остаются почти неизменными с лермонтовских времен, и военная молодежь доставляла много хлопот коменданту.

Некоторые отдыхающие любили прогулки в окрестностях Пятигорска, предпочитая аккуратным аллеям извилистые тропинки, протоптанные на склонах Машука. Среди развлечений «водяного общества»

было посещение Провала — подземной пещеры, расположенной на южном склоне горы. Провал имел форму усеченного конуса, узким концом направленного вверх. На дне пещеры глубиной более 40 метров лежало озеро с теплой и голубоватой от серных соединений водой. Во времена Лермонтова для развлечения отдыхающих над Провалом был перекинут мост.

Особой популярностью пользовались прогулки верхом в колонию Каррас. Путь проходил по живописным местам. Всадникам приходилось пробираться по узким дорожкам между кустарниками дикого миндаля, шиповника, терна, спускаться в небольшие балки, где под сенью густых трав протекали чистые ручьи, пересекать цветущие, залитые солнцем поляны. И на протяжении всей дороги путников окружали синие громады гор Бештау, Железной, Развалки, Змеиной. Часто по этому маршруту следовали кавалькады отдыхающих и любители одиночных прогулок.

С окончанием летнего сезона Пятигорск входил в обычную колею жизни. Осень, зиму и весну пятигорцы проводили в своем обществе, не менее весело и разнообразно. Молодежь собиралась в семьях, где были барышни. Танцевали под фортепьяно, играли в фанты, веселились от души. Любители виста и преферанса проводили время в доме Екатерины Ивановны Мерлини. Поклонники музыки собирались у Дроздовых. Доктор страстно любил музыку, и хотя сам не играл, часто устраивал домашние музыкальные концерты. Автор записок вспоминает:

«В Николин день устраивался первый бал Благородного собрания. Общество собиралось в здании ресторации Минеральных Вод, в том самом зале, где Печорин спас от обморока княжну Мери. Зал обыкновенно украшали зеленью, цветами. На хорах зала, блистательно освещенного люстрами и канделябрами, помещался оркестр под управлением Сашки, цирюльника госпитальной команды. Бал, как заведено было в прежние добрые времена, открывался обыкновенно польским... Легкими танцами всегда дирижировал Аркадий Павлович Озерецковский. Дежурный старшина не давал задумываться молодежи и праздно сидеть по углам. Он был везде: и в зале, и в гостиных, и в буфете и только тогда успокаивался, когда все дамы и девицы имели кавалеров-танцоров. В промежутках между танцами разносили конфеты, фрукты, аршад, лимонад, кому что нравится...

Святки и масленицу проводили в Пятигорске в особенности весело и шумно. Балы, загородные поездки в санях и на тройках с длинными хвостами из салазок, в которых помещались кавалеры, придавали городу оживление. Курьерские тройки мчались во весь дух, салазки опрокидывались, кавалеры летели в сугробы снега... Крик, визг, хохот далеко оглашали поля и горы. Поездки эти заканчивались отдыхом в

колонии Каррас у Богдана Ивановича Рошке, где услужливая Марья Ивановна и ее хорошенькая невестка Лиза, всегда вздыхавшая при воспоминании о Лермонтове, угощали промерзнувшую молодежь шоколадом и кофеем». Знакомство с пятигорской жизнью объясняет нам, почему многие кавказские офицеры любили отдыхать в этом городке после экспедиции, а при выходе в отставку селиться в нем. Одно время Пятигорск удостоился иметь даже собственного графа. История эта столь занимательная, что заслуживает краткого изложения.

Дед Дроздова по материнской линии Николай Матвеевич Водопьянов служил начальником Тифлисского арсенала. Его лично знал и высоко ценил сам Ермолов. В Тифлис Николай Матвеевич был переведен Ермоловым из Георгиевска, где он тоже заведовал арсеналом. В Георгиевском у Николая Матвеевича в канцелярии арсенала служил писарем унтер-офицер Иван Евдокимов, любимый им за трудолюбие и хороший почерк. Жена Евдокимова была отличной прачкой, за что к ней благоволила бабушка Дроздова. Евдокимовы нарекли родившегося сына в честь его высокоблагородия Николаем, и бабушка Дроздова согласилась стать крестной, не подозревая, что при крещении восприняли будущего графа.

Николай Иванович научился грамоте под руководством отца Дроздова и шестнадцати лет был определен писарем в штаб главнокомандующего. Но мечтой его была служба в строевых частях, и он рвался туда, где чувствовал свое призвание. «С помощью деда моего Евдокимов был переведен в пехотный Дагестанский полк, в рядах которого скоро заслужил чин прапорщика, — рассказывает Дроздов. — Красивый, стройный прапорщик Евдокимов кое-как добрался до Тифлиса и явился к моей бабушке. Бабушка, искренне радуясь успеху по службе крестника ее Николаши, не пожалела денег на обмундирование юного офицера и на снаряжение его, то есть купила ему пару лошадок, вьючные сундуки, погребец и, снабдив его деньжонками, благословила в путь-дорогу...»

В 1847 году Евдокимов уже в чине полковника, командира Дагестанского полка упоминается в деле при ауле Салты, где погиб лермонтовский товарищ М. Глебов. В 1864 году за покорение Кавказа генерал Евдокимов получил графское достоинство. В высочайше утвержденном гербе пожалованному графу государь лично соизволил начертать девиз «с бою», означавший получение графского достоинства с бою. Но по окончании Кавказской войны Евдокимов отказался от командования военным округом и попросился на покой. Он поселился на пожалованной ему земле под Пятигорском, в устроенном им хуторе Новый Веден, названный так в честь аула Веден, где был взят в плен Шамиль. Спустя 7 лет, проведенных в полном уединении, граф Евдокимов скончался и был похоронен в ограде пятигорского собора.

Но странное дело. Сейчас в Пятигорске никто не знает и не помнит о графе Евдокимове. Хутор его давно разрушился и зарос лесом, не сохранилась и могила графа. А поручик Лермонтов, пробив в Пятигорске в общей сложности несколько месяцев, навечно «поселился» в нем. В центре города в сквере поставлен бронзовый памятник поэту. Отсюда открывается чудесный вид на снежные вершины Кавказа, которыми часто любовался Лермонтов. Дагестанский писатель Эффенди Кадиев, живший до войны в Пятигорске, писал:

«Белые тени Эльбруса потрясающе четки и прозрачны. Деревья за окном не шелохнутся в великом оцепенении. Стаи воробьев визжат от восторга и прыгают по землистой изгороди. Лермонтовский скверик (мы живем напротив) по-весеннему задумчив и тих. Михаил Юрьевич, подпирая рукой подбородок, часами безмолвно глядит в загорье. Сейчас он особенно молчалив, и чтоб не нарушать эту большую грусть, мы... осторожно садимся поодаль на пустую скамью. За Вештау опускается солнце. Облака загораются тусклым, тлеющим огнем. Они нависают совсем низко на западе, тогда как вся остальная часть неба пустынна. Над нами возникают две первые звезды. Уже темно. Странно: нам иногда кажется, что великий поэт, поправляя сползающую шинель, низко опускает голову на грудь. Мы смотрим со спины. Плечи его временами вздрагивают...»

И сейчас это чувство приобщения к живому Лермонтову не покидает тех, кто хоть раз побывал в Пятигорске.

Москва

В. Г. ДАНЧЕНКО

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Подготовкой офицерских кадров российская администрация занималась постоянно на протяжении всего XVIII в. Центром ее долгое время оставался Сухопутный шляхетский кадетский корпус, хотя во второй половине столетия появляются и другие военно-учебные заведения. С самого начала в нем утвердился универсальный

характер «научения» дворянских недорослей, которые получали и общеобразовательную подготовку, и специальные знания в военном деле. По существу Корпус заменял домашнее воспитание, начальную и среднюю школы и, по словам известного историка С. М. Соловьева — «собственно университет». Эта тенденция получает наиболее полное выражение с назначением генеральным директором Корпуса И. И. Бецкого, выдающегося деятеля культуры екатерининской России. С 1765 г. в течение почти 20 лет Корпус являлся местом практической реализации планов и проектов Бецкого, который стремился реорганизовать систему обучения и воспитания кадетов. Если ранее и то, и другое проводилось методом проб и ошибок из-за почти полного отсутствия педагогической и методической литературы, то Бецкий пытался упорядочить эти процессы, придать очевидную определенность и логичность.

В подготовленных им «Уставе Шляхетского сухопутного кадетского корпуса» и «Наставлении воспитателям» представлены конкретные меры по совершенствованию как учебной программы, так и методов воспитания. Деятельность Бецкого как новатора педагогической науки освещалась достаточно широко, поэтому остановимся лишь на самом главном.

Все воспитанники Корпуса делились на 5 возрастов, каждому из которых была составлена особая учебная программа, число всех предметов составляло 24. При этом едва ли не наименьшее внимание уделялось именно военным дисциплинам.

В Корпус решено было принимать с 5-6 лет и содержать там до 20 лет. Самая младшая по возрасту группа именовалась «малолетнее отделение» под руководством управительницы с особым штатом служащих, в состав которого входили воспитательницы.

Основной задачей воспитания Бецкий считал необходимость внушить кадетам «добрые мысли», веру в могущество и силу добродетели, которая одна только и может позволить достичь благополучия. При Бецком резко сократилось использование телесных наказаний, хотя он и не исключал определенной суровости и жесткости в воспитании подрастающего поколения, тем более военных.

В силу ряда причин, объективных и субъективных, многое из задуманного Бецким не было реализовано. Но некоторые его положения прочно вошли в повседневную корпусную жизнь. В какой-то мере можно согласиться с историком П. В. Петровым, что «педагогические идеи Бецкого взяли верх над прямым назначением военно-учебного заведения, и оно стало еще более энциклопедическим». происходившее в Корпусе кадет не могло удовлетворить ни военное руководство, ни Екатерину. О необходимости пересмотреть «на военный лад» учебную программу Корпуса говорил еще много раньше

П. И. Шувалов, но при Бецком «гражданский дух» все еще витал в корпусных классах и коридорах. Для императрицы, которая в годы пугачевского бунта распрощалась с «вольтерьянством», эксперименты Бецкого также выглядели нежелательными. Для проверки деятельности Корпуса в 1784 г. была послана Комиссия народных училищ под началом П. Завадовского, по окончании работы которой Бецкий был отстранен от руководства.

Члены Комиссии пришли к мнению, что учебную программу Корпуса необходимо привести в соответствие с тем, что, на их взгляд, необходимо для качественной подготовки офицерского корпуса. Для этого был сверстан новый учебный план, в котором комиссия постаралась исправить «упущения» Бецкого. Справедливо критикуя его за обилие наук, многие из которых будущему офицеру «лишни», Комиссия постановила изъять, например, из программы «наутику, или сведения о морском искусстве», поскольку все это изучается в Морском корпусе. Что же касается химии, то ее предписано было изучать столько, сколько необходимо «хорошо воспитанному человеку». «Многие художества» — живопись, гравирование, «делание статуй», «изваяние» решено было ввиду их малого отношения к Корпусу «вовсе бы отставить». Физические упражнения, их объем и виды, должен был определять директор.

Комиссия пришла к выводу, что вообще надобно расположить науки точно по возрастам, определить число учителей и «назначить книги, по которым науки оные преподавать». Дело в том, что в ходе работы Комиссии выявились вещи совершенно неожиданные: к концу 70-х годов Устав 1766 г. во многом оставался на бумаге, учебная программа выполнялась не в полном объеме, с распределением предметов по возрастам существовала известная путаница. Многие воспитанники старших возрастов не имели понятия о том, что должны были проходить ранее, иногда они только начинали постигать основы предметов, изучение которых предполагалось в первые месяцы пребывания в Корпусе.

С другой стороны, в разных возрастах дублировалось изучение одних и тех же дисциплин. Поэтому и не удивительно, что в окончательном отчете Комиссии встречаются формулировки «не прочно преподаются», «запущения», «за слабостью знаний и малолетством».

Был выработан следующий порядок и содержание учебного процесса:

I возраст.

Российская грамматика и Катехизис — 6 часов в неделю.

«Грамота» французского, немецкого языков по 4 ч.

Латинский язык — 4 ч.

«Письмо российское» — 3 ч.

На иностр. яз. — 3 ч.

Рисование — 4 ч.

Всего: 30 ч.

II возраст.

Чтение на росс. языке., Катехизис и первые понятия грамматики
Российской — 5 ч.

Арифметику и геометрию на росс. яз. — 3 ч.

Французскую и немецкую грамматику — по 4 ч. каждая.

Латинский яз. — 4 ч.

Письмо российское — 3 ч.

На иностранных языках — 3 ч.

Рисование — 4 ч.

Всего: 30 ч.

III возраст.

Толкование Евангелий — 3 ч.

Грамматика российская — 4 ч.

Французская, немецкая, латинская — по 4 ч. каждая.

История и география — 4 ч.

Математика — 5 ч.

Рисование — 4 ч.

Всего: 32 ч.

IV возраст.

Упражнение в российском слогe — 2 ч.

Повторение всех исторических и географических наук. Начало
статистической истории, полицейской и государственной
экономической науки — 6 ч.

Продолжение наук математических и начало естественной истории
и физики — 6 ч.

Упражнения на французском и немецком яз. — 2 ч. каждая.

Математические науки на французском и немецком яз. — 3 ч.
каждая.

Латинский яз. — 2 ч.

Логика, право естественное и прочие гражданские науки — 2 ч.

Рисование — 2 ч.

Всего: 30 ч.

V возраст.

Упражнения в российском слогe — 2 ч.

Продолжение статистической истории, полицейской и
государственной экономической науки, окончание всех математических
наук — 12 ч.

Французский и немецкий слог — по 2 ч. каждый.

Латинский яз. — 2 ч.

Математика на французском и немецком яз. — 4 ч. каждый.

Гражданские науки — 2 ч.

Рисование — 2 ч.

Всего: 32 ч.

Как видно из этого плана, по-прежнему большое внимание уделялось изучению иностранных языков. Комиссией давались даже рекомендации по методике их преподавания: указывалось, что французский и латинский языки целесообразно «постигать» одновременно, так как грамматический строй их близок, но произношение и правила чтения, чтобы не привести учащихся в замешательство, должны быть включены в отдельные занятия. При изучении немецкого и французского языков рекомендовалось использовать «филологические забавы» и «достопамятности природы», картинки с надписями. Вообще наглядности в обучении придавалось большое значение: иллюстрации, физические приборы, инструменты, модели, карты, схемы, глобус, таблица — все это должно было активно использоваться на занятиях во всех возрастных группах.

Согласно плану Комиссии, каждый возраст делился на 2 группы кадет по одному учителю в каждой: 2 учителя тем самым, преподавая один предмет, должны были находиться в «благородном соревновании».

Время занятий ограничивалось 3 часами до обеда и 3 часами после. Директор Корпуса имел право вносить поправки в учебный процесс, «сочинять для каждого возраста таблицы», то есть методические указания, что и в каком возрасте «должно было постигать». Преподаватели и профессора распределялись следующим образом: 2 профессора и 2 преподавателя (на каждую дисциплину) в каждом возрасте; женщины-воспитательницы из Корпуса «удалялись».

Военные дисциплины в учебном плане оставались в тех же объемах, что и в плане Бецкого. Но изучение их начиналось в 3-м возрасте.

Особый раздел проекта Комиссии был посвящен учебникам. Так, например, на занятиях по латинскому языку рекомендовалось пользоваться учебником Шелера, сочинениями Корнелия Непота, «выбранными местами» из Цицерона. Историю предписано было «проходить» по работам Шрека, а математику — Разумовского. Основным учебником по физике считался Крафт. «История натуральная» должна была «усваиваться по книгам, которые в народных училищах».

С представленным Комиссией планом не согласился академик Эпинус, который небезосновательно считал, что в нем не преодолена двойственность, и что военные науки недостаточно выделены. Кроме

того он, возвращаясь к предложению Бецкого, предлагал проводить будущую профессиональную специализацию в 4 возрасте, когда кадеты могли выбирать себе науки в зависимости от предстоящей службы, военной или гражданской.

Мнение авторитетного академика вероятно повлияло на то, что план Комиссии Завадовского не был утвержден, не был он, по всей видимости, одобрен Екатериной II; обучение и воспитание кадет проводилось в духе прежних традиций. Лишь в самом конце XVIII в и начале XIX в происходит «милитаризация» жизнедеятельности Сухопутного Шляхетского Кадетского Корпуса, и он превращается в чисто военное учебное заведение.

В. ТОМИЧ

РУССКИЕ ФЛАГИ

*Светлой памяти моих незабываемых учителей морских офицеров
Российского императорского флота настоящую статью благоговейно
посвящает автор.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В большинстве государств, с небольшими отклонениями, всегда существовали и имеются нижеследующие типы флагов:

1) **Государственные** — подверженные переменам в зависимости от перемен в государственном строе, власти.

2) **Национальные** — являющиеся олицетворением данной нации, почти не изменяющиеся с момента возникновения (XIV век); основой им послужили хоругви и стяги.

3) **Личные** — царствующих особ, президентов, высших государственных чиновников, военачальников и т. д.

4) **Ведомственные** — военных и других различных учреждений страны.

5) **Исторические** — частью сохранившиеся в прежнем виде или возникающие вновь в силу изменения исторических событий.

6) **Торговые** — служащие символами торговых судоходных компаний или фирм.

7) **Сигнальные** — двух видов: особые, присвоенные только собственному военно-морскому флоту каждой страны, и международного сигнального кода — единые для всех стран.

Оставляя последнюю категорию флагов в стороне, как не имеющую большого значения для данной темы, а именно — исследование вопроса о русских флагах, необходимо упомянуть, что не все государства, в том числе и Россия, имели в своей истории национальные или государственные флаги.

Ярким примером отсутствия национального флага и наличия лишь государственного, может послужить французское королевство, которое на протяжении всего периода, вплоть до французской революции, не имело такового. За этот исторический период его государственные флаги менялись с появлением каждой новой династии, основываясь на их родовых гербах.

Так, при появлении династии Капетингов (987—1328 гг.) флаг был красный, расшитый золотыми листьями (так наз. «орифламма»), с тремя длинными косицами и зелеными кистями на их концах. При вступлении на трон следующей династии — Валуа, флаг стал четырехугольным, синего цвета, с тремя золотыми лилиями на его поле (1328—1589 гг.). А при наследовании трона династией Бурбонов (с 1589 по 1789 гг.) флаг стал чисто белым (серебряным), без всяких на нем украшений (см. Табл. VIII).

Самый последний пример, уже в нашу эпоху, наличие двух флагов одновременно, т. е. государственного и национального, сочетавшихся в одном, представляла Германия при назначении Гитлера на пост канцлера. Тогда все немецкие посольства и консульства к существовавшему флаштоку добавили второй: на одном развевался немецкий национальный флаг из трех горизонтальных полос — черной, белой и красной (принятый в 1871 г. при образовании Германской империи), а на другом — государственный, партии национал-социалистов, т. е. красный флаг с белым кругом посередине, в котором находилась черная свастика. Со смертью президента Гинденбурга и переходом власти к Гитлеру и его партии этот флаг был объявлен государственным и национальным (см. немецкую энциклопедию «Дер нойз Брокхауз», 1934 г., которая имеется у автора этой статьи).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЛАГ

Приступая к описанию русских флагов, нужно указать, что в Российской империи долгое время не было государственного флага. Вместо него существовало «государственное знамя», введенное имп. Петром I в 1721 г. Прообразом этого знамени послужил принятый Петром Великим штандарт, поднимавшийся на кораблях флота для обозначения присутствия особы императора на них. Оно представляло собой квадрат шелковой материи желтого цвета с черным двуглавым

орлом на нем, а на груди у орла был Московский герб, на крыльях — гербы провинций, тогда существовавших.

Позже, по указу имп. Александра III, для его коронации в 1883 г., было создано и изготовлено новое государственное знамя (см. Табл. I): желтое шелковое полотнище с государственным гербом в виде черного двуглавого орла, грудь которого украшена была гербом Московского царства и цепью ордена Св. Андрея Первозванного. Прямо под орлом помещался герб Дома Романовых-Готторп-Голштинских, показанный в значительно увеличенном виде в той же таблице наряду с первоначальным гербом Дома бояр Романовых.

На правом крыле орла был герб царства Казанского, царства Польского, царства Херсонеса Таврического и соединенный герб великих княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского. На левом крыле — герб царства Астраханского, царства Сибирского, царства Грузинского (соединенный герб: Иверии, Карталинии, Кабардинских земель, Армении, Черкасских и Горских князей) и герб великого княжества Финляндского. По правую сторону от орла (у древка) находились три соединенных герба. Верхний — из гербов псковского, смоленского, тверского, югорского, нижегородского, рязанского, ростовского, ярославского и удорского. Средний — из гербов Литвы и Белоруссии, т. е. полоцкий, витебский, мстиславский, литовский, самогитский и белостокский. Нижний из гербов: пермского, вятского, болгарского, обдорского и кондийского. По левую сторону от орла находились: верхний соединенный герб Волыни, Подолии и Черниговской губернии; средний с гербами Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Карельской земель, а в нижнем — герб Туркестана, тогда только что присоединенного. Знамя было обрамлено кистями из цветов военного флага, т. е. серебряными, оранжевыми и черными, а на голубой Андреевской ленте были начертаны даты: "862" — год основания государства Российского, "988" — год крещения Руси, "1497" — год принятия царского титула и "1721" — год принятия императорского титула и провозглашения России империей.

Хранилось это «государственное знамя» в Московской Оружейной палате и употреблялось только во время коронаций, когда его выносили в собор, а затем конный герольд нес его впереди во время процессии.

ЛИЧНЫЕ ФЛАГИ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ И ПРОЧИХ ЛИЦ

В Табл. II изображены личные флаги всех высочайших особ Российской империи, которые поднимались на мачтах военных кораблей и означали присутствие на них данных особ. Поднимались они также и на флагштоках наших крепостей.

Всем этим флагам подобал нижеследующий салют:

Штандартам Государя и Государыни — 31 выстрел .

(При этом, как упоминает «Морской устав» в ст. 1209: «Во все время продолжения этого салюта вымпелы, брейд-вымпелы и адмиральские флаги держатся приспущенными».)

Наследника Цесаревича и Государыни Цесаревны — 25 выстрелов.

Флагам Великих Князей, Княгинь и Княжон — 21 выстрел.

Флаги последних двух категорий представляют собой вариации императорского штандарта, помещенного на фоне гюйса, или иначе — кейзер-флага, а также и Андреевского флага, о чем будет сказано ниже.

При отбытии из порта или гавани корабля с высочайшей особой на борту и последующим скорым возвращением обратно служили так называемые брейд-вымпелы (широкие вымпелы), которым никакого салюта не положено.

Салют также полагался при поднятии следующих флагов:

Вел. князя наместника или главнокомандующего — 21 выстрел.

Морского министра, командующего флотом и военного министра — 19 выстрелов.

Адмирала — 17 выстрелов.

Вице-адмирала — 15 выстрелов.

Контр-адмирала — 13 выстрелов.

Штаб-офицера под плавучим брейд-вымпелом — 11 выстрелов.

Всем прочим салют не производился.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ГОСУДАРСТВЕННОМ» ФЛАГЕ РОССИИ

Прежде чем перейти к следующему нашему флагу, должен упомянуть о внедрении в царствование имп. Александра II так называемого «государственного флага», придуманного якобы знатоком геральдики и управляющим 1-м отделением Департамента герольдии Правительствующего Сената — Б. В. Кене в 1858 г., составившего его из трех горизонтальных полос: черной, желтой и белой. Указанное расположение цветов видно из копии Высочайшего распоряжения с приложенным к нему рисунком, которая имеется у автора данной статьи.

В описываемый период не было Германской империи, образовавшейся в 1871 г., но существовали отдельные и самостоятельные коро-

левства: Пруссия, Бавария и Саксония, помимо целого ряда отдельных мелких княжеств. Удивительно, что «знаток геральдики» Б. Кене не учел того, что этот флаг был флагом княжества Ганновер еще с XVI века, оставаясь таковым вплоть до 1933 г.

Причем основанием ганноверскому послужил флаг Тевтонского ордена, который был разбит в битве при Чудском озере в 1242 г. нашим благоверным Вел. князем Александром Невским.

Подозрительно и то обстоятельство, что пресловутый знаток вводил нам не только чужой, но и вражеский флаг Ганновера, десятилетиями корпус которого всего за 46 лет до этого вторгся в Россию в составе «двунадесяти языковой» армии Наполеона, был крепко бит российскими войсками в 1812 г. и отступил в числе остатков «великой армии» последнего (см. Табл. VIII).

Отлично и исторически правдиво об этом флаге написано в статье «О суетном и ложном в деле воссоздания исторической России», написанной А. Л. Никитиным и помещенной в журнале «Наши вести», № 432/2733 за сентябрь 1993 г.

Ниже приводится цитата из этой замечательной статьи, касающаяся упомянутого черно-желто-белого флага, а именно:

«Важнейшим достижением в этой области, несмотря на яростное сопротивление замшелых коммунистов, стало восстановление в 1991 году российского национального флага бело-сине-красной расцветки. Вне всякого сомнения отрадно, что разбойничья красная тряпка (в узаконенном варианте, кстати, 1923—1936 гг.) более не осеняет нашу повседневную жизнь. Но нельзя и не задуматься о том, кто же остался государственно присутствовать под историческим российским флагом? Не в том ли, что символ сей стал своего рода самочинно присвоенной регалией нынешних, столь же незаконных, как и прежде, властей, и кроется непопулярность этого флага, с честью пронесенного русскою белой эмиграцией, донныне не снимающей с его древка креповых траурных лент? Недоверие к тому же умножается на невежество, и исторический российский национальный флаг объявляется чуть ли не «жидо-масонским», а придуманный крещеным евреем бароном Бернгардом фон Кене в 1858 году черно-желто-белый («правительственный» до 1873 г. и «национальный» до 1883 г.) искусственный, германской традиции флаг почитается символом национального патриотизма и государственного возрождения! Это ли не курьез России эпохи бесовского наваждения?!»

Невзирая на все данные против этого флага, проект его был принят в 1858 г. как государственный флаг России, затем по закону от 1 января 1865 г. проект был утвержден — как государственный и национальный. Однако конфуз с введением этого флага вскоре выяснился и был отменен имп. Александром III 27 апреля 1883 г.

Это печальный исторический пример, когда не только чужой, но и бывший вражеский флаг был выдан за государственный флаг России!

Тем не менее, злостные силы из числа лжезнатоков, которым так хотелось ввести его в нашей стране, снова в 1895 г., во время царствования Государя-Мученика имп. Николая II, перевернув тот же флаг белой полосой вверх и забыв о том, что по геральдике не кайма герба или стяга, а цвета их самих определяют расцветку флага, стали выдавать его за «романовский», подняв вопрос о замене им бело-сине-красного.

Стяг же этого царственного Дома Романовых первоначально изображал бронзовое (т. е. на флагах коричневое) поле с красным грифом на нем, держащим золотые меч и щит, не говоря уже о гербе Дома Романовых-Готторп-Голштинских, половина которого была преобладающего красного цвета (см. Табл. I).

Не случайно наш Государь-Мученик имп. Николай II, нередко плававший на императорской яхте «Штандарт» и знакомый с морской службой, поручил комиссии Морского ведомства во главе с генерал-адъютантом адмиралом К. Н. Посьетом детально расследовать это притязание.

Здесь необходимо упомянуть, что по международным морским правилам, действующим и по сей день, перевернутый флаг судна любой страны означал сигнал — «терплю бедствие», на который все находящиеся близко суда были обязаны оказать помощь. (Интересно бы знать, кому это из «творцов» подобного флага безумно хотелось видеть Россию «терпящей бедствие»?)

Естественно, что «Государь Император по всеподданнейшему докладу Его Императорского Высочества Главного Начальника Флота и морского ведомства, в 29-й день Апреля 1896 года ВЫСОЧАЙШЕ соизволил на признание во всех случаях бело-сине-красного флага национальным», как это говорилось в указе. Тем самым комбинации из черно-желто-белых или бело-желто-черных цветов были забракованы ВТОРИЧНО и ОКОНЧАТЕЛЬНО.

Однако и в эмиграции продолжалась постоянная попытка, главным образом, так называемыми «легитимистами», пояснить его происхождение от цветов штандарта, т. е. черно-желтых, с добавлением к нему белого от доспехов и масти коня Св. Георгия Победоносца на груди у орла, хотя в этом Московском гербе были еще два цвета – синий и красный, о которых они умалчивают. Дело в том, что в Австро-Венгерской монархии штандарт тоже был желтым, с черным двуглавым орлом на нем. Но тут, пользуясь полным незнанием не только иностранной геральдики, но и нашей отечественной у большинства эмигрантов, «знатоки» надеются, что фальшивка пройдет.

К глубокому сожалению, среди хаоса, незнания истории, а также под влиянием «знатоков» из «Высшего Монархического Совета», ныне эти флаги вновь появились на демонстрациях в Москве и С.-Петербурге, где они были вкраплены среди многочисленных советских красных флагов. За последние два года это можно видеть в программах станции телевидения «Останкино» в Москве, да и при личных визитах в нынешнюю Россию. Это грустное зрелище оставляет не только печальный осадок, но и пожелание не срамить Россию и русскую национальную идею!

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЛАГ

Русский бело-сине-красный флаг появился в 1667 г. или по тогдашнему летоисчислению — 1715 г., когда при царе Алексее Михайловиче было построено судно «Орел». Он не был создан по «почину иностранца-наемника Бутлера», как предвзято указывалось в одном советском журнале. Все его участие, как строителя корабля, заключалось в том, что он запросил «как Великий Государь укажет, каких цветов быть флагам на корабле?», добавляя при том: «Только на кораблях бывает: какого государства корабль, того государства бывает и знамя» (см. Табл. III).

Тогдашний наш «приказ», ведавший этим делом, совершенно верно определил цвета нашего первого национального флага, основывая его на цветах герба Московского царства, а именно: на красном щите имевшего изображение Св. Великомученика и Победоносца Георгия — в серебряных латах, на белом коне, с накинутым развевающимся плащом. Здесь нужно пояснить, что серебряный цвет на флагах изображался белым, также как золотой — желтым. Так родился бело-сине-красный флаг, который по геральдике является национальным флагом России и не содержит династических цветов. Это назначение флага подтверждается еще и «Морским уставом», в котором в ст. 1313 говорится: «... русский национальный флаг состоит из трех горизонтальных полос, считая сверху: белой, синей и красной». Он помещался на кормовом флагштоке, как и во всех других странах мира, судами правительственными, коммерческого флота и частновладельческими для определения их национальности, а не классификации по роду применения. Поэтому он никогда и нигде официально не назывался торговым, т. к. таковыми служили флаги пароходств, отдельных владельцев яхт и прочих личных судов, у которых они поднимались лишь на носовом флагштоке или мачте, а также окрашивались на дымовых трубах (см. в Табл. VIII торговые флаги, заимствованные из многочисленных таблиц итальянского морского справочника "Almanaco Navale", имеющегося у автора).

Наш трехцветный бело-сине-красный флаг, гордость России и олицетворение великого прошлого ее многовековой истории, национального духа и чаяний русского народа, с надеждой на достойное место в мире для нашего могучего Отечества, вероятно, останется им навсегда, невзирая на временную узурпацию его бывшими интернационалистами в нынешний период.

Вот на этом основании его постоянно подвергают иностранные и доморощенные «знатоки-руссофобы» грубо-ложным нападкам и измышлениям, которые автору приходилось встречать и опровергать в прессе. Среди них:

1) Абсолютно ложное утверждение, что «государственным и национальным российским флагом со времен еще Москвы и до конца почти XIX века был трехцветный бело-желто-черный флаг», т. к. тогда флагов почти нигде в мире не было. Употреблялись в ратном войске церковные хоругви, выносимые на войну, да еще для князей и воевод — «прапоры», небольшие квадратные флажки с изображением герба их, хотя и не всегда одинаковых цветов и рисунков на лицевой и оборотной сторонах, снабженные длинными матерчатыми «косицами» разных цветов. Император Петр I, создавая регулярную армию, дал знаменщикам чин «прапорщика», не бывший в его время офицерским. Точно так же неверно, что он «оставил неизменным бело-желто-черный флаг». Его тогда просто не существовало.

2) Утверждают, будто создал его имп. Петр I на основании голландского флага. Эту наиболее распространенную небылицу легко опровергнуть, зная, что бело-сине-красный флаг появился в царствование Алексея Михайловича, отца имп. Петра I еще в 1667 г., за пять лет до рождения последнего (1672 г.). Имп. Петр I всего лишь собственноручным рисунком повелел в 1693 г. употреблять тот же флаг для военных кораблей до появления у нас Андреевского флага для военно-морского флота.

У автора статьи имеется цветная литография-репродукция с картины голландского художника, современника той эпохи, изображающая первое русское судно, стоящее в Амстердаме, с царем Петром Алексеевичем на борту, куда он прибыл для изучения кораблестроения под именем плотника Петра Михайлова в 1697 г. На ней отчетливо видны русские белые, светло-синие, светло-красные цвета флагов на этом судне на фоне темно-красных, белых и темно-синих полос многочисленных флагов на голландских судах. (См. голландский флаг на цветной Табл. VIII, по которой можно судить о ложности утверждения некоторых «знатоков», будто бы русский флаг ничто иное как перевернутый голландский.)

3) Не основан наш национальный флаг и на «левых», «демократических» и «революционных» флагах, которых в то время

совершенно нигде не было. Ибо первый, частично революционный флаг Франции, так называемый «триколор» — трехцветный, из трех вертикальных полос: голубой, белой и красной, унаследовавший цвета династических флагов этой страны, появился в 1789 г., в начале французской революции, когда на престоле России находилась имп. Екатерина II, — значит, через 122 года после нашего!

Первым в мире подлинно революционным флагом является нынешний флаг Германии, получивший свое начало во время неудавшейся там революции в 1848—1849 гг., в которой принимали активное участие К. Маркс (Мордухай Леви), Ф. Энгельс и их еврейские «соратники». Этот флаг, ими созданный и названный «флагом единения» ("Einheits flagge"), состоял из трех горизонтальных полос: черной — по их терминологии означавшей протестантство, красной — католичество и желтой — иудейство. С подавлением этой революции флаг «единения» исчез со сцены, с тем чтобы вновь возродили его те же силы во время так называемой Веймарской республики Германии (1919—1933 гг.), а затем опять восстановили союзники после 2-й мировой войны. Он остается флагом Германии по сей день. (Табл. VIII.)

Интересно, что, следуя марксистской трактовке цветов черно-желто-белого флага, предположительно можно расшифровать эту столь излюбленную и усиленно навязываемую определенными иностранными и масонскими кругами идею флага. На нем немецкое главенство — черная полоса, при содействии еврейства — желтая полоса, полностью поработают начисто опустошенный от православной веры, национального самосознания и достоинства русский народ — белая полоса. Во всяком случае немецкий князь уже предлагается в наши императоры.

Упаси Боже Россию от такого флага!

Возвращаясь к описанию нашего национального бело-сине-красного флага, следует сказать, что 10 мая 1910 г. была учреждена Комиссия по разработке проекта государственного флага под председательством товарища министра юстиции гофмейстера Имп. Двора А. Н. Веревкина, которая приступила к этой задаче в 1911 г. и заседала до 9 мая 1912 г., так и не придя к окончательному решению.

Затем в 1913 г. во время торжественного празднования 300-летия Дома Романовых, по указу Государя Императора и в знак единения Царя с Народом был создан особый флаг для употребления в частном быту. У него, на нашем национальном бело-сине-красном флаге, в крыже был помещен Императорский Штандарт. В таком виде этот флаг был утвержден 9 сентября 1914 г., через 3 месяца после начала 1-й мировой войны. Но приведение указа в исполнение было отложено до конца войны.

К сказанному о нашем бело-сине-красном флаге следует еще добавить, что помимо судов, он развевался над заграничными посольствами и консульствами Российской империи. Кроме того, с добавлением различных атрибутов, в виде черного орла на белом поле, якорей и пр., служил личными флагами дипломатических представителей России, что явствует из дальнейших иллюстраций, помещенных в Табл. III.

Этим дипломатическим представителям полагался нижеследующий салют:

Поверенным в делах, резидентам и генеральным консулам — 11 выстрелов.

Консулам и вице-консулам — 7 выстрелов.

С 1917 г. советская власть упразднила наш национальный флаг, заменив его красным флагом интернационала. Но в белой Добровольческой армии он существовал нередко в виде боевых знамен, под которыми воины боролись за поруганную честь России. Кроме того, у них имелись шевроны из бело-сине-красной ленты, которые нашивались на левый рукав формы добровольцев.

По окончании белой борьбы за Россию, бело-сине-красные флаги были увезены русской национально-патриотической эмиграцией на чужбину и там хранились в центрах и собраниях среди всех стран ее рассеяния, осеняя праздничные и скорбные торжества в ее жизни.

ФЛАГИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Следующим нашим флагом стал морской Андреевский флаг, знамя Российского Военно-Морского Флота. Сохранилось несколько набросков имп. Петра I, в коих он пытался создать флаг для флота. Но ни один из них царя не удовлетворил, пока он не принял белый флаг с крестом Св. Андрея, покровителя и просветителя Руси. Учредив в 1699 г. орден Св. Апостола Андрея Первозванного, первый российский орден, царь Петр I к тому времени придумал и флотский флаг, но наложил резолюцию на рисунке, что «флаг во образе Креста Св. Андрея может носить только достойный флот». Посему он был пожалован флоту только в 1703 г., после первой морской победы русского флота на р. Неве. Существовала весьма интересная легенда о создании этого флага имп. Петром I, по которой царь, сев за стол вечером и положив перед собой лист белой бумаги, стал обдумывать рисунок флага, но не мог остановиться ни на одном. Просидев довольно долго, он незаметно для себя уснул. Проснулся только когда первый луч утреннего солнца прорвался в слюдяное окошко и отразился от отцовского благословения — висевшего нательного крес-

та, голубая тень от которого легла на белый лист крест-накрест. (Табл. III.)

Согласно «Морскому уставу», Андреевский флаг почитался, как знамя в полку, и весь экипаж корабля должен был охранять его до последней капли крови, как хоругвь русского государя.

Флаги носили все корабли, находившиеся под командой морского офицера. При этом подъем флага на корабле совершался ежедневно с 8 ч. утра, а спуск его — с заходом солнца, с церемонией или без таковой. Поднимался он на гафеле, или кормовом флагштоке, всеми кораблями, находившимися в кампании, а также и зачисленными в вооруженный резерв. Прочие корабли носили его лишь по воскресеньям и высокотожественным дням.

Офицеры, матросы и штатские люди, прибывшие на военный корабль, ступая с трапа на шканцы, должны были снимать головной убор, отдавая тем честь флагу, но Государь Император не снимал его, лишь отдавал честь.

На наших военных кораблях в воскресные и праздничные дни особо торжественно совершался спуск флага на «вечерней заре с церемонией», когда при совершении молитв все чины стояли с обнаженными головами.

Во время боя и в виду врага Андреевский флаг не только поднимался на гафеле, но и на мачтах, при этом и днем и ночью, а охрана его поручалась надежному унтер-офицеру, не допускавшему никого к флагу без личного приказа командира. Если же флаг был сбит, он немедленно подлежал замене другим, чтобы не дать неприятелю повод думать, что флаг был спущен перед ним.

В 1827 г. впервые были пожалованы Георгиевские Андреевские флаги кораблю «Азов» (12 флотского экипажа) за исключительный подвиг его экипажа в Наваринском бою, а в 1829 г. брига «Меркурий» (32 флотского экипажа) за славный бой его с двумя турецкими кораблями. В воздаяние их подвигов последующие корабли повелено именовать «Память Азова» и «Память Меркурия». Далее за оборону Севастополя в Крымскую войну 1854—1855 гг. Георгиевские Андреевские флаги получили в 1856 г. флотские экипажи с 29-го по 45-й, то есть все корабли Черноморского флота (см. Табл. III).

Кроме вышеописанных Андреевских флагов существовали еще и Андреевские знаменные флаги, предназначавшиеся для судового десанта, не прибитые, а привязанные к древку, во время походов находившиеся при командире и помещавшиеся в кормовой каюте (12-й флотский экипаж имел Георгиевский знаменный флаг).

Эти знаменные флаги надписей не имели, кроме Черноморского флота, на Георгиевских знаменных флагах которого имелась надпись: «За оборону Севастополя, 13 сент. 1854 г. — 27 авг. 1855 г.».

Были еще Андреевские знаменные флаги у Гвардейского экипажа и Морского корпуса, прибитые к древку, иллюстрация последнего помещена на цветной Табл. IX, а также сохранившиеся в трех гвардейских пехотных полках знаменные галерные флаги, о чем подробно сказано ниже, в разделе об исторических флагах.

5 декабря 1917 г. был спущен по распоряжению советских властей России Андреевский флаг. На кораблях был поднят красный флаг без всяких эмблем. Но в дни немецкого наступления на Крым, после срыва переговоров большевиков о Брестском мире, большинство кораблей Черноморского флота, уходивших в 1918 г. из Севастополя в Новороссийск, спустили красный флаг и подняли вновь Андреевский. Под этим же флагом часть из них вернулась в Севастополь, отказавшись от потопления. К сожалению, на другой день после возвращения на них были подняты кайзеровские морские флаги.

Во время гражданской войны, по приказу главнокомандующего вооруженными силами юга России ген. Врангеля, в июне 1920 г. на них были подняты Николаевские адмиральские флаги и вымпелы, имевшие в центре Андреевского креста круглую бело-сине-красную кокарду, а также Николаевские Георгиевские адмиральские флаги, с рисунком обычного Георгиевского флага, щит которого был обрамлен вышеупомянутой трехцветной лентой. У Николаевских вымпелов, кроме того, вместо белых были трехцветные косицы.

По окончании гражданской войны часть белой флотилии, ушедшей в 1920 г. в Бизерту и там интернированной, продолжала свое существование, осененная Андреевским флагом, который на них окончательно был спущен на вечерней заре в декабре 1924 г., так же как и на ушедших из Владивостока кораблях Сибирской флотилии.

Белые морские офицеры, покинувшие отечество и оказавшиеся на чужбине, сохранили Андреевские флаги в «кают-компаниях», как они называли свои дома собраний. Так они сохраняли лучшие традиции Российского императорского флота, его историю и боевую славу, передавая свои познания преемникам — молодежи с надеждой на воскресение нашей родины и возрождение Андреевского флага.

Им не всем удалось это увидеть. Но наш священный Андреевский флаг снова был поднят в торжественной обстановке на всех кораблях и судах военно-морского флота на нашей родине 26 июня 1992 года.

Кроме Андреевского флага, пожалованного флоту императором Петром I в 1703 г., тогда же им повелено было поднимать на носовом флагштоке бушприта военных кораблей такой же флаг, но уменьшенного размера, взамен бело-сине-красного, служившего для этой цели в период 1696—1702 годов.

В свою очередь, эти уменьшенные флаги были заменены в 1720 г.

гюйсом, или кейзер-флагом, который с 1705 г. по 1917 г. служил у нас одновременно и крепостным флагом. Поднимался этот гюйс на носовом флагштоке вместе с подъемом кормового Андреевского флага в 8 ч. утра на судах первых двух рангов, но только при стоянке их на якоре, и спускался при заходе солнца на вечерней заре. Поднятый на мачте одного из кораблей эскадры при одном выстреле, он означал происходящее на нем заседание суда особой комиссии, по окончании которого спускался (Табл. III).

Гюйсы с нашитыми на них Императорскими штандартами были личными флагами разных особ царственного дома, выше уже были описаны и иллюстрированы в этой статье и в Табл. II.

Военные корабли Российского Императорского Флота имели вымпелы двух родов: общие и Георгиевские, поднимавшиеся на грот-мачте с началом кампании и не снимавшиеся во все ее продолжение ни днем, ни ночью, ни в плохую погоду, за исключением наличия на этой мачте флага или брейд-вымпела. Вымпелы изображены в Табл. IV.

ВОЕННЫЕ ФЛАГИ

Военный флаг, состоявший из трех горизонтальных полос: белой, оранжевой и черной, исторически сложился от кокарды, что и будет изложено далее (Табл. V).

Появился он в Российской армии в царствование имп. Александра I, через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны 1812 г., давшей впервые в истории России большое число кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и введенного в 1807 г. солдатского креста, тоже имевших отношение к кокарде.

Создатель нашей регулярной армии имп. Петр Великий никаких отличительных знаков на головных уборах не вводил, а на треуголках была лишь пуговица, служившая для удержания полей в нужном положении. То же самое тогда практиковалось в армиях других стран.

Ношение банта на шляпе впервые было заведено французами в середине XVIII столетия, а от них перенято всеми остальными армиями.

В нашей армии кокарда на треуголке, «яко российский полевой знак», появилась впервые в 1732 г. при имп. Анне Иоанновне, представляя собой белый шерстяной бант, и продержалась до 1796 г. Причем за это время претерпела следующие перемены. В декабре 1761 г. при имп. Петре III белый цвет переменяли на черный с оранжевыми полосками по краям. Но имп. Екатерина II в июне 1762 г. восстановила белый цвет, сохранив на нем оранжевые полоски.

Имп. Павел I вернул черный бант с оранжевыми полосками, быв-

ший до того, но только для офицеров пехоты и для всех чинов кавалерии, отменив бант для нижних чинов пехоты. А с принятием им титула гроссмейстера Мальтийского ордена, добавил еще и третью — малиновую полосу.

В царствование имп. Александра I в 1801 г. для нижних чинов пехоты снова была на шляпах помещена круглая розетка из черной шерстяной тесьмы с оранжевыми каемками, которая тогда же была введена для всех остальных родов войск, а позже перенесена на кивера, постепенно заменяясь на них в период с 1809 г. по 1812 г. репейками с черно-оранжевым овалом посередине. Но на шляпах оставалась прежней.

В 1815 г. к этим бантам и кокардам была добавлена по краю белая лента, превращенная позже в серебряную.

В царствование имп. Николая I в 1814 г. были введены каски. На офицерских под правой чешуей было повелено укреплять круглую металлическую кокарду из широкой белой полоски, двух оранжевых и одной черной, с черным кругом внутри. Эти кокарды, с небольшими изменениями в 1855 и 1857 гг., сохранились вплоть до 1917 г., причем в 1862 г. на офицерской кокарде оранжевые полоски были заменены золотыми.

На цветной Табл. V помещены изображения российских кокард последнего царствования, снятые с подлинных оригиналов, имеющих у автора.

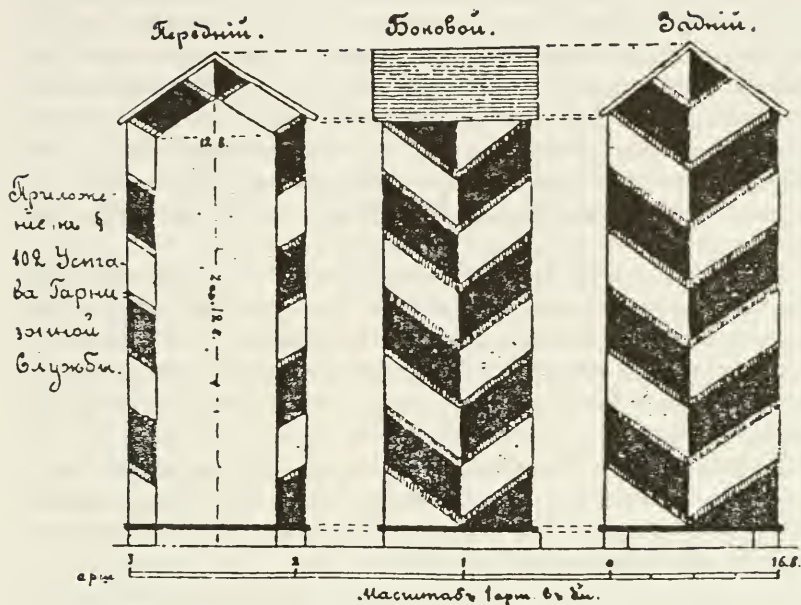
Точное подобие военного флага представляют собой батальонные линейные значки, впервые введенные в 1819 г. и надевавшиеся на штык у «линейных» нижних чинов, имея номер батальона, нанесенный на них римскими цифрами. Они служили для указания места построения батальона на парадах, линию прохождения церемониальным маршем и др. цели.

Основанием для нашего военного флага служит также орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия, у которого имелась пятиполосная орденская лента черно-оранжево-черно-оранжево-черная (цвета пороха и огня) и сам орден белой эмали.

Такие же цвета были у колета (кирасирского мундира) в 13-м драгунском Военного Ордена, генерал-фельдмаршала графа Миниха полку, иллюстрированный на цветной Табл. IX, дающий еще одно дополнительное подтверждение к вышеописанному о происхождении нашего военного флага, ничего общего не имеющего с так называемыми «романовскими» цветами бело-желто-черного флага, на которых в Российской Императорской Армии абсолютно ничто не базировалось.

Здесь помещается копия чертежа будки часового, скопированная из «Устава гарнизонной службы», изд. 1912 г., где ясно видно, что он

Фасадъ Военной Буди.

Приложение № 102
Устава Гарнизонной
службы.

- Белая полоса
- Черная
- Оранжевая
- Темно-коричневая

отражает белый и черный цвета исторических бантов, с узкой оранжевой полоской между ними.

Точно таким же образом были раскрашены и шлагбаумы.

Наконец, в опровержение неверных данных, на Табл. V и VI приведены все флаги штабов, бывшие в употреблении в Российской Императорской Армии, вычерченные в масштабе и раскрашенные автором по описанию в «Уставе полевой службы», изд. 1912 г.

Надписи на них только примерного характера, взяты из того же «Устава», где они перечислены с указанием их размера и означают штабы: XXII Армейского корпуса, 1 Гвардейской пехотной дивизии, 4 Стрелковой дивизии, 2 Кавалерийской дивизии, 1 Донской казачьей дивизии, 51 пехотного Литовского полка, 12 гусарского Ахтырского полка, 1 Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, 5 Артиллерийской бригады и Гренадерского саперного батальона. Надписи

были, естественно, различными для других частей, но расцветка и размеры оставались неизменными.

На таблице VI приведены знаки нового вида вооруженных сил, воздухоплавательных и авиационных частей, из которых первые появились в 1869 г. и прошли боевую школу в Русско-японскую войну 1904—1905 гг., а авиация, зародившаяся у нас в 1909 г., нашла свое довольно широкое применение в I мировую войну 1914—1917 гг. На указанной таблице приведены флаги и опознавательные знаки наших самолетов, включая первые в мире четырехмоторные богатыри И. И. Сикорского, носившие название «Илья Муромец» и порядковый номер каждого.

Все самолеты российской авиации имели круглый опознавательный знак в виде розетки из бело-сине-красных цветов, накрашивавшейся на верхней и нижней поверхностях крыльев, а также на фюзеляже (кроме «муромцев», имевших выпелы тех же цветов), на рулях глубины и поворота (у гидросамолетов был накрашен Андреевский флаг).

По фотографиям самолетов, изготовленных на заводе Лебедева, в некоторых случаях видны выпелы на фюзеляже, изображающие флаг «единения Царя с Народом», описанный в разделе о национальном флаге и помещенный на Табл. III.

В течение 1916 г. стали появляться на фюзеляже инициалы, а иногда и фамилии пилотов авиационных отрядов, затем свои собственные эмблемы на самолетах «асов». Например, на руле поворота у полк. А. А. Козакова был изображен белый череп и кости на черном фоне, у кап. Е. Н. Крутеня — голова русского витязя в шлеме и т. д., что особенно стало распространяться несколько позже, а именно в 1917 г., главным образом после Февральской революции.

Советская власть отменила национальные знаки на самолетах, заменив их красной звездой. Но в белой авиации на некоторых фронтах эти знаки еще сохранялись, на других же были созданы странные изображения или знаки интервентов, как это было на Архангельском фронте.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЛАГИ

У флагов большинства стран, особенно у морских держав, существует история, причем применение их началось к XIV веку.

Первыми их стали применять норманы, венецианцы, генуэзцы, португальцы и испанцы, плававшие в дальние страны, заменившие плавучими флюгерками на мачтах носовые фигуры судов, до этого служившие у них отличительными знаками.

Что касается исторических флагов нашего отечества, то знаки или флаги на ладьях князя Олега, совершавшего походы к Константинополю, позже новгородских купцов, затем небольшой флотилии Иоанна Грозного, к сожалению, не сохранились для истории.

Вплоть до царствования царя Алексея Михайловича не было единого государственного или национального флага. Существовали только великокняжеские и царские прапоры и стяги да различные знамена стрелецких полков.

Кроме нашего трехцветного бело-сине-красного флага, поднятого на корабле «Орел» по почину царя Алексея Михайловича в 1667 г., все последующие флаги различных назначений вводились, начиная с имп. Петра Великого. При нем появился Императорский штандарт, военноморской Андреевский флаг и ротные и полковые знамена для войска.

На Табл. VII показаны почти все российские исторические флаги, начиная с бело-сине-красного, который никогда не переставал развеваться, даже и по сей день, хотя временно он исчез на нашей Родине в 1917 г. Тем не менее, флаг этот продолжал с честью служить всю гражданскую войну у белых, а затем продолжал реять, унесенный русской эмиграцией за родные пределы во все страны эмигрантского рассеяния.

Следовательно, в этом году наш национальный флаг отметит 327 лет непрерывного существования!

По решению царя Алексея Михайловича построить корабли в Коломенском уезде, в селе Дединове, для посылки их из Астрахани в Хвалынское (Каспийское) море, заведовать тем делом было поручено «царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателю» боярину А. Л. Ордын-Нашекину, выписавшему из заграницы 25 иноземных мастеров во главе с Д. Бутлером.

Как уже упоминалось в начале статьи, на запрос главного строителя о флаге для корабля «Орел», в 1667 г. приказ выбрал трехцветный флаг, цвета которого совпадают с гербом Московского царства, а по мнению средневекового герольдиста Ансельма символизируют: белый — чистоту и благородство, синий — честность, верность и безупречность, а красный — мужество, смелость и великодушие.

Имп. Петр I еще в 1688 г. плавал на ботике — «дедушке русского флота», носившем тогда тот же трехцветный флаг. А в 1693 г. он подтвердил употребление упомянутого флага, лично подняв его на вооруженной яхте «Св. Петр», во время плавания в Белом море с эскадрой построенных в Архангельске кораблей.

Тогда же им был создан и утвержден «личный морской» царский штандарт нашего флота, представлявший собой сине-бело-красный флаг с нашитым на него золотым орлом, поднимавшийся на корабле, на котором находился сам царь.

Этот свой «петровский стандарт» царь Петр Алексеевич при отъезде пожаловал архангельскому архиепископу Афанасию, а много позже, в 1910 г., штандарт был по высочайшему повелению доставлен в С.-Петербург историком нашего флота кап.-лейтенантом П. И. Белавенец и помещен в Морском музее.

Под трехцветным бело-сине-красным флагом с золотым орлом на нем в 1700 г. был послан в Константинополь корабль «Крепость» с царским послом Емельяном Украинцевым. Этот флаг был поднят в 1716 г. на корабле «Ингерманланд», когда царь Петр командовал соединенным русско-англо-голландско-датским флотом в Балтийском море, находясь на этом корабле первый и единственный раз как государь.

Цвета нашего национального флага были при Петре Великом не только на флагах, но и на шарфах офицеров, носившихся тогда в виде перевязи через правое плечо, и их темляков, состоявших из полос: серебряной, синей и красной, которые были в употреблении вплоть до 1781 г. То же самое было у знамен гвардейских полков, кайма коих состояла из белых, синих и красных треугольников.

Из исторических флагов, помещенных в Табл. VII, важно отметить, что флаг русских галер во время 2-го Азовского похода 1696 г. представлял собой синий прямой (греческий) крест с полотнищем, разделенным в шахматном порядке на белый и красный цвета, что в точности соответствовало ротным знаменам пехотных полков Российской армии петровской эпохи. Это и понятно, так как экипаж наших галер состоял из 250 человек каждая, точно так же, как и в других иностранных флотах. Но при этом была существенная разница в том, что наш флот был единственным в мире, который никогда не имел каторжан гребцами, роль коих выполняли солдаты Преображенского, Семеновского, Невского, Софийского и прочих полков. В то время как, например, шведские галеры с экипажем в 250 человек, имели на борту всего лишь 50 вооруженных воинов, офицеров и солдат, а 200 гребцов сидели прикованные цепями к банкам (скамейкам), среди которых нередко находились и наши пленные, включая офицеров. Каждая русская галера могла противопоставить шведам минимум 150 воинов, а в случае абордажа и больше, чем во многом объясняются успехи в боях со шведскими галерами, которые могли выставить против наших максимум треть бойцов.

Памятью об этом участии наших воинских частей в боевых действиях флота было пожалование трем гвардейским полкам — лейб-гвардии Преображенскому, Семеновскому и Кексгольмскому знаменных галерных флагов, из коих первые два имели просто обычный Андреевский флаг, а последний — галерный флаг старого образца, то есть красный с косицами и Андреевским флагом в крыже.

РУССКИЕ ФЛАГИ.

Государственное знамя.

Родовой герб
Романовых-Готторп-Голштинских. →
(1761 - 1917).

ШТАНДАРТЫ, ФЛАГИ и БРЕЙД-ВЫМПЕЛЫ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ.

Штандарт
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Штандарт
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Флаг
НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.

Флаг
ГОСУДАРЫНИ ЦЕСАРЕВНЫ.

Флаг Генерал-Адмирала
НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА.

Флаг
ВЕЛ.КНЯЗЯ Генерал-Адмирала.

Флаг
ИХ ИМП. ВИС. ВЕЛ. КНЯЗЕЙ.

Флаг
ИХ И. В. ВЕЛ. КНЯГИНЬ и КНЯЖЕН.

БРЕЙД-ВЫМПЕЛЫ.

ГОС. ИМПЕРАТОРА.

ГОС. ИМПЕРАТРИЦЫ.

НАСЛ. ЦЕСАРЕВИЧА.

НАСЛ. ЦЕСАР.
Ген-Адм.

ВЕЛ. КНЯЗЯ
Ген-Адм.

ВЕЛ. КНЯЗЕЙ.

ВЕЛ. КНЯГИНЬ и
ВЕЛ. КНЯЖЕН.

Национальный флаг.

Флаг „Единения Царя с народом“.

Флаг чрезвычайного посла.

Флаг посланников и министров резидентов.

Флаг поверенных в делах.

Флаг генерального консула, консула и вице-консула.

Флаг Добровольного флота.

Лоцманский флаг.

ФЛАГИ, ВЫМПЕЛ и БРЕЙД ВЫМПЕЛЫ РУССКОГО ФЛОТА.

Военно-морской Андреевский флаг.

Андреевский флаг.

Гюйс, или кейзер-флаг.

Георгиевский Андреевский флаг.

В.Е.Л. К.Н. Наместника
Главнокомандующего.

Флаг Морского
Министра.

Флаг Командующего
Флотом.

Флаг Военного
Министра.

флаги транспортов.
С военной командой.

С вольнонаемной
командой.

Флаг таможенных судов.

Флаг главн. командиров
и командиров портов.

Адмиралтейский флаг.

Флаг начальника Главного
Гидрографич. Управления.

А Д М И Р А Л Ь С К И Е Ф Л А Г И.

Флаг контр-адмирала.

Флаг вице-адмирала.

Флаг адмирала.

Б Р Е Й Д - В Ы М П Е Л Ы.

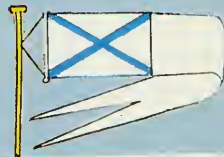
Контр-адмирала.

Вице-адмирала.

Адмирала.

Плавающий вымпел шт.-оф.
н-щего отдельн.отрядом.

В Ы М П Е Л Ы.

Общий вымпел.

Георгиевский вымпел.

Военный флаг.

Линейный значек.
/Здесь 3-го батальона/.

КОКАРДЫ.

Офицерская.

Солдатская.

Матроская.

Розетка на треуголке.

ФЛАГИ ДЛЯ ОБСЗНАЧЕНИЯ РАСПОЛОЖЕНИЯ ШТАБОВ,
УПРАВЛЕНИЙ И ЧАСТЕЙ ВОЙСК.

Штаба армии.

Штаба корпуса.

Штаба пехотной дивизии.

Штаба стрелковой дивизии.

Штаба кавалерийской дивизии.

Штаба казачьей дивизии.

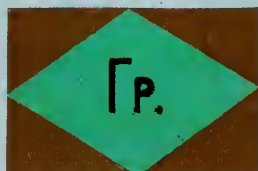
Штаба пехотного полка.

Штаба кавалерийского полка.

Штаба казачьего полка.

Штаба артиллерийской бригады.

Штаба саперного батальона.

ФЛАГИ и ЗНАКИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ.

Воздухоплавательных частей.

Авиации.

4 Кв.

Флаг авиационного отряда.
(Здесь 4-го Кавказского).

1914-1915.

1916-1917.

На фюзеляжах самолетов
типа "Илья Муромец".

Опознавательный знак
на самолетах.

На руле поворота
у гидросамолетов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФЛАГИ.

1667.
Флаг, поднятый
на корабле "Орел".

1693.
на вооруженной
яхте "Св.Петр".

1696.
2-й Азовский
поход.

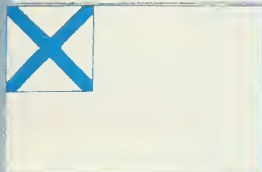
1699.
Первый проект
Андреевского флага.

1709.
на рисунке
кор. "Полтава".

1697.
на чертеже
кор. "Гото Предестинация".

1716.
Кордебаталии.

1716.
Авангарда.

1716.
Галерный.

Соответственные вымпелы.

1723.
Штандарт.

1797.
Суда Мор.кад.корп.

1827.
Корабли учебн.
морск.экипажей.

1804.
Вспомогательных
судов.

1815-1833.
Висленской
воен.флотилии.

1828.
Флаг для лоции.

Обычный "ординарный" вымпел.

Георгиевский "ординарный" вымпел.

ИНОСТРАННЫЕ ФЛАГИ.

987-1328
Капетингов.
"Орифламма".

ФРАНЦУЗСКИЕ ФЛАГИ.

1328-1589
Валуа.

1589-1789
Бурбонов.

С 1789
Республики.

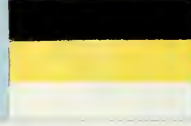
ФЛАГИ РАЗНЫХ СТРАН.

Голландский.

Верховного
Магистра
Тевтонского
Ордена.

Княжества Ганновер.
/1865 г. ошибочно принят, как госуд.
флаг России. Отменен в 1883 г. Цесарь-
сы. серию авиарелей С-Петербурга худ.
прошлого столетия В.С. Садовникова/.

Флаг Германии.
(ГДР
и 1919-1933).

ТОРГОВЫЕ ФЛАГИ.

IMPERO BRITANNICO

Флаги судоходных компаний. (Воспроизведено с одной из многочисленных таблиц итальянского морского справочника "Almanacco Navale".)

ЗНАМЯ МОРСКОГО КОРПУСА.

Высочайше пожалованное 14 января 1901 г.
по случаю 200-летнего юбилея.

Рисунок автора.

Колет 13-го драгунского
Военного Ордена
генерал-фельдмаршала
графа Миниха полка.

Во всех трех полках третьей роты именовались галерными и получили катера и катерные команды, которым для некоторых случаев была пожалована матросская форма — с красными матросскими воротниками вместо голубых флотских, и с полковыми отличиями. Погоны чинов катерной команды были установлены с накладным, по прибору, вензелем из латинских перекрещенных букв «PP» (Петер Примус), наложенных на якорь.

В торжественных случаях перед фронтом этих рот выносились знаменные галерные флаги, которым надлежало отдание таких же почестей, как и полковым знаменам.

Лейб-гвардии Кексгольмский полк, помимо своего катера, имел еще исключительно богато украшенный 18-весельный катер, подарок датского короля, который был отделан дорогим красным деревом и бронзой, но с объявлением 1-й мировой войны был передан в крепость Новогеоргиевск и впоследствии сожжен при ее сдаче.

Стремясь создать особый флаг для военно-морского флота, имп. Петр I в 1701 г., за два года перед тем основавший орден Св. Андрея Первозванного и соответствующий флаг, до первой нашей победы стал пробовать временные флаги, одним из которых является все тот же бело-сине-красный флаг, но с нанесенным на него синим крестом Св. Андрея.

Однако плохая различимость креста, особенно на расстоянии, на фоне цветов национального флага не удовлетворила царя.

В 1712 г. П. Пикаром была выполнена гравюра под названием «Корабль "Полтава"», на которой Андреевский флаг был изображен с крестом, не достигающим до углов, так называемый «с висячим крестом». Было ли это узаконенное изготовление такого флага, почин ли командира корабля, не имевшего точных инструкций или какие-либо другие причины, история умалчивает.

Точно также не известны данные, по которым А. Шхонебеком помещен на трех гравюрах корабль «Гото Предестинация» («Святое пророчество» в русском владении), который был построен в Голландии и приведен в Россию после покупки его царем. На этих гравюрах корабль имеет совершенно различные флаги, даже по нескольку на одной и той же гравюре. Один из них показан на Табл. VII, а два других были следующие: перевернутый голландский, синей стороной вверх, под которым он якобы плыл с голландской командой до России. А чтобы не быть принятым за судно, терпящее бедствие, на средней белой полосе нашит был небольшой висячий Андреевский крест. Затем другой флаг изображает Андреевский флаг, по верхней части обрамленный узкой бело-сине-красной полосой вверх. Одновременно на некоторых из его гравюр фигурирует и помещенный в таблице VII трехполосный флаг.

Следующие три флага на той же таблице — называемые тогда «Первый», «Второй» и «Третий» Российские флаги — по существу existing в то время эскадрам и согласно тактическому построению их, а именно: *авангард* — которым командовал вице-адмирал, или адмирал синего флага, *кордебаталия* — или главные силы, которыми командовал полный адмирал, или адмирал белого флага, и, наконец, *арьергард*, или замыкающие силы и резерв, которым командовал контр-адмирал (*шаутбенахт* — в петровское время), или адмирал красного флага, имевший точно такой же флаг, как и галерный, но без вырезанных косиц. К сожалению, иллюстрация синего флага имеет одну погрешность. Андреевский флаг на ней изображен продолговатым, на деле же он должен быть квадратным, как и другие два.

Появились эти флаги в 1709 г., а к 1712 г. были переименованы в «Первый», «Второй» и «Третий» адмиральские флаги. Одновременно с тем белый флаг стал изготавливаться с крестом во все полотнище. В 1716 г. произошло деление флота на три вышеописанные эскадры и их назначение было определено в то же время.

Все три флага то отменялись, то вводились вновь.

Например, в царствование имп. Анны Иоанновны для всех кораблей оставлен был один белый флаг, а при имп. Елизавете Петровне снова введены все три флага.

Имп. Екатерина II предписала флоту быть под Андреевским флагом, как он изображен на Табл. III. Но имп. Павел I опять возобновил все три флага, которые были окончательно упразднены при имп. Александре II в 1865 г., когда всем военным кораблям повелено было носить Андреевский флаг.

Всем трем из них полагались вымпелы с белой и цветными косицами по цвету флага, но таковой с белыми косицами не воспроизведен в таблице.

В 1709 г. имп. Петром I был утвержден новый и дотоле не существовавший царский штандарт, впервые поднятый на корабле «Полтава», у которого на желтом поле был помещен двуглавый орел, рисунок которого почти был схож со штандартом, изображенным на Табл. II.

В 1721 г., с принятием Петром I титула императора, штандарт стал называться императорским, поднимаясь там, где лично присутствовал государь, причем изображение орла изменялось в последующие царствования сообразно принятому в каждом рисунку герба.

На Табл. VII еще имеются пять последних флагов специального характера, которые были или заменены или упразднены в 1865 г., так же как и вымпелы с трехцветными косицами, изображенные в верхней части Табл. VIII

ИГОРЬ НОВОСИЛЬЦОВ

ПОРАЖЕНЕЦ, ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

*СЛОВО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ
СЧИТАЛ СВОИМ ДРУГОМ*

Читая советские публикации, в которых упоминается власовское движение, поражаешься потокам лжи, которыми поливается все движение, а главным образом, его руководитель — Андрей Андреевич Власов.

Что знают о Власове в Советском Союзе?

Некоторое время тому назад я был в одном американском университете, где очень интеллигентный человек, член Союза писателей СССР, на вопрос: «Что вы знаете о Власове?» — ответил: «Я знаю только, что Власов — предатель и больше ничего».

И вот, зная, как фальсифицируется история в Советском Союзе, я считаю, что на всех участниках движения и особенно тех, кто был близок к генералу Власову, лежит долг рассказать правду. Поэтому прошу принять свидетельство человека, который был участником власовского движения и, кроме того, был близок к Андрею Андреевичу не как подчиненный, не как служащий учреждения, начальником которого он был, а просто как человек.

Я принадлежу к тому поколению русской эмиграции, которое имеет еще корни в России. После окончания гражданской войны мы ушли, но мы не забыли, откуда ушли, и несли все время в сердце своем желание служить своему отечеству. И вполне понятно, что когда началась война между гитлеровской Германией и СССР, мы считали, что открывается новая страница истории, решается судьба нашей родины. Мы надеялись и верили, что крушение ненавистного режима приведет к возрождению России, и наша родина вновь выйдет на свой исторический путь.

Ко дню встречи с Андреем Андреевичем Власовым у многих из нас сложилось твердое убеждение, что план Гитлера — завоевание России — провалится, так как мечтать о создании колониальной державы в Европе в XX веке мог только маньяк и невежда, каковым Гитлер, в сущности, и был.

Я приехал в Берлин из Чехословакии. В Праге, где эмигрантов из России было около десяти тысяч человек, я прожил 17 лет моей жизни. Приехав в Берлин, я поселился в гостинице, в которой обитало

много русских. Среди них — мой младший товарищ по кадетскому корпусу Александр Степанович Казанцев. Он работал в отделе пропаганды главного командования германской армии. Этот отдел размещался в доме на улице Виктория, в подвале которого за решеткой сидело несколько пленных советских генералов.

Однажды Казанцев сказал, что туда привезли недавно взятого в плен советского генерала — Власова. И добавил, что есть надежда, что этот генерал возглавит Российское освободительное движение. Казанцев мне сказал, что у генерала нет костюма, что его военная форма сильно потрепана, и попросил меня привезти кое-что из Праги. Общими усилиями мы Андрея Андреевича одели.

Впервые выйдя из тюрьмы, Андрей Андреевич пришел к нам в гостиницу. Мы заранее знали об этом и устроили ему встречу с ужином. Моя комната была больше, чем у других, и все собрались у меня. Целый вечер мы просидели, беседуя. Андрею Андреевичу было очень приятно, он неоднократно повторял: «Друзья мои, как мне хорошо среди вас». Ужин затянулся, и Андрей Андреевич попросил Казанцева устроить так, чтобы он смог остаться у нас ночевать. Казанцев позвонил в комендатуру и получил разрешение. Мы решили, что Андрей Андреевич будет спать в моей комнате, потому что мой сожитель был на ночном дежурстве и его кровать была свободна. Когда мы легли, Андрей Андреевич сказал: «Не туши свет, будем разговаривать». И мы проговорили до утра.

В жизни каждого человека бывают особые переживания, которые неизгладимо остаются в памяти навсегда. Такими переживаниями были мои беседы с Власовым.

Была поздняя осень 1942 года. Андрея Андреевича Власова еще никто не знал. Выйдя из лагеря военнопленных, не зная немецкого языка, будучи совершенно одиноким и видя то радушие и душевное отношение, которое встретил у нас, он сблизился с нами, часто приходил в наш пансионат побеседовать с нами. А так как я больше всех имел свободного времени, то чаще всего он бывал со мной. Мы гуляли по Берлину, заходили в рестораны, принадлежавшие русским эмигрантам, где можно было съесть нечто, похожее на борщ, и все время беседовали на одну и ту же тему. Мы говорили о России. Постараюсь обобщить наши разговоры, чтобы было яснее, каким был истинный облик Андрея Андреевича.

Я считаю себя вправе рассказывать об Андрее Андреевиче, потому что всегда, до последнего момента, до нашей последней встречи, когда все уже рушилось, Андрей Андреевич неизменно тепло, дружески относился ко мне.

Всегда, когда мы встречались с новыми людьми, Андрей Андреевич, показывая на Казанцева или на меня, говорил с улыбкой:

«Вот мои первые друзья». А про меня иногда добавлял: «Ему никогда не забуду мою первую чистую рубашку в Европе».

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1900 года в семье крестьянина села Ломакино Нижегородской губернии. Отец Власова хотел дать сыну образование. Благодаря тому, что он был в свое время унтер-офицером 1-й гвардейской кирасирской дивизии, сын его Андрей получил стипендию в духовной семинарии. После окончания ее он поступил на агрономический факультет Нижегородского университета. Весной 1919 года был призван в армию. Начинается военная жизнь: от солдата до полковника поднялся он за двадцать лет своей службы. После того как он вернулся из Китая, где был начальником штаба советской военно-дипломатической миссии, в ноябре 1939 года назначается командиром 99-й стрелковой дивизии РККА, одной из самых отсталых дивизий Киевского военного округа. Под командованием Власова эта дивизия через год, после маневров Киевского военного округа, объявляется лучшей дивизией Красной армии. Как командир передовой дивизии Власов приобретает в военных кругах всесоюзную известность. В начале 1941 года Власов произведен в генерал-майоры и назначен командиром 4-го мотомеханизированного корпуса. На этом посту его застает Вторая мировая война. Корпус Власова оказался чуть ли не единственным соединением Красной армии, который не был разбит немцами в начале их наступления на СССР. Маршал Буденный вызвал генерала Власова в Киев и возложил на него обязанности командующего 37-й армией и начальника Киевского гарнизона. В конце 1941 года Власов командует 20-й армией. Эта армия под его командованием участвует в спасении Москвы, наносит первые поражения немцам и отбрасывает их до Ржева. За эту победу Власов произведен в генерал-лейтенанты и получает новое назначение заместителем командующего Волховским фронтом с заданием освободить осажденный Ленинград. Когда 2-я Ударная армия погибала в болотах и лесах под Ленинградом, генерал Власов полетел в окруженную армию. Долгая и безнадежная борьба армии, не получавшей никакой помощи от верховного командования, велась в нечеловеческих условиях и закончилась ее разгромом.

Такой была военная карьера в Красной армии этого талантливое военачальника. И не напрасно Власов говорил: «Меня режим не обидел». Его слова подтверждает и заявление одного крупного западного политика: «Этот человек — Власов — был на очень высоком счету в Кремле».

Говорят, что во времена татарского ига наши предки молились так: «Пошли, Господи, переменить орду».

Что это значит? Это значит, что они мечтали и надеялись, что новая орда облегчит их жизнь. Но не так думал Власов. Он не думал о перемене сталинской деспотии на орду немецкую. Его мысли были другого порядка.

Каковы же были эти соображения? Как он хотел использовать течение событий для реализации своего плана? Что привело его к отрицанию советской идеологии? Об этом дальше и будет речь. Для меня же лично самое главное, что в своих мыслях и действиях Власов руководствовался велением долга — как человек, любящий свой народ.

В первый раз мысль об использовании возможностей, которые давала война СССР с Германией для действий, направленных на свержение советской власти и возрождение России, появилась в то время, когда он один, всеми оставленный, скрывался в лесной сторожке около деревни Пятница Новгородской области. Ему уже тогда стало очевидно, что Германия выиграть войну не может. Завоевать Россию с ее огромными пространствами и ее народом не под силу немцам. Доказательство тому он видел в истории государства российского. Кроме того, опыт, приобретенный в Китае, подсказывал, что Германия, как Япония в Китае, завязнет в России. И поэтому нет ничего удивительного, что при нашей первой ночной беседе на вопрос, верю ли я в победу Германии, я ответил: «Нет, не верю», Власов не удивился и лишь сказал: «Правильно, тем лучше для нас».

Вполне естествен вопрос, когда и почему человек, не пострадавший от режима, становится врагом официальной идеологии или, как теперь говорят, превращается в антисоветчика?

Все, что говорил мне Андрей Андреевич, целиком совпадает с тем, что я услышал от сотен людей, с которыми мне пришлось разговаривать после окончания войны, когда совершался второй великий из нашей родины исход сотен тысяч людей, не желавших возвращаться в Советский Союз. В Германии после окончания войны я присутствовал при разговоре полковника американской армии с известным в 30-е годы солистом Большого театра тенором Иваном Жаданом. На вопрос, почему он, не пострадавший от режима, не желает возвращаться в Советский Союз, Жадан ответил: «Я не пострадал, мне было очень хорошо, я был материально всем обеспечен, но русский народ пострадал. А разве я не принадлежу к народу? Глаза-то у меня были, я видел все, что творилось».

Что это значит? А это значит, что он болел болью своего народа. И я уверен, что эти слова Ивана Жадана совершенно совпадают с переживаниями Власова. Он тоже болел болью своего народа.

Хочу отметить несколько деталей, вскрывающих отношение Власова к советской власти, отрицание им коммунистической партий-

ной идеологии. Андрей Андреевич говорил: «На все есть рецепт. Думать не надо. И хуже того — думать даже нельзя». Это свидетельствует, что Власова возмущало присваиваемое государством право духовного авторитета. Революцию он принял и пошел в Красную армию не без энтузиазма, потому что верил и надеялся, что она принесет народу то, что так хорошо выражено словами его любимой песни: «За землю, за волю, За лучшую долю».

Но разочарование пришло очень рано, когда он был еще молодым командиром Красной армии. Вместо «земли крестьянам» он видел, командуя батальоном, тогда стоявшим на Кубани в станице Кушевской, все ужасы уничтожения лучших русских хлеборобов. Он видел и не мог забыть, как ломали хребет русскому народу. В страшные годы ежовщины, когда происходила чистка командного состава Красной армии и многие его товарищи попали в тюрьмы, были расстреляны, Власова спасло только то, что он находился в военной миссии в Китае. Константин Рокоссовский, будущий маршал, его близкий друг, был привезен на фронт прямо из тюрьмы. И таких в армии было много.

Затем — ложь. Ложь партии, правительства, органов печати, литературы, всех жанров искусства, вошедшая в обиход военной жизни, когда отец с сыном не могли разговаривать откровенно. Однажды, беседуя со своим другом, Власов похвалил какое-то мероприятие правительства. Жена же знала, что он совсем иного мнения. Когда друг ушел, она сказала: «Андрей, разве можно так жить?» — и посмотрела на него с укоризной. Он много раз вспоминал и приговаривал: «Не в силах я был раньше так жить».

Рассказываю я это, чтобы пояснить, с какими настроениями очутился Власов в берлинском подвале на улице Виктория, где содержались пленные советские генералы. Попав туда, Власов думал не о себе, не о своей судьбе, а о России и народе ее.

Вернусь к размышлениям Андрея Андреевича, сомнениям относительно реализации его плана.

Еще раз подчеркиваю, я имею право об этом говорить, потому что в первую ночь, когда у нас начался разговор, как говорится, по душам, я сказал Андрею Андреевичу, что если мы будем разговаривать на «щекотливые» темы, то самое важное — обоюдное доверие. Андрей Андреевич высунул руку из-под одеяла и сказал:

«Давай друг другу руки пожмем. Ты — русский и я — русский, будем друзьями. Ты — эмигрант, ну а я — подсоветский человек, но мы сговоримся, мы оба об этом мечтаем, одним болеем и одного хотим. Поэтому мы должны с тобой совершенно откровенно разговаривать».

Как я уже отметил, в победу Германии я не верил. Среди моих

русских товарищей были люди из Франции, Югославии, Польши. Мы видели, как немцы восстанавливали людей против себя. Антигерманские настроения царили всюду в Европе. Выиграть войну той политикой, которую осуществляла нацистская Германия, было невозможно. Все это я говорил Власову. Он не прекращал разговора со мной, что свидетельствовало, что и его мысли шли совершенно параллельно с моими, вернее, нашими.

Я ввел Андрея Андреевича в дом моего дяди, берлинского старожила, в прошлом занимавшего высокий пост в императорской России в министерстве земледелия. В этом доме Власов познакомился с людьми, для него как бы из «другого мира». Но он нашел с ними общий язык. Он встретился и познакомился там с генералом Красновым, с генералом Лампе — начальником Объединения белых воинов в зарубежье и представителями старой интеллигенции. Это интересно тем, что российская эмиграция при всей своей непримиримости к советской власти во время войны критически относилась к нацизму и к идеям Гитлера. Недоверие было обоюдное.

В одном немецком документе читаем: «Привлечение и использование эмиграции или вождей эмиграции — строгойше запрещено». Это из разговора Гитлера с фельдмаршалом Кейтелем 8 июня 1943 г.

Весь наш расчет был на перемену политики Германии. Германия должна была прекратить войну на восточном фронте и предоставить Российскому освободительному движению перенять борьбу с коммунизмом, иначе катастрофа военного поражения для Германии неминуема. Мы считали, что чем больше у Германии будет затруднений в ходе военных действий на Востоке, тем больше шансов на перемену политики ее руководства. Мы никак не могли предполагать, что встретим такое тупоумие и невежество. Попавший в плен к американцам немецкий генерал Кестриг говорил: «Мы, немцы, безусловно из-за глупости, неспособности и незнания уничтожили величайший капитал, который когда-либо существовал для борьбы с коммунизмом».

Андрея Андреевича Власова ошибочно считают инициатором Российского освободительного движения. Оно зародилось до того, как Власов попал в плен, и было народно-стихийным. В том, что это движение было истинно народным — моральное оправдание Власова. Как думал Андрей Андреевич, так думали миллионы людей и в занятых немцами областях, и томящиеся в германском плену. В лагерях военнопленных в первые дни войны зародилась надежда, что немцы переменят политику, поддержат стремление подавляющего большинства русского народа освободиться от коммунистического ига.

Один из тогдашних моих друзей Сергей Николаевич Сверчков, актер Московского художественного театра им. Островского, мне рас-

сказывал, что в лагере для военнопленных в Белоруссии, куда он попал и где находились тысячи командиров Красной армии, уже в первые дни плена было создано некое подобие временного русского национального правительства.

После войны я задавал один и тот же вопрос всем, кто сидел в лагерях для военнопленных: «Когда вы попали за проволоку, какие и о чем у вас были разговоры в первые дни плена?» Все спрашиваемые мне отвечали: «Мы надеялись, что очень скоро выйдем из лагеря и вступим в российскую национальную армию».

Так что Освободительное движение было действительно народное и массовое. Его никто не выдумал, оно родилось потому, что сама идея витала как бы в воздухе. И уж конечно не немцы создали и изобрели его. Андрей Андреевич лишь присоединился к движению и дал ему свое имя.

Российское освободительное движение должно было иметь свою собственную базу, которая могла быть создана только на территории, занятой немцами. Конечно, это компромисс, но без компромиссных решений не может быть государственного деятеля. А наши князья московские, которые ездили в орду, а Александр Невский? Так что прежде чем упрекать Власова, надо твердо помнить, что каждый государственный деятель бывает вынужден обстоятельствами идти на компромисс, преследуя определенную большую цель. А целью Власова было освобождение нашей родины от самого страшного зла за всю ее историю.

Власов пошел на компромисс, считая, что Германия не в силах завоевать Россию — не по Сеньке шапка! Он не держал камня за пазухой, однако им руководило патриотическое чувство русского человека, желавшего освободиться от сталинской деспотии, но не подпасть под орду немецкую.

Власов как-то мне сказал:

— Ты не можешь себе представить, сколько людей, разделяющих наши взгляды, наши надежды на будущее России, там. Дали бы нам только им руку протянуть!

Вот именно — дали бы нам только им руку протянуть!

В этих простых словах вся суть, весь смысл и вся идея Освободительного движения!

Власов говорил: «Нам дается возможность, и история нам не простит, если мы не попытаемся этот шанс использовать».

В чем же заключался шанс? Шанс давался не возможностью сформировать из пленных и из населения оккупированных областей несколько дивизий, а тем, что все народы России относились отрицательно к советской власти. Много ли было у партии, у Сталина

верных слуг? Ведь тогда еще были живы свидетели террора, горя коллективизации и всего того, что обрушилось на народ в двадцатые-тридцатые годы. Вот на что рассчитывал Власов, когда говорил: «Дали бы нам только им руку протянуть».

В одном историческом труде, изданном в Советском Союзе, написано: «Власов и кучка его окружающих». Это была не «кучка», а было массовое движение людей, которые хотели взяться за оружие и бороться с тиранической властью. Передо мной сейчас лежит протокол совещания Гитлера с генералами. Генерал Цайцлер, начальник генерального штаба германской армии, отвечает на вопрос, сколько сейчас добровольцев: «Мы имеем всего 78 батальонов, 91 полк и 122 роты. Есть еще категория из 60 тысяч человек, нечто вроде стражи, они объединены в очень маленькие отряды. Имеется еще около 200 тысяч добровольцев, они находятся в войсках канонирами, их нельзя убрать».

Вот такая это была «кучка» и какие возможности!

На другом совещании генерал Кестринг просто отвечает: «Добровольцев у нас около миллиона».

В первые месяцы войны сложило оружие около 3 миллионов бойцов и командиров Красной армии. Это ли не является доказательством отношения народов России к советской власти?

А какая потенциальная грозная сила, полная ненависти к тиранической власти, — миллионы заключенных ГУЛага!

Добровольческое движение, когда люди просили дать им оружие, было движением вполне объяснимым. Это был ответ народов России на все то, что совершила антинародная власть по отношению к ним: ответ на террор, на издевательства над всем святым!

Дали бы нам только им руку протянуть!

Было ли когда-нибудь в истории любой армии в мире что-либо подобное? Уже после окончания войны из победоносной армии бежали ее воины и командиры. Они не стремились вернуться к домашнему очагу, а уходили в неизвестность. Плыли через Дунай, пробирались через дебри Богемского леса, просили убежища у американцев. И это в 46-м, 47-м, 48 годах!

После окончания войны я был в Италии полномочным делегатом переселенческой организации, созданной Русской Православной Церковью за рубежом. Мы участвовали в спасении людей от ГУЛага, то есть от выдачи их советской репатриационной комиссии. В 1948 году американцы передали нам в Италии 42 советских офицера, перешедших в Австрии к ним в 47—48 годах. Это только на одном небольшом участке рубежа, разделявшего американскую и советскую зоны оккупации. Один американский генерал решил не передавать беглецов обратно и отправил их к нам. Мы оформили им документы и

отправили за океан. Разговаривая с ними, я постоянно вспоминал слова А. А. Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

А сотни тысяч людей, привезенных на рабский труд в Германию во время войны и после ее окончания, как дикие звери, скрывавшиеся в лесах от советской репатриационной комиссии, только бы их не увезли силой домой! И опять в моем сознании, как колокол, звучит бас Власова.

Дали бы нам только им руку протянуть!

Незабываемы по ужасу картины, которые я видел в Польше в 1944 году. Тысячи подвод и толпы несчастных людей с домашним скарбом, а кто и с коровой, привязанной к телеге, бегущих впереди отступающей немецкой армии. Нет, не навстречу к своим, а от своих — в неизвестность! Они бежали на Запад!

Дали бы нам им только руку протянуть!

Для осуществления плана Власова имелись вполне реальные предпосылки. Вся трагедия была в том, что немцы, умышленно обманывая его, дальше использования его имени не шли. Я хорошо знаю, какие душевные муки переживал Власов.

Всех добровольцев было около миллиона. Это указывало на то, что в германской армии при продвижении в глубь российских просторов обнаружилась резкая нехватка людей. Многие германские генералы без разрешения свыше формировали добровольческие батальоны, брали в немецкие воинские части добровольцев. Власов настаивал на объединении добровольческих формирований, на получении командования над ними при условии заключения договора с правительством Германии, гарантирующего отказ немецкого правительства от завоевательских планов на Востоке.

Власов понимал, что перед Освободительным движением, если немцы дадут ему ход, откроются две возможности, два варианта развития событий.

Первая возможность: правительство Германии поступает лояльно и отказывается от завоеваний. Оно способствует созданию русского национального правительства. Власов считал, что создание русского национального правительства, русского центра снимет опасность гражданской войны. Он даже как-то сказал: «Я кончу войну по телефону. Я знаю, что Костя Рокоссовский думает то же, что и я». Власову часто задавали вопрос: «Ну, а дальше?» Он отвечал, что дальше найдутся государственные люди, которые решат вопрос только с точки зрения интересов свободного российского государства.

Вторая возможность: германское правительство сделает вид, что отказывается от завоеваний. Власов считал, что мы при продвижении

в глубь страны сумеем оторваться от немцев. Тогда бы началась российская освободительная война, но уже против внешних завоевателей. В этот момент можно было рассчитывать на помощь Запада.

Меня спрашивали люди, которые интересовались Власовым, думал ли об этом Власов действительно так, высказывал ли такие мысли? Да, думал, но, конечно, об этом открыто говорить не мог. Он знал, что в его окружении были люди, поставленные для наблюдения за ним. Но я хорошо помню момент, когда при обсуждении второго варианта сказал Власову, что немцы все ж таки нас обманут. Власов, сжав кулаки, ответил:

— Вот тогда мы им покажем, что такое русская народная война!

Хочу напомнить об одном событии, которое наглядно подтвердило, насколько был прав Власов, когда говорил: «Ты не можешь себе представить, сколько единомышленников у нас там!» В свое время «гениальный отец народов» спросил: «А сколько у Папы римского дивизий?» И вот недавно Папа римский ездил в коммунистическое государство, в Польшу, и показал, сколько у него «дивизий». Когда я видел эти сотни тысяч людей, приветствовавших Папу, я думал о том, как Власов был прав.

С чувством глубокой благодарности я читал третий том «Архипелага ГУЛага» Александра Исаевича Солженицына, те страницы, на которых он высказывает свой взгляд на власовское движение. Но есть один пункт, о котором следует поговорить. Солженицын только слегка коснулся его. Он пишет: «Превратить войну в гражданскую, это Ленин предложил прежде Власова». Так оно и не так. Профессор Авторханов идет еще дальше. Он развивает эту мысль и утверждает, что Власов был таким же пораженцем, как и Ленин.

Я хочу сказать, что это сравнение оскорбительно для Власова, потому что его цели были совершенно противоположны тем, которые ставил Ленин. Власов говорил: «Прошлое России — наше, настоящее России — наше и будущее России — тоже наше».

А что говорил Ленин? Конечно, теперь эти слова замалчиваются. Ленин сказал: «А на Россию нам, господа хорошие, наплевать». Власов стремился вернуть Россию на исторический путь и вернуть русским людям их Отечество с большой буквы. А Ленин? Ленин, как маньяк, мечтавший только о положении вождя мирового пролетариата, смотрел на Россию, как на трамплин для прыжка в мировую революцию. Отсюда совершенно логично вытекает другая фраза Ленина: «Пусть девяносто процентов русского народа погибнет, лишь бы десять процентов дожили до мировой революции». Эту фразу историк Мельгунов почему-то называет «крылатой». Не крылатая это фраза, а кровавая.

Мне когда-то пришлось разговаривать со старой ленинисткой. Когда я указал ей на эти фразы Ленина, то последовало оправдание: «Владимир Ильич говорил это на заре революции, когда мы все думали и мечтали, что за порогом уже мировая революция». Вот оно что! Шестьдесят семь лет народы России платят за эту «мечту».

Власов действовал открыто. Он не был немецким наемником, принимающим приказание безоговорочно. Немцы пошли на договор, когда уже было поздно — поздней осенью 1944 года. А до того они пользовались, когда это было им нужно, только именем Власова. В этом трагизм всего Движения!

Ленин скрывал, что он был германским агентом, и ежели бы теперь не были открыты архивы и не были опубликованы документы, то деяния Ленина были бы скрыты.

Многие говорят, не надо было ездить в Прагу, что-то декларировать, когда уже было ясно, что близится конец всем надеждам. Прага была умышленно выбрана как славянский город. Идея мероприятия была такова: в российской истории должно быть отмечено, каким образом Власов как глава Комитета освобождения народов России предлагал решить задачу освобождения нашего отечества и на чем должны зиждиться основы возрожденного российского государства.

Для коммунистической партии Власов — предатель, так как он не хотел и не в силах был продолжать служить ее делу, не желал продолжать служить партии, идеология и деяния которой не отвечали, по его убеждениям, интересам государства и народа.

Власов — жертва глупости и умышленного обмана со стороны нацистского германского руководства, которое в безумном ослеплении не могло отказаться от завоевательских вожделений.

Власов — жертва «традиционного» непонимания англичанами и американцами всего того, что творится у нас на родине.

Для русских же людей, желающих жить в своем отечестве, а не на плацдарме мировой революции, Власов — народный герой, пожертвовавший собственной жизнью во имя любви к своему народу. Власов имел возможность спастись, но он предпочел разделить судьбу своих последователей, вероломно выданных на зверскую расправу коммунистам.

Власов знал, на что он идет, согласившись возглавить Освободительное движение. И как истинный сын народа он отдал отечеству самое большое — свою жизнь. «А нет больше любви, кто душу свою положит за други своя».

ЛИДИЯ ТКАЧЕВСКАЯ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ ВНОВЬ... НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ!

*Честным словом обещаю, что буду
исполнять свой долг перед Богом и Родиной,
помогать ближним и жить по законам
разведчиков!*

Устав ОРЮОР
(Организации российских юных разведчиков)

Думалось ли нам, белым эмигрантам, горестно переносящим оторванность от родной земли, мечтающим о ней и больше 70 лет прожившим в почитании российской православной культуры, что эти слова Обещания вновь прозвучат в устах юных россиян... перед русским знаменем... на Руси?

Русский скаутизм, родившийся в 1909 г. в Павловске, охватив большую часть молодежи уже до Первой мировой войны, гонимый большевикам и ушедший затем в подполье или в изгнание, всегда стоял лицом и душой к отчизне. Но годы шли, сменялись поколения, и русские очаги рассеяния уходили все дальше на Запад.

Наконец настал год чуда — год тысячелетия, 1988-й!

А в 1989 г., на 80 годовщину скаутизма в России, сформировался уже в самой ОРЮОР специальный сектор работы «Лицом к России». Предвидя сдвиги и возможности настоящей миссионерской работы, несколько человек взялось за дело. События и новые перспективы сами стремительно стали нас увлекать. Сперва только выставка ОРЮОР (как часть выставки об эмиграции — май 1990 г.). Затем первое паломничество — туристическая поездка (июнь 1990 г.), затем вторая — уже как скаутский поход и даже лагерь, где впервые прозвучали слова «Торжественного обещания» (август 1990 г.). После этого участие нескольких руководителей и Олега Олеговича Пантюхова (сына основателя русского скаутизма) на Первом съезде скаутов в Москве (ноябрь 1990 г.). И вот в 1991 г. устраивается уже первый курс для начальников единиц (КНЕ) — с 28 апреля по 6 мая.

Надо сказать, что связь с Россией очень нерегулярна, письма идут по два месяца, поэтому было очень трудно координировать устройство этого предприятия. Мы предполагали, что будут трудности и неожиданности, особенно на месте. Мы готовились по мере возможности: писались новые конспекты, составлялись расписания курсов, паковались ящики с литературой.

Такого рода курсы обычно проходят в лагере, длятся они, по крайней мере, недели три и в них, как правило, участвуют люди, с детства состоящие в рядах организации и на курсах только усовершенствующиеся в скаутском деле, и главное — в руководстве. Тут же все не по правилам: люди новые, которых надо ускоренным темпом образовать и приобщить к русскому скаутизму. Мы понимали нашу задачу, главным образом, как дело духовное: передавать дух нашей патриотической организации, дух православия, и в то же время ориентироваться на скаутскую практику.

Приехав в Петербург, встретив наших друзей: которые «все устроили», мы поняли, что неожиданностей больше, чем мы думали. Кроме того, они постоянно приумножаются, так что нам все время приходится на ходу перестраиваться и применяться к условиям. Теперь, когда курс благополучно закончился, можно сказать, что никаких принципиальных трудностей не было. Мы с начала и до конца вели свою духовную линию, и никто нам не намекнул даже, чтоб мы чем-то поступились в идеологическом плане. И что еще более отрадно, что ни от каких спонсоров не пришлось зависеть, так как все расходы мы смогли оплатить сами, оставшись в положении независимом.

Итак, от зарубежного ОРЮР нас было 8 руководителей. Мы ожидали человек 40 курсантов. Но приехало около 80 со всех концов России! Пестрели экзотические названия: Магадан, Челябинск, Тюмень, Иркутск, Пятигорск, Томск... не говоря уж о более близких, как Пермь, Екатеринбург, Обнинск, Сосновый Бор, Москва и т. д. В большинстве — молодые лица, живые глаза, сосредоточенный взгляд и жажда знаний...

Вечером 27 апреля, накануне начала курсов, когда мы все усталые вернулись после сборов с отдельными единицами (Сосновый Бор и Петербург), оказалось, что предстоит наша первая торжественная церемония.

Мы уже успели познакомиться с симпатичным, ловким Петей Т. Будучи жителем города на Неве, он принял на себя бремя организации курса, с чем блестяще справился. Вот этого нашего нового друга и брата мы принимали в нашу среду — как витязя, входящего в круг старших. Казалось особо знаменательным, что нашу работу мы начинали с такого серьезного торжественного события. На сборе нас было 10-12 человек: 8 человек из США и остальные — молодые руководители из России. Свет потушили и зажгли 3 тоненькие русские свечи. Как-то сразу все стало таинственным. Мы сидели в классе, свечи горели на профессорском столе, а наши силуэты темнели на скамейках.

По традиции витязей и дружинниц, для Торжественного обещания устраивается специальный костер, на котором могут присутствовать

только те, кто сам давал Торжественное обещание в старшей ветви. Принято сидеть возле пламени, глядя на пылающий огонь. Каждому полагается сказать несколько слов о мотиве вступления на путь служения. Задумчиво, не торопясь, каждый из нас сообщил о том, что больше всего в этот момент его тревожит или вдохновляет. Кое-кто говорил о своем прошлом, другие — о будущем России, некоторые взывали к вечной мудрости Божьей... Хорошая традиция, никто не забыт. Идем по кругу... Вот Алеша З., казалось, сидит насупившись, сосредоточенный. Дошла до него очередь, и вдруг озаряется лицо его светом: «Я понял сегодня на сборе, что надо работать, я понял это, глядя в эти светлые лица русских детей... для них трудиться. И я благодарен за честь, оказанную мне, за то, что могу участвовать в этом деле, на этом поприще». Отвечая как бы нашим чаяниям, включается скм Миша Николаев: «Ребята, запомните этот момент... навсегда!»

Наконец слово за Петей. До чего чувствуется, как взметнулся душой, как мысль и речь не успевают угнаться за порывом: «Я давно искал... искал пути... в искусстве. Затем создал отряд, просто свой с ребятами, и интуитивно мы уже жили по-разведчески, не зная этого. Мы исходили Россию, шли 800 километров, реставрировали храм. Хотели креститься. Но понадобился еще подвиг: шли до Оптиной Пустыни пешком, чтобы принять Христа. Там и встретили Олега Д. (уже тогда витязя ОРЮР). Так я обрел Бога и встретил... человека», — заканчивает взволнованно Петя.

Опять-таки по обычаю, Петя должен избрать себе советника (вроде крестного), с ним уйти от общего костра, с тем чтобы развести отдельно свой костер, и там, вдали понять, решить. Петя выбрал Алешу З.. И они со свечой уходят. У оставшихся настроение не падает, мы все еще во власти душевных сумерек и яркого огонька, излучаемого свечкой. Удивительно, как ясно и красочно, как в капле воды может лучисто отразиться солнце, как в рассказе Пети. В его поисках Бога и человека как бы отразилось то возрождение России, у которого мы стоим и которое чаем, ибо только таким оно должно быть: где дух руководит и где вера порождает дело!

Они вернулись, оба радостные, как бы бремя сбросили с себя. Петя становится на колени, протягивает руку в салюте к нашему дорогому знамени, и звучат тихо, но решительно сокровенные слова присяги. Затем зажигают электрический свет, скм Юра Лукьянов надевает галстук витязя на шею Пети, поздравляет его, оба отдают салют, мы все его обнимаем и приветствуем. Особенно знаменательны, конечно, грубоватые мужские объятия Олега, того, кто повстречался Пете в Оптиной. Столь судьбоносно ему повстречался именно там и именно тогда!

После двух дней интенсивных занятий на курсе нам предстояло отметить историческую дату: 82 годовщину основания скаутизма в России, состоявшегося именно в Павловске, под Петербургом, 30 апреля. Вот поэтому туда мы и направились в этот весенний день. Часть нас поехала на автобусе, часть на поезде. Но все мы собрались в уже знакомом нам Павловском дворце (музее), в уютном театральном зале. Были приветствия, пресс-конференция и показ диапозитивов о наших зарубежных лагерях. Затем после вкусного обеда в ресторане мы вернулись во дворцовую часовню на молебен и панихиду. В церкви было полно народу (присоединились к нам отряды детей: целиком приехал новорожденный отряд Гумилева из Соснового Бора).

Еще и года не прошло, как мы «почти туристы», осматривая дворец, вышли на балкон над часовней, где больше 200 лет тому назад обычно, как нам сказали, молился император Павел. Мы тогда были только наблюдателями и часовня со всем ее царственным великолепием была как на выставке. Совсем другое теперь! Шла служба, моления гармонично звучали под светлым сводом, пульс жизни вновь забился во дворце. И моментами хотелось оглянуться на балкон — не стоит ли там наш... император?

Была устроена выставка ОРЮРа в отдельной комнате музея, куда мы и направились после панихиды. Предполагается эту выставку сделать постоянной, поскольку история русского скаутизма теперь уже тесно связана с Павловском.

Следующим этапом программы был строй на плацу. Было холодно и ветрено, но знаменосцы стояли смирно у подножия памятника императору Павлу. Напротив — руководители, а по бокам — женский и мужской строй. Были зачитаны приветствия старшего скаутмастера М. Данилевского и О. О. Пантюхова, приказы. Спели гимн «Коль славен». На плацу небольшой оркестр исполнил русский гимн «Боже Царя храни», а затем Преображенский марш. Сопровождаемые музыкой, мы направились в парк разжигать костер. Составили живую цепь из переплетенных рук, оставив место для дорогих отсутствующих. Зазвучал гимн «Будь готов». Костер взметнул пламя, беловатый дым взвился столбом к небу. На фоне огня качнулось знамя дружины «Царское Село», прибывшее из США. Мальчик лет 13 решительно встал на левое колено, поднял руку к знамени и произнес заветные слова: «Честным словом обещаю, что буду исполнять свой долг перед Богом и Родиной».

Неисповедимы пути Господни. 82 года прошло с того времени, когда впервые зазвучали такие слова в этом парке. Тогда была у нас богатая, благодатная жизнь, цветущая страна, слава и почет. От этого времени нас отделяют реки крови, горы тел погибших на бойне рево-

лющин, на гражданской войне... Сегодня мы все ощущаем отчизну нашу лежащей раненой, нищей, больной.

Но сказал пророк: «И с именем Господним подымешься!» Вот говорит же этот новый разведчик, встав на колено перед священным знаменем, что он дает обет быть «верным Богу и преданным Родине».

Последовала неделя занятий, зачетов, дискуссий, прений вместе с вечерними беседами, играми, песнями.

Последних два дня мы провели почти все время на лоне природы. Двумя автобусами с рюкзаками и чемоданами мы переехали в Зеленогорск, курортное местечко на берегу Финского залива. Расположились в доме. Кругом хвойный лес. Как-то все напоминает лагерь. Тут тоже продолжалась работа: лагерное дело и практика, установка палаток, костры и т. д.

Для нас, приехавших из-за границы, до чего дорого было все окружающее: зеленый лес, песчаная дорога, дюны, продолговатые шишки, серый песок, гладкие камни на берегу, синева тихого моря. Все виделось не извне, как нечто напоказ, а как свое, нужное, полезное, милое и доброе. Изнутри, ибо мы уже жили в этом. Кажется, созерцать не было времени, так мы были все время заняты расписанием, зачетами, решениями.

Суббота, 4 мая. Сегодня предстоит главный костер. Завершается вся подготовка, чтобы после полученного опыта каждый курсант мог спросить себя: «Это ли тот путь, который по душе мне? Созвучен ли этот обет моим глубинным исканиям?»

В течение всего курса, на какие бы мы темы ни говорили, будь то методика занятий, религиозного или национального воспитания, история разведчества, этика, психология, лидерство или просто игры, кличи, мы, преподаватели, постоянно подготовляли наших слушателей к мысли, что основной задачей российского разведчества является — воспитание людей мыслящих, независимых, которые сами в себе несли бы багаж не только знаний практических, но главное — моральных ценностей христианства. «Быть свободным — это познать истину», — учит нас Христос.

Наших единомышленников было большинство. Но были и колеблющиеся, кто еще не ухватил сути «верности Богу». Кто-то наблюдал из любопытства, а может быть, и по заданию. Кто-то стремился «смешать карты», внести смуту. У нас были специальные часы, отведенные на дискуссии, вечера, посвященные разбору проблем. Подчас поведение зарубежных руководителей удивляло даже единомышленников: «Как будто и стоят крепко на своих принципах, но дают высказаться и тем, кто с ними не согласен, может быть, даже враг». Но общая атмосфера была полна легкости, друженности.

Приближался решительный момент: зачеты были позади, регулярно посещавшие курс получали свидетельства. Но решение давать Торжественное обещание еще должно было пройти моральную проверку.

И для вступающих, и для принимающих в ОРЮР основной вопрос — вера в Бога. Каждому курсанту задается вопросы: верит ли он в Бога, не состоит ли на службе коммунизма, почему решил вступить на тяжкий путь служения? Удивительно, как много людей отвечало, что «ищут Истину и в духе ее хотят воспитывать будущие поколения россиян». Тех, кто не был уверен в важности принятия этих идеалов, мы убеждали не торопиться с Торжественным обещанием.

В Карелии темнеет поздно. Девять часов вечера, а еще солнце. Только после десяти постепенно начинает темнеть. Человек 100 или больше, устроившись полукругом, затаив дыхание, следим, как разгорается костер. Для всех это уже традиция: зажженный одной спичкой костер, тишина, гимн, беседа. Первыми дают Торжественное обещание разведчики и разведчицы — 10 человек. После недолгой программы у костра начинается вторая часть — костер старших. Беседа идет по кругу, каждый высказывает свои мысли, обосновывает свое вступление в ОРЮР. Затем все кандидаты (29 человек) группами уходят разводить свои костры.

Постепенно все возвращаются и опять собираются у общего костра. Под светловатым небом Карелии, на фоне пушистых елок, в оранжевых бликах пляшущего пламени костра по одному, по двое, по трое подходили к русскому знамени с изображением св. Георгия, поражающего копьём дракона, с трепетом становясь на колено, целуя знамя, повторяли:

*Честным словом обещаю,
Что буду исполнять свой долг
Перед Богом и Родиной,
Помогать ближним
И жить по законам разведчиков...*

АЛЕКСЕЙ БОГОЛЮБОВ,
Председатель Вашингтонского отделения,
кадет 17-го выпуска

ИКОНА ДОНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В РОССИЙСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ В ВАШИНГТОНЕ

После долгих лет официального атеизма советской власти икона Божьей Матери заняла почетное место на втором этаже Российского посольства в Вашингтоне. Инициатором этого исторического события был Владимир Николаевич Бутков, атаман казачьей станицы Вашингтона и член нашего кадетского объединения.

В ноябре 1992 года на собрании Литфонда в Вашингтоне В. Н. Бутков познакомился с российским послом Владимиром Петровичем Лукиным. В разговоре с послом В. Н. Бутков сказал о желании поднести посольству икону, и был приятно удивлен, когда посол без колебаний на это согласился.

Деньги были собраны среди казаков и единомышленников, а икона Донской Божьей Матери написана Ириной Алексеевной Беляковой (ею же была написана ранее икона св. Благоверного кн. Александра Невского, пожертвованная кадетами в Иоанно-Предтеченский собор в Вашингтоне в молитвенную память всех кадет российских корпусов).

Владимир Николаевич дважды был в посольстве и вместе с советником посольства Борисом Юрьевичем Марчуком выбрал место для иконы на втором этаже в комнате рядом с двухсветным парадным залом.

Российское посольство до сих пор расположено в элегантном старинном особняке на 16-й улице в трех кварталах от Белого Дома. Здание это было куплено императорским правительством у богатой американской семьи. Близость к Белому Дому говорит о желании американского правительства того времени оказать особое внимание России.

После признания СССР Соединенными Штатами новые хозяева пристроили к особняку утилитарное четырехэтажное здание, фасадом выходящее на 15-ю улицу.

Во вторник, 6 июля, я подходил с моей старшей дочерью Еленой к Российскому посольству. Для нее и для меня это было первое в жизни посещение посольства моей родины России. Говорили, конечно, о том, что нам выпала особая честь войти в наше посольство при таких ис-

ключительных обстоятельствах. У калитки уже не дежурил американский полицейский, двери здания были широко открыты, а трехцветный флаг радовал глаз и согревал душу. Хотелось верить, что под этим символом зародилось и набирает силы духовное возрождение России.

Наша делегация состояла, в основном, из казаков и казачек, кадет и единомышленников-прихожан вашингтонского собора — Русской Зарубежной Церкви, среди которых зародилась и сама идея, и были собраны деньги.

Но так как верующие российского посольства в большинстве своем посещают православный собор св. Николая Американской Митрополии, был приглашен тамошний настоятель о. Димитрий Григорьев и некоторые прихожане.

Кадет возглавил 90-летний Борис Викентьевич Прянишников, известный автор, окончивший в 1920 году в составе 31-го выпуска Донской корпус. Константин Васильевич Болдырев, кадет 10-го выпуска Русского корпуса в Сараеве; княжескоконстантиновец 17-го выпуска Алексей Боголюбов и члены объединения Владимир Бутков и Владимир Лутченков дополнили кадетскую группу.

Парадный зал на втором этаже (слово «бельэтаж» подошло бы больше для старинного особняка) оказался просторным, высоким и светлым, с окнами на 16-ю улицу, залитую в этот жаркий летний вечер лучами заходящего солнца. Белый двухсветный зал с позолоченной лепной отделкой карнизов и стен чем-то мне напомнил Георгиевский зал в Кремле, но в малом масштабе и без великолепных хрустальных люстр.

Гости и служащие посольства уже начинали собираться. В. Н. Бутков с супругой Александрой Николаевной поставили икону, украшенную вышитым полотенцем, в юго-восточном углу зала на небольшой столик, накрытый белой скатертью. Перед иконой стояла лампада и два подсвечника с белыми свечами. В противоположном углу было, по-видимому, постоянное место для большого русского национального флага.

К шести часам вечера около 60 человек гостей и служащих посольства собрались, чтобы встретить посла с супругой, которые не заставили себя ждать. В. Н. Бутков представил послу нашу делегацию.

Официальную часть программы открыл Борис Юрьевич Марчук. Он приветствовал нас в стенах Российского посольства, коротко отметил значение этого события и передал слово В. Н. Буткову. Владимир Николаевич в своем выступлении рассказал о роли казачества в истории России и подчеркнул верность казаков православию и престолу. В заключение он поднес послу художественно оформленную

грамоту, которую затем с большим подъемом зачитал всем присутствующим.

Следующим было выступление посла Российской Федерации В. Н. Лукина, историка, профессора МГУ.

При изучении истории России часто встречаются, как выразился посол, два «кодовых» слова — *православие* и *казачество*. Эти две силы во многом определили исторический путь России и помогли русскому народу в тяжелые моменты жизни государства. Сейчас православная церковь и казачество снова помогают укреплению возрождающейся России.

Посол поблагодарил нашу делегацию за поднесенную икону и напомнил, что двери Российского посольства для нас всегда открыты.

Кадеты, присутствовавшие на прощальном банкете в мае месяце в Каракасе, вспоминают, что тамошний российский посол (в прошлом суворовец) тоже говорил об открытых дверях посольства для нас — русских из зарубежья.

Отец Виктор Потапов в своем слове вспомнил, как 13 лет назад духовенство и прихожане нашего собора провели мирную демонстрацию перед этим же зданием в защиту православных русских людей, преследовавшихся советской властью.

Сегодня, по промыслу Божию, мы вошли в Российское посольство с иконой Богоматери. Дивны дела Твои, Господи!

Затем о. Виктор напомнил о том, как Божия Матерь своим Покровом спасла Константинополь, к стенам которого подошли суда с нашими языческими предками. Это событие почти забыто в Греции, но Россия и казачество торжественно празднуют день Покрова Пресвятой Богородицы. Божий Промысел и Покров Богоматери помогут русскому народу и в наше тяжелое для России время.

Основная тема в выступлении о. Дмитрия Григорьева была — объединение россиян для возрождения нашего отечества. Казаки подают нам пример сплоченности и действенности за рубежом и в России. Наше дело этому примеру следовать.

Потом о. Дмитрий отслужил молебен. О. Виктор управлял нашим маленьким хором. После молебна, с пением «Спаси, Господи, люди Твоя», икона была перенесена В. Н. Бутковым в соседнюю комнату и временно поставлена в углу на том же столике, перед которым был отслужен молебен.

О. Григорий окропил комнату святой водой и осенил собравшихся крестным знаменем.

Гости и хозяйева перешли в парадный зал (его также называют *золотым*) и провели там еще около часа в беседах и обсуждении последних событий на родине. Михаил Петерс — профессиональный

кинооператор, снял все происходившее на видео. Желающие могут приобрести кассеты этого вечера.

Я подошел к одетому в красивую белую форму молодому подполковнику А. Н. Щербакову, помощнику военного аташе, и к его сослуживцу в штатском А. Л. Бабенко. Они оба окончили суворовские училища. Конечно, мы говорили о воссоздании кадетских корпусов. А. Щербаков сказал, что планируется открыть при каждом суворовском училище параллельные кадетские классы. Я вкратце рассказал об участии наших объединений в этом деле и о наших встречах с суворовцами в России и за границей. Разговор был оживленным и откровенным, однако я не получил прямого ответа на мой вопрос: почему до сих пор сохраняется советская символика и когда тело Ленина будет предано земле.

Тем не менее, я уходил из посольства с чувством, что произошло очень важное и радостное событие. Позже В. Н. Бутков, снова побывавший в посольстве, подтвердил, что икона повешена на выбранном месте.

Не обошлось, конечно, и без скептиков, которые говорили: «Они для пропаганды сделают что угодно». Им можно ответить словами одного из служащих посольства: «Это невероятно, что после семидесяти лет в нашем посольстве идет церковная служба!»

В. П. Лукин в частном разговоре с В. Н. Бутковым сказал, что в посольстве большинство неверующих и поэтому без инициативы извне он бы не мог повесить икону в посольстве. Но российское правительство стремится наладить отношения с русскими за границей и поэтому ему было нетрудно согласиться на предложение Владимира Николаевича и достойно принять в стены посольства икону Богородицы.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

1939 год ознаменовался в жизни кадетских объединений и суворовских-нахимовских клубов крупными юбилейными датами.

10 мая Объединение кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле отпраздновало 45-летие своего существования. После закрытия старейшего объединения кадет в Брюсселе (Бельгия), объединение в Каракасе переняло старшинство среди кадет. И несмотря на то, что их в объединении всего 16 человек, это не помешало им быть

одним из самых энергичных, деловых, гостеприимных, дружественных и отзывчивых объединений. Как было сказано в одном из докладов на торжестве «три особенности характеризуют кадет в Венесуэле и их объединение: любовь к родине, верность корпусным заветам и крепкая мужская дружба». В течение всех этих лет они все ежемесячно встречались, устроили три прекрасно организованных съезда, их представители не пропустили ни одного съезда в США, Канаде и в Париже, дружно отправились сначала на «Встречу» в России в 1992 г., а затем на празднование 50-летия суворовских и нахимовских училищ в 1993 г. Желаем им в том же составе с их милыми супругами и семьями встретить и свое пятидесятилетие.

31 августа и 7 сентября суворовские-нахимовские клубы отпраздновали в Москве 50-летие со дня основания суворовских-нахимовских училищ.

В жизни наших друзей суворовцев-нахимовцев это большая юбилейная дата, связывающая их не только с их училищами, но и с сознанием общности, товарищества и дружбы между всеми суворовцами, где бы они ни проживали и в каком бы училище они ни учились. Мы знаем, что большинство из них отошли от исповедования коммунистической идеологии и объединились в клубы, которые помимо взаимопомощи стремятся поставить обучение во вновь создающихся корпусах, в суворовских и нахимовских училищах на путь правильного служения родине, оказывая им моральную и материальную поддержку. Многие вопросы, связанные с существующими и вновь организуемыми военно-учебными заведениями, нуждаются в разработке программ и «положений» о таковых, чтобы внести порядок в «самодеятельность» в этой области. Мы верим, что министерство обороны скоро поймет, что во всех учебных заведениях под его ведомством недостаточно ввести один урок «истории религии», а нужно преподавание Закона Божия. Ведь А. В. Суворов как верующий христианин всякое дело начинал и заканчивал молитвой, и это завещал и своим чудо-богатырям. Повторяем, что в своем «Завещании» он написал: «Помилуй Бог, мы русские. Восстановим по-прежнему веру в Бога Милостивого. Очистим беззаконие». И русское воинство, особенно в этот тяжкий, переходный период, должно прислушаться к этому призыву своего генералиссимуса.

Нельзя также оставить без внимания начало учебного года в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, на открытие которого приехали также представители наших кадетских объединений. Это событие переросло фактически в народное торжество. Те из нас, кто побывал на «Встрече» в 1992 г., очень привязались к кадетам-донцам, и многие взяли себе «крестников» из их среды. Всех радовало, что это первый кадетский корпус, восстановленный в России,

принявший традиции, форму и заветы корпуса, эвакуированного из Крыма в 1920 г. Пожелаем кадетам и всему персоналу корпуса счастливого продолжения их полезной деятельности и приобщения к нашей кадетской семье.

И, наконец, 16—19 сентября состоялась ежегодная, теперь уж традиционная «Встреча» в Санта-Розе Сан-Францисского объединения, на которой, как и в Каракасе, было три представителя из России. Это придало «Встрече» особое значение. Состоялись собеседования на идеологические, военные и воспитательные темы, которые стали еще более актуальными в связи с восстановлением и возрождением кадетских корпусов в России. Заслуженой организаторов было то, что «Встреча» была посвящена не только отдыху, встрече с друзьями, знакомствам с суворовцами.

Наши друзья в Сан-Франциско за последние годы стали очень активно работать: устроили прекрасный съезд в 1990 году, устроили первую Встречу в России с суворовцами-нахимовцами в 1992 году, еженедельно по средам собираются в Доме ветеранов (которым они теперь заведуют) и решают все насущные вопросы объединения. В их ведении находится прекрасный музей, который всегда с большим интересом посещают кадеты во время поездки в Сан-Франциско. Их прекрасно оформленный «Бюллетень» вместе с «Бюллетенем» объединения в Каракасе замечательно иллюстрируют жизнь кадетских объединений и поддерживают связь с корпусами и суворовскими клубами в России. Бог им в помощь!

РЕДАКЦИЯ

**СОРОКАПЯТИЛЕТИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
КАДЕТ
РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ
КОРПУСОВ В ВЕНЕСУЭЛЕ**
«Бюллетень» № 35 Каракасского объединения

Сорок пять лет, конечно, не юбилей. Подождать бы еще пять лет, и тогда праздновать «золотое» пятидесятилетие. Это будет, вне всякого сомнения. Мы полны надежд, что и тогда все шестнадцать кадет, состоящих сейчас в объединении, примут участие в торжестве. Но... Не будем прятать голову в песок, как это делают страусы при приближении опасности. Наш средний возраст — за семьдесят. Почему

же не отметить сорокапятилетие, если сан-францисканцы в прошлом году праздновали 40 лет, а нью-йоркцы зовут на свои 45 в будущем году. «Наши не хуже ваших», тем более, что мы старейшие и что у нас главенствует отчетливый, энергичный Игорь Владимирович — Гога Гняздовский, женатый на молодой, красивой испанке Марии Альфредовне, Марусе, «Нэне», что сразу убавляет Гоге добрых двадцать лет.

Сказано — сделано, и 10 мая все мы собрались в приморском клубе «Пуэрто Азул» (Синий порт), куда скромным обывателям попасть очень трудно, но где Гога состоит членом-акционером уже десятки лет, где он не просто член, а «персона грата», уважаем, почитаем, влиятелен.

Все ли? Не совсем, но почти. По состоянию здоровья не смогли приехать Сергей Иванович Ламзаки, кадет 4-го выпуска, Николай Филимонович Шимчук-Залещинский, 6-го. Не мог отлучиться от своей болящей жены Михаил Витальевич Лабейковский (14-й выпуск). Не смог прибыть и Алексей Борисович — Алеша Легков (22-й выпуск), которого засосала работа далеко от Каракаса, на самой границе с Колумбией. То же можно сказать и о незаменимом Борисе Евгеньевиче Плотникове, который мог только приехать из Каракаса, чтобы быть на ужине, а потом — прочесть нам доклад, как всегда интересный, живой, полный юмора. Его, правда, посилено замещала супруга, милая Татьяна Александровна — Таня. Не было и князя Александра Яковлевича Амилахвари, которого мы и так видим редко в силу его занятости.

Всех их заменили наши дорогие гости: Сережа Муравьев и Алеша Иордан из Нью-Йорка, Алеша Боголюбов из Вашингтона, Шура Нещерет, Вадим Логвинов, два «канадца» из Торонто — Жорж Сапегин и Олег Гипп, все со своими супругами, кроме Шуры и «канадцев». Самым же ценным был приезд тяжело больного Пети Жаркова, нашедшего в себе силы и желание встретиться со старыми друзьями, возобновить кадетское «чувство локтя». Сопровождала его не только спутница всей его жизни, но и дочурка Александра, которую многие называли Жарковочкой.

Удалось нам пригласить из России и трех кадет-суворовцев: Николая Никаноровича Сычева (Колю-будильника для тех, кто был на «встрече» в Москве и Петербурге, хотя такое панибратство в отношении полковника действительной службы, многолетнего профессора Военной академии, казалось бы и неуместно), Олега Константиновича Ястремского, инженера, создателя копии знамени Фанагорийского гренадерского полка, которая была с нами на «встрече», возглавителя суворовцев в городе Львове, где он проживает и ведет борьбу за единение Украины с Россней, а особенно за

неделимость русской православной церкви, и Евгения Александровича Карманова, художника из Минска, в Белоруссии, задавшегося целью создать галерею портретов старых кадет и суворовцев, для помещения ее в зале клуба суворовцев и нахимовцев.

Сбор был назначен на половину восьмого вечера в главном зале ресторана клуба «Пуэрто Азул». Все было, как всегда: знакомства, объятия, поцелуи. Еще не садясь за стол, Гога обратился ко всем с приветственной речью, поздравив венесуэльцев с сорокапятилетием, поблагодарил гостей за их внимание к нам, выразившееся в приезде на собрание, напомнил о том, что все мы — дети одного отечества, которое было и будет нашей путеводной звездой до конца дней. Затем он прочитал полученные поздравления, из которых следует отметить присланное из Сан-Франциско от имени объединения и подписанное Игорем Александровичем Козловым. Особенно трогательное — от одного из старейших кадет, болящего Александра Ивановича — Шуры Амочаева. Нью-Йорк нас поздравил устно. За день до сбора звонил по телефону их председатель Глеб Николаевич Сперанский, поздравил и с горечью сообщил, что состояние здоровья ему не позволяет быть с нами, к чему он так стремился. По окончании пребывания нашего в «Пуэрто Азул» он звонил снова и спрашивал, как прошло празднование. Оба вице-председателя нью-йоркцев — С. А. Муравьев и А. Б. Иордан, как и возглавитель вашингтонского отдела А. Б. Боголюбов, поздравили нас лично. Приветственное же письмо объединения Донских институток, подписанное председательницей Н. С. Миклашевской и секретарем Л. В. Овсиевской, было прочитано Гогой.

Затем выступили наши гости — суворовцы из России. Первым говорил 1-й заместитель председателя Суворовско-нахимовского клуба в Москве полковник Н. Н. Сычев, передавший поздравления от председателя Союза суворовских, нахимовских и кадетских объединений генерал-лейтенанта А. Р. Чувакина, как и от клуба в Москве, возглавляемого генерал-майором А. А. Друкаревым, оба оформленные в художественных папках. Н. Н. Сычев закончил свое выступление приглашением для всех кадет и их жен присутствовать на праздновании пятидесятилетия со дня основания суворовских училищ, которое состоится в Москве в конце августа — начале сентября 1993 года. После этого слово взял О. К. Ястремский, приветствовавший нас от имени Суворовско-Нахимовского клуба во Львове, на Украине, старающегося всеми силами сохранить честь русского имени и единство народа, что возможно лишь в том случае, если народ обратится к Богу при посредстве Русской Православной Церкви. К переданному им письменному адресу О. К. Ястремский прибавил и очень ценный дар — большую хрустальную вазу.

Самым красочным было выступление художника Е. А. Карманова.

Он явился в полной форме воспитанника суворовского военного училища, выглядел как юноша, несмотря на седеющую бороду, вытянулся перед И. В. Гняздовским и с рукой у козырька отпартовал слова поздравления. Это было красиво и трогательно.

По окончании церемониальной части все были приглашены к столу, где по почину председателя зазвучали тосты и пожелания как серьезного, так и юмористического характера. Застолье грозило затянуться, но правление клуба «Пуэрто Азул», обязанного отпустить обслуживающий персонал до определенного часа, этому воспротивилось.

Со следующего дня начались пляжные «будни». Питались все вместе и в те же часы, так что была возможность побеседовать с друзьями, обменяться мнениями о современном положении и на мировом, и на кадетском уровне, близко познакомиться и подружиться.

Вечерами, после ужина, собирались, чтобы послушать доклады и обменяться мнениями. В первый вечер хорошо и пространно говорил о положении на Украине Олег Ястремский. Очень жаль, что мы не догадались записать его рассказ на пленку. Олег оптимист. Он считает, что воинственный украинский национализм идет на убыль. Народ начинает понимать, что Украина, обособленная от России, процветать не может, ибо экономика этих стран настолько переплетена, настолько связана между собой, что размежевание может в корне подорвать деятельность целого ряда индустриальных предприятий, что особенно сильно отразится на Украине, которая меньше и слабее России. Националисты во главе с президентом Кравчуком начинают чувствовать падение своего влияния, начинают опасаться за свое будущее. Украинская православная церковь продолжает считать себя частью единой Русской церкви, и когда экзарх Украины митрополит Филарет попытался обособиться и единолично возглавлять православных украинцев, народ от него отвернулся. Сейчас он возглавляет так называемую Украинскую «автокефальную» церковь, которую никто из православных вселенских патриархов не признает. Патриарх московский Алексей запретил Филарету служение, лишил его сана и назначил нового экзарха Украины, которого народ охотно принял. Филарета поддерживает только правительство президента Кравчука, насильственно отбирая приходы у его противников, принуждая священство к подчинению «автокефальной» церкви, к противостоянию русской иерархии.

Н. Н. Сычев говорил о переменах в руководстве Суворовско-Нахимовского клуба Москвы, о том, что клуб получил, наконец, помещение для своей канцелярии, имеет свой адрес. Клуб, выполняя

задание Совета Союза суворовских, нахимовских и кадетских объединений готовится к празднованию пятидесятилетия со дня основания первого училища, сердечно приглашает всех приехать, тем более что уже налажена связь с отелями, транспортом, туристическими бюро. Всем собирающимся приехать необходимо заблаговременно сообщить о своих пожеланиях, чтобы клуб мог обеспечить их должной заботой.

Затем Н. Н. Сычев отвечал на вопросы, главным образом, относительно положения армии и ее роли в текущих событиях. Положение тяжелое. Необходимо вывести из всех стран-сателлитов и из бывших частей Советского Союза, ставших самостоятельными государствами, все русские воинские части, а в России их негде разместить, нечем занять, нет возможности обеспечить будущее демобилизованных. Отсюда инертность армии в отношении происходящего. Солдатам различных национальностей, служившим в армии, дана возможность из нее выйти и разъехаться по своим домам. Сейчас в армию призывают только русских или представителей народностей Российской Федерации.

После докладов большинство участвовавших направилось на крайний северный пункт территории клуба, где стоит маяк, и, расположившись под ним, пели хором русские и сербские песни под аккомпанемент Жоржа Сапегина.

Следующий вечер был посвящен просмотру двух видеокассет. Одной, посвященной 13 Съезду, присланной нам в подарок Сан-Францисским объединением, и второй, отображающей жизнь и первый бал в Донском кадетском корпусе в Новочеркасске. Было трогательно видеть аккуратных и подтянутых кадетиков, старательно выполнявших вместе со своими нарядными дамами только что разученные танцевальные па.

И наконец, заключительный вечер. Художник Е. А. Карманов показал эскиз своей будущей картины-панно, которую он предлагает написать на стене зала Суворовско-Нахимовского клуба размером 5х3 метра. Центр картины — карта России, на ней крупным планом — Георгий Победоносец, разящий копьём дракона. Точками, а может быть и погонями, обозначены все города, где были расположены кадетские корпуса императорской России. Карта распространена и на Югославию, где отмечены три зарубежных корпуса. Обрамление карты составляют — герб империи в середине, а по бокам картинки из жизни кадет с одной стороны и из жизни суворовцев с другой. Художник просил высказать мнение о его плане и дать ему советы, особенно по поводу кадетской жизни, которой он, понятно, не знает. Это было выполнено многими присутствовавшими.

Затем с кратким словом выступил О. К. Ястремский. Он вновь

говорил о тяготах, переживаемых Церковью на Украине, и обратился ко всем присутствовавшим с просьбой сделать все возможное, чтобы зарубежная Русская Церковь с максимальной осторожностью отнеслась к происходящему на родине и воздержалась от любого шага, который привел бы к еще одному расколу или даже к угрозе его.

Потом Б. Е. Плотников, прочитал нам свой доклад, как всегда интересный, документированный и полный характерного для автора юмора. После доклада Дмитрий Брылкин предоставил возможность всем посмеяться, слушая его шутки и анекдоты.

На этом закончилось пребывание в «Пуэрто Азул». На следующее утро все переехали в Каракас.

В субботу, 15 мая, в Св. Николаевском храме был отслужен молебен с поминованием, после которого все направились в отель «Лас Америкас», где состоялся прощальный ужин-банкет. Об этом и о последовавших событиях написал в «Хронике наших дней» наш председатель И. В. Гняздовский. На банкете присутствовал посол Российской Федерации Николай Михайлович Елизаров.

Николай Михайлович поздравил объединение с юбилеем, пожелал нам процветать многие годы и напомнил, что теперь у нас есть свое посольство и свой посол, готовый помочь в нужный момент.

Выступали также О. Ястремский и Н. Сычев. Говорили о кадетстве, о воспитании в стенах корпусов, о любви к родине и о воскресении ее под бело-сине-красным флагом.

Разошлись около полуночи с надеждой, что доживем до пятидесятилетия, которое справим при твердо установленном новом режиме на нашей родине, великой, неделимой Стране Российской.

В. БОДИСКО

СУВОРОВСКО-НАХИМОВСКОЕ 50-ЛЕТИЕ

16 июня текущего года председатель Союза суворовцев и нахимовцев генерал-лейтенант А. Р. Чувакин и заместитель председателя Московского клуба полковник Н. Н. Сычев разослали председателям всех кадетских объединений сердечное приглашение на празднование 50-летия основания суворовских и нахимовских училищ, которое должно было состояться между 31 августа и 7 сентября 1993 г.

Не знаю, как в других объединениях, но у нас в Венесуэле это приглашение вызвало очень большой отклик. Из других объединений к нам приходили слова предостережений. Мол, суворовские училища основывались для подготовки верных слуг большевистского режима, и нам прославлять их полувековой юбилей вовсе незачем. А то, что создавались эти училища «по типу» кадетских корпусов императорской России — это лишь еще одна уступка русскому патриотизму, столь нужному во время войны, такая же, как введение ношения погон в армии, разрешение на установление патриаршества и т. д.

Мы все с предостережениями очень считались. Но, побывав в 1992 году на «Встрече» кадет с суворовцами и нахимовцами, убедились в том, что их ветераны, состоящие в Союзе и клубах, от коммунистической идеологии полностью отошли, что это такие же русские патриоты, как и мы, что они готовятся праздновать свой юбилей не как воспоминание о том, что их обязывали исповедовать, а лишь как память о школах, сделавших их военными, прививших им сознание общности, товарищества, дружбы. Следуя заветам незабвенного Н. В. Козякина, мы считаем, что дружеское общение с суворовцами и нахимовцами нам необходимо хотя бы для того, чтобы иметь возможность передать им наследие наших отцов, сохраняемое десятилетиями отчужденности и недоверия, которое так жадно впитывают сейчас наши друзья суворовцы. Мы считали, что поздравить их с пятидесятилетием основания их училищ было необходимо. Но сказать при этом, что весть об их создании в те далекие годы мы приняли с большой опаской, зная, что училища будут готовить опричников советского режима. Тем радостнее было убедиться, что режим в этом не преуспел.

Поехало нас из Венесуэлы четверо, включая дам — 9 человек. Принимали нас друзья суворовцы как родных. Помимо нас, венесуэльцев, на юбилей приехали еще пятеро: К. Синькевич, П. Величко из Калифорнии, А. Перекрестов из канадского Монреаля, А. Алферов из Аргентины и приписной кадет В. Гранитов из Сан-Франциско. Ю. Ольховский разболелся во Львове. До Москвы он добрался, но на торжествах присутствовать не мог.

Всех нас суворовцы встречали на аэродроме, всех разместили, всем обеспечили транспорт. Нас с женой на аэродроме встретили генерал-майор А. А. Друкарев и полковник Н. Н. Сычев. Причем первый был в форме.

Всем нам и повсюду были обеспечены лучшие места, нас обильно угощали русскими деликатесами, повсюду подчеркивали особое к нам уважение.

Собрания по поводу юбилея начались в среду, 1 сентября. В этот день мы и возглавители суворовцев были приглашены в их клуб,

помещавшийся в здании военной академии. Суворовцам предоставили одну комнату, и они приложили огромные усилия, чтобы ее отремонтировать, украсить, обставить. Этим, видимо, занимался вице-председатель клуба Н. Н. Сычев, и труд его увенчался полным успехом. В верхнем углу икона. Под ней бюст Суворова с наложенной на него Георгиевской широкой лентой. Другой бюст — над креслом председателя. Одна стена заставлена стеллажом, на котором размещены подарки, полученные Суворовским союзом. За ним большой шкаф с книгами, журналами, брошюрами. Там «Военная быль», «Кадетская переключка», наш скромный «Бюллетень» и многое другое. Противоположная стена полностью заклеена картой России и ближайших стран. На ней обозначены флажками в виде погончиков места расположения всех кадетских корпусов и всех суворовских и нахимовских училищ. Даже Югославия попала на эту карту, а в ней отмечены Белая Церковь, Горажде и Сараево. Обращает внимание огромность нашей родины, где на самом востоке отмечено суворовское училище во Владивостоке и кадетский корпус в Хабаровске. А на самом западе — кадетский корпус и суворовское училище в Калининграде, бывшем Кенигсберге, в Восточной Пруссии.

Собрание возглавил председатель Союза генерал-лейтенант А. Р. Чувакин. Он прочитал нам программу празднования и просил по ней высказаться. В программе было сказано, что на построении у памятника Суворову и на торжественном собрании в Московском суворовском училище всем ораторам будет дано лишь по две минуты, чтобы не затягивать собрания.

Стало ясно, что высказывать наши мысли по поводу их 50-летия там не придется и что нужно это сделать сейчас, используя присутствие всех главителей Союза и Московского клуба. Поэтому я взял слово, коротко поздравил их с юбилеем, а потом более подробно остановился на тех чувствах, которые пробудила в нас тогда, еще в Югославии, весть об основании суворовских и нахимовских училищ, — в тех самых тонах, как и в начале этой статьи.

Слушали очень внимательно. Качали одобрительно головами, и лишь на лицах наших кадет видел я легкий испуг и неодобрение. Они, видимо, боялись обидеть наших радушных хозяев. Кончил я выражением радости, что прошлое забыто, что мы можем крепко жать руку суворовцам, объединенным в Союз, и от имени нашего объединения вручил им подарок: все «Бюллетени» нашего объединения, переплетенные в четыре большие и увесистые книги.

В перерыве несколько суворовцев говорили мне, что цель власти была действительно создание своих опричников. Но что все это понимали еще в стенах училища и уже тогда осуждали коммунизм и его практику.

Потом генерал Друкарев говорил о первых шагах по созданию московского кадетского корпуса. Рассказал о том, как выполняется обещание о создании корпуса, данное в прошлом году на «Встрече». Каждый год в корпусе будет прибавляться один класс. Обучаться кадеты будут в государственном училище, но по своей программе. Директором корпуса назначен полковник В. В. Кирсанов, согласившийся взяться за это тяжелое дело после долгих уговоров. А. А. Друкарев почел нужным упомянуть, что на первом собрании родителей будущих кадет был поставлен вопрос о преподавании Закона Божия и что родители единодушно это предложение одобрили. В первый кадетский класс принято 27 мальчиков. Корпус будет носить имя Великого князя Димитрия Донского. Разрабатывается рисунок вензеля. На построении у памятника Суворову в пятницу, 3 сентября, уже будут первые кадетики, еще не обученные строю, но уже в форме, с алыми погонами с белым кантом, пока еще без трафарета. В обмундировании кадет в последние дни появились большие материальные трудности, которые полностью разрешил щедрый дар кадета Всеволода Сигова, приехавшего в Москву из Парижа и вручившего чек на 1000 долларов. Приехавшие другие кадеты тоже внесли свою лепту в благое дело.

Нам, заграничникам, были подарены очень красивые значки, отштампованные к полувековому юбилею. А. Перекрестов сказал несколько прочувствованных слов о православии как об основе возрождения государства Российского. Официальное собрание закончилось дружеским ужином.

Наш Ж. Волков успел съездить в Воронеж еще до начала празднования. Воронежские суворовцы записали его в свой клуб на правах действительного члена. Вернулся он оттуда энтузиастом возрождения Воронежского Михайловского (по имени Вел. кн. Михаила Павловича, младшего брата императоров Александра и Николая Первых) кадетского корпуса: эту цель поставили перед собой тамошние суворовцы. Город Воронеж был разрушен немцами. Солидных зданий почти не осталось, школы и училища ютятся в случайных помещениях. Но все это не кажется помехой людям, готовым на любые жертвы для возрождения корпуса. Они уже обмундировали группу юношей и возили их на Бородинское поле в прошлом году для участия в юбилее великой битвы. Большую помощь им оказывает полковник Г. М. Лёшин, уже не живущий в Воронеже, но близко к сердцу принимающий все заботы этого города.

Понятно, что без моральной и материальной поддержки Министерства обороны будущее корпуса окажется под вопросом. Именно поэтому в четверг, 2 сентября, мы были приняты генерал-

лейтенантом С. М. Пшеничниковым, возглавляющим ведомство военных училищ Министерства обороны, и его помощником по отделу суворовских училищ — полковником В. Н. Бондаренко. Генерал, бывший воспитанник суворовского училища и член Союза суворовцев, встретил нас весьма любезно и предоставил мне слово, вероятно как старшему из нашей группы. Я сказал приблизительно то, что написал в своей статье «Кадеты», прочитанной на собрании в прошлом году и напечатанной в «Бюллетене».

Начал со значения кадетских корпусов как первой ступени создания кадров русской армии, о необходимости военного воспитания с детских лет, о том, что современные суворовские училища с их трехлетним курсом обучения вряд ли могут полностью справиться с этим заданием, ибо им приходится не только воспитывать своих учеников, но и во многом их перевоспитывать, так как 15-16-летие юноши приносят с собой в училище уже сложившиеся воззрения и навыки. Мы, старые кадеты, отнюдь не против суворовских училищ, но полагаем, что они нуждаются в коренной реорганизации и, прежде всего, в установлении общей для них идеологии, которая должна полностью заменить все то, что внедрялось в умы и души юношей в течение многих десятилетий советской власти. Кадетские корпуса, принимающие в свои стены мальчиков, еще не испорченных средой и политическими влияниями, могут справиться с этой задачей легче и успешнее.

Затем я напомнил, что Воронежский корпус с давних лет, еще до создания Донского, Владикавказского, Одесского и других южных корпусов, воспитывал кадет со всего необъятного юга нашей родины и что влияние его не ограничивалось только Воронежской губернией, а распространялось и на другие края, включая и Кавказ. Сейчас город Воронеж, ставший почти пограничным, заслуживает особого внимания и поддержки, о чем мы ходатайствуем перед Министерством обороны.

Жорж Волков добавил к сказанному мною, что он, побывав в Воронеже, может свидетельствовать о единодушном желании горожан и прежде всего военных, возродить кадетский корпус. Суворовцы-воронежцы уже связались с близлежащими краями и районами и всюду нашли поддержку идее основания корпуса. Жорж от имени воронежского клуба, жителей города, с которыми встречался, и от своего лично просил удовлетворить настоятельную просьбу всех воронежцев.

Генерал Пшеничников ответил, что все нами сказанное ему близко и дорого, но что кадетские корпуса возрождаются всюду по частной инициативе и все просят помощи и поддержки. Возможности же Министерства обороны весьма ограничены.

Сославшись на неотложные дела, генерал покинул собрание, оставив нас со своим заместителем полковником Бондаренко.

Коротко и сжато полковник ответил на наши вопросы. Сейчас разрабатывается общее положение для всех военно-учебных заведений, которое пресечет разброд в этом деле. Военное ведомство уже организовало два корпуса. Один в Петербурге, в здании бывшего Михайловского артиллерийского училища, названный Ракетно-артиллерийским кадетским корпусом. Другой, общевойскового характера, в городе Калининграде. Предполагается переименование всех суворовских и нахимовских училищ в кадетские корпуса или училища. Кадетские корпуса обязательно должны иметь интернаты для всех кадет. Те из них, которые разрешают кадетам жить по своим домам и лишь приходить на занятия, будут переименованы в военные лицеи. Полковник не согласился с нами лишь по вопросу продления курса обучения. Он полагает, что трехлетнее обучение вполне достаточно. Для выяснения этого вопроса был проведен опрос воспитанников во всех существующих суворовских училищах. Более 70 процентов опрошенных сказали, что трехлетний курс вполне достаточен, даже может быть сокращен до двух лет. Полковник, правда, признал, что теперешние воспитанники большей частью предполагают после выхода из училищ избрать другую профессию. На повторный вопрос об идеологии полковник ответил, что они отнеслись со всем вниманием к этому вопросу и что для выработки общей идеологии создана комиссия с привлечением ученых-историков, которая внесет свои предложения авторитетным властям.

На этом беседа была закончена.

В тот же день после обеда состоялось собрание в помещении Суворовского клуба представителей (в большинстве председателей) суворовских и нахимовских клубов, прибывших из всех городов нашей родины. Сначала генерал Чувакин представил им нас, зарубежных кадет, а потом все они вставали, называли свой город или область и свое имя. Поначалу их было 25 человек, но потом число это заметно увеличилось, так как во время собрания подходили все новые и новые его участники. После короткого приветствия председателя слово было предоставлено провинциалам.

Первым говорил полковник, одетый в форму, приехавший с самого запада страны, из Калининграда. Он хорошо и подробно говорил о создании и начале деятельности кадетского корпуса. Говорил, что это будет настоящий корпус, что кадеты будут жить в интернате и покидать стены корпуса лишь по получении разрешения на отпуск. Воспитателями привлечены офицеры русской армии, а преподавателями — профессора и лекторы университетов. Кадеты имеют два вида форменной одежды: повседневную и парадную, с воз-

можным приближением к старым кадетским образцам. В корпусе уже числится более 120 кадет, и он будет носить имя Св. Вел. кн. Александра Невского, победителя тевтонских рыцарей. Общественность того края единодушно отозвалась на идею основания корпуса. Министерство обороны Российской Федерации тоже обещало свою моральную и материальную поддержку, так что ближайшее будущее корпуса обеспечено. Спокойный, уверенный тон полковника произвел на всех очень хорошее впечатление и надежду на то, что новое начинание находится в должных руках.

Затем слово взял председатель суворовского клуба города Минска и всех суворовцев страны Белоруссии полковник Дмитрий Иванович Исаченко. По его словам, Суворовский союз плохо справляется со своей ролью объединителя всех воспитанников училищ: нет общих идей, мало связи, все клубы работают как Бог на душу положит. Необходимо об этом дружно поговорить, найти общие вехи, вести работу в одном направлении.

Еще более горячо на эту тему говорил председатель клуба из Ижевска. Оратор открыто говорил, что суворовские клубы разобщены, что у них нет идей и идеалов, за которые нужно бороться, что необходимо использовать приезд представителей всех клубов, чтобы обсудить все вопросы, найти всем общие идеи и потом им неукоснительно следовать.

Мне показалось, что эти выступления явились чем-то неожиданным для возглавителей Союза и что они, договариваясь между собой, спешно искали выхода из создавшегося положения, наконец генерал Чувакин сказал, что за недостатком времени выступления нужно прекратить, что возглавители Союза отдадут себе полный отчет в значимости и неотложности поднятых вопросов. Что для детального обсуждения будет отведено время от 12 часов дня до 5 часов вечера 4 сентября, после чего состоится торжественное собрание в здании Московского суворовского училища. Пока же всем надо перейти в большой зал военной академии на концерт.

Главная роль в программе концерта, несомненно, отводилась музыкантам того училища, которое в прошлом году сопутствовало нам в поездке на корабле в Санкт-Петербург. Многих знакомых лиц уже не было. На смену пришли новые юноши, но оркестр играл великолепно. Выступали певцы, танцоры, было несколько акробатических номеров.

Коронным номером было выступление нескольких музыкантов с секретарем Суворовского Союза В. Н. Ковыркиным. Сначала музыканты запели старую солдатскую песню «Солдатушки, браво, ребяташки, где же ваши...». И тут рифмуются «матки — палатки», «отцы — полководцы», «братцы — ранцы», «сестры — пикси-сабли

востры». Когда дошли до тещ, В. Н. Ковыркин остановил пение и прочел свои собственные стихи, после чего начал запевать, а хор подхватывать. Так дошли и до дедов, где запевала снова остановил хор и снова читал стихи, в которых речь шла о Крыме, о черноморском флоте, о Севастополе. Вникнуть в содержание было невозможно, но мне показалось, что там сказана вся правда о современном положении России, та правда, которую все мы разделяем, но о которой суворовцы опасаются говорить, видимо, «страха ради иудейска».

Закончился концерт выступлением профессионального артиста, премьеры московской оперетты — г-на Васильева, знакомого нам по прошлому году.

Потом все спустились в нижний зал, где были приготовлены два буфета. Было многолюдно, шумно, весело. Ко мне подходили разные люди, задавали вопросы, советовались. Запомнился некто, заговоривший со мной о писателе Дорба, написавшем о Донском корпусе, а потом и обо всей эмиграции. Я сказал, что Дорба пасквилянт, что он использовал сведения, полученные, несомненно, от какого-то донского кадета, но переиначил их в нужном советскому строю смысле. Что встречаться с ним я никак не хочу. А если бы случайно и встретился, то не подал бы ему руки. И уверен, что два донских кадета, присутствовавших на праздновании, — А. Н. Алферов и Д. М. Брылкин сделали бы то же самое, а будь они помоложе, то и поколотили бы этого «писателя».

Обстановка была самая непринужденная. Были даже танцы под аккомпанемент гармонии или аккордеона.

3 сентября по программе — утром посещение военного музея, после этого — парадное построение перед памятником Суворову.

Справа от памятника, на широкой площадке стояли кадетики. Они были в синих мундирчиках с красными погонами, аксельбантами на правом плече и в синих беретах с трехцветным флажком на правой стороне. Смотреть на них было очень приятно, и невольно мы вспоминали себя в том же возрасте, при поступлении в корпус. Мальчики только что встали в строй и, понятно, ни поворотов, ни движения производить еще не могли. За строем стоял их директор, в такого же цвета форме, в берете, тоже с аксельбантами. Он имел чин полковника, но на его погонах не было звездочек, видимо, для того, чтобы имитировать форму старой армии.

Немного отвлекусь. Как уже писалось выше, в России имеются уже действующие и множество открывающихся корпусов. Большинство из них являются следствием частной инициативы и существуют на общественные деньги. Все стараются обмундировать

кадет, но материальные возможности в каждом случае различны, каждый корпус одет по-разному. Нам кажется, что пора внести порядок в эту «самодеятельность». То же относится и к офицерским чинам педагогического персонала.

Когда Г. В. Писарев, директор Донского корпуса «перевел» свое офицерское звание русской современной армии на дореволюционный язык — есаул, это правильно. А нужно или нет — это другой вопрос. Когда же штатских лиц или сержантов (по старому унтер-офицеров) называют подпоручиками и дают им офицерскую кокарду, это, на наш взгляд, излишне и дает повод для подтрунивания со стороны офицеров действительной службы. Чины нужно заслужить.

Парад принимал генерал Пшеничников, а рядом с ним стояли генералы Чувакин и Друкарев.

Суворовцы-ветераны были построены вне площадки памятника, лицом к нему. Кто-то был в форме, но большая часть в штатском. Генералы подошли к краю площадки и остановились. Оркестр сыграл гимн. Суворовцы, человек 300—400, разделенные на отделения по 16 человек, прошли строем, отдавая честь генералам. Это было стройно и отчетливо, но, на мой взгляд, бездушно. Даже мы, старики, делаем это лучше. Одеваемся мы, по возможности, одинаково, у нас есть вынос знамени, молитва, поминовение, «Песнь Дворянского полка», гимн «Боже царя храни» — торжественный, величавый, несравненно лучший, чем играемый сейчас, тоже очень красивый, но нам непривычный, на музыку Глинки, у которого нет даже всем известных слов. В прошлом году на нашем построении в пансионате многие плакали. В этом году у памятника Суворову не плакал никто.

В Московское суворовское училище нас доставил Александр Николаевич Горбачев. К сожалению, суворовцев-ветеранов там собралось относительно мало и добрую половину зала занимали суворовцы-ученики. Военного построения в училище не было и все прямо направились в зал. На сцене разместился президиум, возглавляемый генералом Пшеничниковым. Кроме него в состав президиума вошли начальник училища генерал-майор Корнилов, руководители Союза — генералы Чувакин и Друкарев, полковник Бондаренко, начальник офицерских курсов «Выстрел» полковник Криворучко и я.

Собрание открыл генерал Пшеничников, поздравивший суворовцев с юбилеем. Потом говорили генерал Чувакин, воспитанник училища полковник Криворучко. Когда слово было предоставлено мне, причем было сказано, что я не только старейший, но и председатель трех кадетских съездов, включая последний, я поздравил суворовцев с их полувековым юбилеем, выразил надежду на то, что последуют еще

многие юбилеи и что у суворовцев, которых уже больше 90 тысяч окончило училища со дня их основания, зародится такое же товарищество-братство, как то, что храним мы, кадеты, рассеянные по всему миру, в течение трех четвертей века. Наш девиз — «Рассеяны, но не расторгнуты», нужен сейчас и суворовцам, разбросанным по огромным пространствам шестой части планеты. Генерал Пшеничников немедленно откликнулся на мои слова, сказав, что они принимают наш девиз на вооружение.

Перед открытием собрания всем нам пришлось встать, ибо ученики вынесли знамя училища на сцену, за нашими спинами. Увы, это все то же красное знамя с золотыми надписями и огромной золотой звездой посередине. Ни портупей, ни ножен я у них не видел. На мой взгляд, выглядело это бутафорией. Хотелось сказать полковнику Бондаренко или генералу Пшеничникову, что еще до выработки и принятия «Положения о военных училищах» следовало бы заменить красные знамена на трехцветные, упразднить в Петербурге названия морских училищ «имени Держинского» и «имени Фрунзе», уничтожить в помещениях училищ статуи этих «деятелей», как и статуи матроса Железняка и Чапаева, и водрузить на их месте монументы Нахимова, Ушакова, Синявина и других прославленных флотоводцев. Мне жаль, что на это времени у меня не хватило.

После собрания в том же зале состоялся концерт. По окончании концерта нас пригласили на ужин, блестяще организованный начальником Московского училища и его помощниками.

На этом торжества полувекового юбилея суворовских и нахимовских училищ кончились.

Остается перейти к своим впечатлениям. Нас «венесуэльцев» было четверо. У нас ни там, ни тут не было еще возможности поделиться своими наблюдениями. Поэтому говорю только от своего имени.

Россия сделала большой шаг вперед, но она все еще на перепутье. Радио и телевидение вещают сейчас, когда я пишу эти строки, о новых событиях, о роспуске совета-парламента, о действиях Ельцина, Хазбулатова, Руцкого. Во что это выльется — один Бог знает.

Мне вполне понятно, что на перепутье находятся и наши друзья суворовцы и нахимовцы. Они не скрывают, что почти все состояли в коммунистической партии. Но все они утверждают, что это было следствием необходимости, а не желания или убеждений. Легко нам, из далекого зарубежья, желать и требовать, чтобы вся Россия немедленно отказалась от своего социалистического прошлого. Это нужно переболеть, к этому легче прийти людям культурным и интеллигентным, особенно тем, кто ничем не обязан коммунистическому строю. Твердо уверен, что суворовцы, создавшие свой Союз, эту идею разделяют.

Нам ли отвернуться от них? Нам ли забыть заветы дорогого Николая Козякина, призывавшего к сотрудничеству? Многие, а среди них и моя жена, побывавшие в России уже не раз, отмечают, что наши встречи, разговоры, поведение уже что-то сделали в отношении оздоровления суворовцев от коммунизма. Пусть немного, но и это малое нам удалось спасти от забвения, от молчания могил. Нам бояться нечего. Мы пронесли свои заветы через все эмигрантские годы. Может ли общение с суворовцами их хоть немного поколебать? Надо не знать, что такое кадетский дух, нужно перестать верить в наши принципы, чтобы в этом сомневаться. Наше дело правое и бояться общения с инакомыслящими нам не приходится.

Суворовский союз еще в детском возрасте. Они боятся среды, в которой живут, боятся открыто говорить о своих убеждениях. Мне кажется, мы должны им помочь в этом, должны настоять на том, что свои мысли необходимо не только высказывать, но за них и бороться. Они называют себя кадетами, и мы обязаны научить их вести себя по-кадетски. Если не мы, то кто? Если не сейчас, то — когда?!

КОНСТАНТИН СИНЬКЕВИЧ

НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА В ДОНСКОМ КОРПУСЕ

Готовясь к поездке в Москву в конце августа 1993 г. для открытия московского издания журнала «Согласие», редактируемого мной и выходящего под девизом «За Веру, Царя и Отечество», я получил предложение от правления представлять Сан-Францисское объединение еще на 50-летию суворовских училищ, поскольку выяснилось, что групповая поездка не состоится.

Прибыв в Москву, я немедленно вошел в контакт с суворовцами. Выяснилось, что меня встречали в аэропорту Шереметьево суворовцы, но до них не дошло известие о том, что я летел самолетом компании «Дельта». Евгений Исаков, Борис Суздальцев, Александр Горбачев и другие ждали моего прибытия Аэрофлотом.

Я пробыл в Москве несколько дней, занимаясь делами «Согласия», поскольку празднование 50-летия было назначено после новочеркасского торжества, а потом с помощью все тех же Жени Исакова,

Бориса Суздальцева, Саши Горбачева и Димы Медведева отправился в Новочеркасск.

В Новочеркасске меня встретил есаул Миронов — заместитель директора корпуса, и еще один офицер. Тут же был и А. Алферов, старый донец, прибывший ранее меня. Нас устроили на ночь в доме одного из офицеров-воспитателей, накормив предварительно отличным ужином.

В Москве было холодно, и я должен был носить свитер. Но в Новочеркасске его пришлось снять, так как несмотря на сравнительно небольшое расстояние (от Москвы до Новочеркасска 1000 км), на Дону гораздо теплее.

Вообще впечатление от того немногого, что мне удалось увидеть на Дону, самое положительное. Начать с того, что еще из самолета были видны аккуратные участки земли, возделанные и засаженные, в противоположность российским просторам, где полностью заброшенные огромные пространства чередовались с расположенными вкось и вкривь земельными участками, избыточными чересполосицей, с которой так настойчиво боролся еще Столыпин.

На следующий день состоялось начало учебного года, открытое молебном в знаменитом Новочеркасском соборе — вторым по своим размерам в России. Мы, то есть прибывшие «иностранные гости», пришли несколько раньше, чтобы увидеть, как идут к собору кадеты, казаки, народ. «Мы» — это Ольга Николаевна Куликовская, прибывшая на торжество из Канады; В. В. Гранитов, П. Величко, А. Алферов и я.

Кадеты, одетые в парадную форму, подходили к собору строем, под марш, исполнявшийся военным оркестром. В церкви они стояли не шевелясь, держа фуражки на согнутой в локте левой руке.

Молебен был совершен архиепископом Владимиром Ростовским и Новочеркасским. В соборе, несмотря на громадные размеры, было почти тесно. Казаки дружно собрались, чтобы присутствовать на таком знаменательном событии, как начало учебного года в родном казачьем корпусе, превратив событие, таким образом, в народное торжество. Народу было вероятно не менее двух-трех тысяч.

После молебна на просторной площади перед собором, где находится памятник Ермаку и недавно открытый памятник атаману Платову, состоялась торжественная часть и парад. Кадеты были построены в две шеренги, а начальство и почетные гости стали перед ними шагах в сорока, лицом к собору. Был установлен микрофон, которым воспользовался заместитель директора есаул Миронов, представивший по очереди всех гостей. После этого первое слово он предоставил Ольге Николаевне. Она прочитала патриотическое обращение покойного Тихона Николаевича, после чего сказала доволь-

но пространную речь, в которой подчеркнула историческую роль казачества в России. Закончив речь, она вручила есаулу Миронову икону Божней Матери Донской, вделанную в рамку с искусно выполненным кадетом-донцом Алексеем Берендсом (43-й вып.) узором по дереву. Корпусу также была передана фанфара с прапором.

Далее слово было предоставлено старому донцу, последнему атаману выпуска А. Алферову, который кратко, но громко и бодро приветствовал кадет с началом учебного года, пожелал им успехов в учении.

После Алферова краткое слово сказал старейший кадет Донского корпуса (г. рождения 1906), полковник Волошинов, явившийся на праздник в полной парадной форме.

После полковника слово взял генерал Каледин — атаман Войска Донского (кажется, родственник атамана А. М. Каледина). И наконец, Верховный атаман всех казачьих войск генерал-майор Ратиев выступил с приветствием, сообщив, что передает от казаков для корпуса 12 миллионов рублей.

Далее выступали другие лица, среди них законоучитель корпуса о. Анатолий и войсковой старшина Карасев. Затем были выданы наградные грамоты есаулу Писареву (в его отсутствие принял есаул Миронов) и бравому есаулу Миронову. Затем произошло торжественное вручение корпусу знамени. Два молодых офицера-воспитателя под звуки Донского гимна, с шашками подвись, приблизились к генералу Ратиеву, который передал знамя есаулу Миронову. Шашки вложили в ножны. Есаул Миронов в свою очередь вручил его знаменщику, стоявшему между двумя офицерами-ассистентами. После этого знамя, снова с шашками подвись, пронесли перед строем кадет и установили на правом фланге. Все офицеры держали руки под козырек. Это был торжественный и красивый момент!

Последним актом явилось производство полковника Черкашина в генералы; новые погоны генерал Ратиев передал Ольге Николаевне Куликовской, которая и вручила их полковнику, а теперь уже генералу Черкашину.

На этом официальная часть закончилась и все отправились на обед. После обеда в зале Политехнического института состоялся концерт, почти целиком состоявший из выступлений молодых кадет. Вечером в огромном зале был бал, очень похожий на бал, заснятый в прошлом году А. Ермаковым: тот же полонез, те же девочки-гимназисточки в белых платьях и те же славные ребята кадеты, теперь «постаревшие» на год. Я слышал среди казаков разговоры о том, что у них уже очень серьезно поговаривают об открытии Марнинского Донского института. «Пришла пора», — говорили они.

Родители сидели или стояли у стен, в перерывах между танцами молодежь налегала на всякие напитки и пирожные, а взрослые, собираясь кучками, обсуждали события дня. Я разыскал своего «крестника», он подвел меня к своим родителям, с которыми я и познакомился. Меня они усиленно приглашали вечером на ужин, но поскольку на вечер был назначен банкет, я не мог отлучиться. На банкете присутствовало высшее начальство и гости, человек 30-35, но кадет уже не было. Во время банкета, среди других тостов и речей, мне также удалось передать всем от лица нашего Объединения привет, поздравление и лучшие пожелания успеха и благополучия.

По окончании официальной части, поужинав и выпив скромно, но достаточно, хозяева собрались в кружок возле аккордеониста, который затягивал одну песню за другой. Начали с «Марш вперед, голубые уланы» и «В 93-м году», а продолжили славными казачьими песнями, из которых мне лично не все были знакомы. Аккордеонист оказался талантливым запевалой и подголоском, чем вносил в песню тот неповторимый колорит, которым так славятся казачьи народные песни.

На следующий день перед началом занятий в коридоре корпуса состоялся краткий молебен. Нам предложили посетить классы, что мы и сделали. Мне достался старший класс — мальчиков по 14-15 лет. Чисто и аккуратно одетые в свои формы, спокойные и полные достоинства, кадеты производят самое приятное впечатление. Я почти ничего не говорил о себе, предложив им рассказать мне о своей жизни. После минутного колебания заговорил сначала один, потом другой и вскоре завязалась непринужденная беседа. Незаметно пролетело минут 20, после чего подали автобус, который должен был повезти всех «иностранцев» и трех сопровождавших нас хозяев в Ростов.

До Ростова автомобилем всего около 40 минут езды. В городе мы осмотрели собор и площадь, потом снова сели в автобус и отправились к мосту через широкий Дон. Там шли работы по постройке второго моста, параллельного первому, видно для того, чтобы облегчить движение. На правом, возвышенном берегу находился ресторан, где нас уже ждал обед. Мы сели за длинный стол, установленный у громадных окон с видом на реку.

Вечером вернулись в Новочеркасск. Меня пригласил к себе на ужин и ночлег инспектор классов хорунжий Олег Сергеевич Нельзин с супругой. Приглашены были также полковник Волошин и brave хорунжий Николай Леонидович Новиков, офицер-воспитатель, бывший одним из ассистентов при знамени на параде.

Утром пришлось вставать рано, так как надо было успеть на самолет, отлетающий в Москву в 8 часов утра. О. С. Нельзин с супругой показали себя исключительно любезными хозяевами; Олег Сергеевич проводил меня до аэродрома и помог с формальностями.

ВСТРЕЧА В САНТА РОЗЕ

16—19 сентября 1993 г.

Несколько лет тому назад при кадетском объединении в Сан-Франциско было создано «Общество друзей кадетского объединения». Кто дружил с кадетами или имел родственников кадет в прошлом или настоящем, кто посещал кадетские балы, встречи или другие начинания и так или иначе считал кадет своими друзьями, тот мог стать членом этой организации. Главным же условием являлось желание поддержать объединение морально и материально. Делая это, член «Общества» получал одновременно возможность общаться с близкими по духу людьми, участвовать в таких мероприятиях, как просмотр интересных видеолент, встречи и знакомства с гостями объединения, приезжающими из России, как «Чашка чая» и т. д.

Поэтому в этот раз хотелось бы поделиться с читателями нашими впечатлениями. Говорю «нашими», потому что я находился во время «Встречи» среди друзей объединения, и эта заметка является результатом совместных бесед и обмена мнений. Может быть, в заметке будут некоторые ошибки, прошу прощения, но пишу, как чувствую.

«Кадетская встреча» устраивалась в этом году с 16 по 19 сентября и, как сказал председатель, оказалась четвертой по счету и самой многочисленной. К «Встрече» организаторы готовились давно. Это было видно, так как все прошло с большим успехом и надлежащим подъемом. Большое вам спасибо.

За несколько недель до «Встречи» всем была разослана программа «Встречи» с сообщением об ожидающемся прибытии гостей из России, а также кадет из других объединений. Благодаря этому «Встреча», конечно, приобрела особое значение. Всем стало ясно, что она устраивается не только с развлекательной целью, но также и для собеседования на идеологические темы. Так и оказалось. И это заслуга организаторов: в продолжение трех дней «полезное» совмещалось с «приятным» и все было проведено отлично.

Во время «Встречи» мы узнали, что в России прошли торжества по случаю 50-летия основания суворовских военных училищ.

В своем сообщении К. Ф. Синькевич рассказал о торжествах в Москве, где также открылся первый класс Московского кадетского корпуса, и о празднествах в Новочеркасске. Сообщение К. Ф. Синькевича, всего лишь за несколько дней до этого вернувшегося из России, было по программе первым из ряда других выступлений. И несмотря

на то, что оно состоялось в первые часы «Встречи», привлекло довольно большое число слушателей.

Вечером того же дня в главном зале произошло официальное открытие «Встречи» и знакомство с приехавшими из России гостями. После молитвы, в своем вступительном слове председатель объединения, он же ответственный руководитель «Встречи», И. А. Козлов приветствовал всех присутствующих и отметил целый ряд происходящих в России событий: открытие учебного года в кадетских корпусах в Новочеркасске и в Москве; открытие памятника атаману Платову; перезахоронение останков трех донских атаманов, чьи тела в смутные годы последнего 75-летия были потревожены, изъяты и подвергнуты насмешкам и оскорблениям; намечающееся открытие кадетских корпусов в других городах России; водружение монументальной картины «Александр Невский во главе своего победоносного воинства» с надписью — «Пришедшие к нам с мечом от меча и погибнут» (это вместо портрета Ленина на главной лестнице при входе в Георгиевский зал в Кремле!). Все это свидетельствует о постепенном, но уже вполне ощутимом процессе возрождения России. Все возвращается на свои места, и мы, кадеты, говорил Козлов, гордимся тем, что призваны принять в этом возрождении посильное участие.

Хочется прибавить, что и мы, друзья кадетского объединения, вместе с кадетами радуемся этим событиям, понимая, что и на всех нас возлагается обязанность стремиться к поддержке патриотических сил в деле возрождения России.

Председатель далее говорил о самоотверженном начинании Сан-Францисского объединения — организации операции сыну директора Новочеркасского Донского корпуса есаула Писарева, мальчику Алеше. Он поблагодарил всех, принимавших участие в помощи, как в Сан-Франциско, так и в Лос-Анджелесе, где фактически была произведена операция, и особо отметил роль кадета Михаила Скворцова и его супруги Нины Николаевны, заботившихся о больном мальчике и его отце Г. В. Писареве.

После этого председатель представил жившего одно время в Москве, находившегося там по делам от американской фирмы, кадета Вадима Мозгового с супругой Мэрили (Marylee), много потрудившихся для укрепления связей кадет зарубежью с суворовцами и нахимовцами в России, и вручил ему специальную грамоту.

Были также представлены есаул Г. В. Писарев, директор возрожденного в Новочеркасске кадетского корпуса и подполковник В. Т. Лобода — председатель Суворовского союза в Санкт-Петербурге. Оба докладчика подробно и толково рассказали о своей работе на

родине и призвали всех нас поддержать возрождение кадетских корпусов.

Позже в тот же вечер мы перешли в «Зал отдыха», как это делали и в каждый последующий вечер, где песни и музыка продолжались далеко полночь. «Первую скрипку» играл на гитаре и аккомпанировал первоклассный гитарист, гость из Канады кадет Жорж Сапегин, а вторил ему наш собственный гитарист К. Синькевич. Хочется также отметить работу дам, которые «безропотно», но очень дельно занялись приготовлением закусок для участников.

На следующий день многие гости и друзья отправились на винодельный завод. В это же время происходило закрытое заседание кадет, на которое нас не пригласили...

После обеда, под руководством Н. Н. Протопопова состоялось заседание «Круглого стола», где говорилось о том, что именно можно сделать для создания учебных заведений в России. Тема очень интересная, но требующая дальнейшего рассмотрения. Одного собрания недостаточно, чтобы обсудить все вопросы. Необходимо будет просить Н. Н. Протопопова продолжить эти собеседования.

Вечером в главном зале состоялось выступление приехавшего из Москвы председателя Суворовского союза генерал-майора А. А. Друкарева. Интересный и подробный доклад о работе Союза в деле создания в Москве кадетского корпуса произвел на всех присутствующих прекрасное впечатление. Председатель И. Козлов сказал, что при Объединении создана специальная комиссия «Помощи воссозданию кадетских корпусов в России». Прекрасное дело! Необходимо призвать всех кадет зарубежья, их друзей и всех русских патриотов жертвовать в созданный при комиссии Фонд. Давайте внесем наш дар, кто сколько может. Давайте не будем жертвовать отдельно в Россию из различных зарубежных городов и стран, а общими усилиями пусть потечет наша помощь по одному руслу на это прекрасное патриотическое дело!

В субботу утром сделал интересное сообщение о своем посещении России кадет Георгий Мельников. Хочется также отметить, что в свободное время нас радовал видеолентами неутомимый Алексей Ермаков. Как всегда, он вкладывает всю душу в общее патриотическое дело. Спасибо ему за это!

С 12 часов дня в субботу начался «пикник». Обильная и вкусная еда. Уютно расставленные столы в саду отеля. Было так приятно, весело и занятно, что засиделись почти до вечера.

А вечером в главном зале состоялось выступление общего любимца Миши Скворцова, которого буквально не отпускали со сцены. Но всему есть предел. И Миша, окруженный благодарными слушателями, в конце концов переключался в нашу вечернюю «команту отдыха».

Кафедральный Собор Пресветой Богородицы "Всех Скорбящих Радосте" в Сан Франциско, в котором покоятся мощи Св. Иоанна.

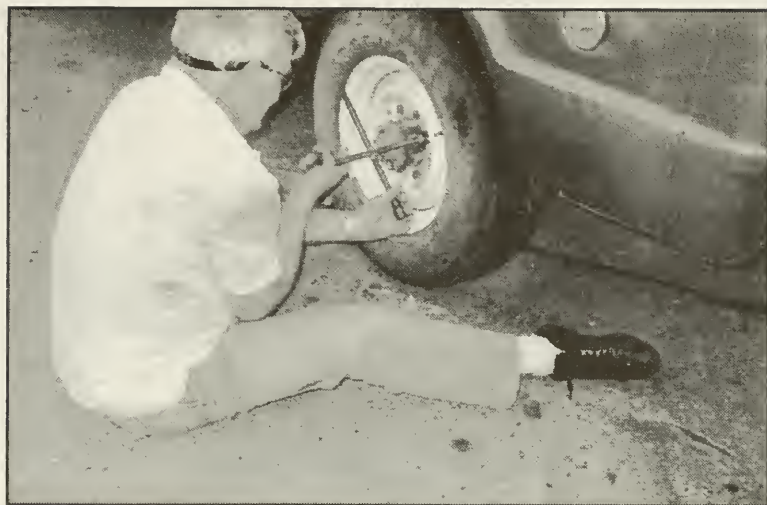
Крестный ход вокруг квартала с ракой с мощами Св. Иоанна.

В. Н. Бутков с супругой перед иконой Донской Божией Матери, подаренной Русскому посольству в Вашингтоне 6 июня 1993г.

В.Н. Бутков представляет А. Б. Боголюбова русскому послу В.П. Лукину.

Каракас. Неудачное начало поездки в Порто Азул. Ю.
Ольховский меняет шину.

Суворовы в гостях у В.В. Болиско в Марокай.

Полквник Н. Сычев, вице-председатель Московского Суворовского союза в Порто Азул.

Посол Российской Федерации Н. М. Елизаров, суворовец, выступает на кадетском банкете в Каракасе.

Суворов Е. Карманов в форме СВУ на банкете в Порто Азул с председателем Венесуэльского Объединения Г. Гняздовским и Н. А. Ольховской.

На "Встрече" в Санта Розе, в саду, выступает председатель Московского Суворовского Союза Г.-м. А. А. Друкарев.

“Застолье” в гостеприимной семье Н. и А. Шереметовых.

“Застолье” Сан Францисского объединения в Доме Ветеранов.

Кадеты Моковского Вел. кн. Димитрия Донского Кадетского корпуса.

Кадеты Донского Императора Александра III на параде в Новочеркаске.

Кадеты-выпускники Сибирского корпуса в Новосибирске.

Кадеты Воронежского Вел.-кн. Михаила Павловича Кадетского корпуса.

До следующего года!

Еще раз большое спасибо всем устроителям, много потрудившимся для организации этой встречи, помнить которую мы все будем очень долго.

Один из друзей Сан-Францисского объединения

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ПОСЕЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛОМ ВРАНГЕЛЕМ САРАЕВА В 1922 ГОДУ

Русский кадетский корпус в Сараеве был военным учебным заведением, и с первого же дня своего существования (июнь 1920 г.) был в подчинении ген. П. Н. Врангеля — главнокомандующего Русской армией в Крыму. Директор корпуса ген. Б. В. Адамович и весь персонал состоял из военных, числившихся на службе в русской армии.

До 19 апреля 1922 г., пока существовала в Белграде Русская военная миссия, корпус находился в ее ведении. А к началу ноября 1922 г. должен был перейти в ведение министерства просвещения Королевства СХС. В связи с этим корпус, который, согласно русским программам, имел всего 7 классов, должен был перейти на 8-летнее обучение. Только кадеты, окончившие 8 классов, могли получить аттестаты зрелости, дававшие право продолжать обучение в университетах Королевства СХС и других стран.

В связи с этими переменами и, возможно, другими еще делами ген. П. Н. Врангель решил 22 сентября 1922 г. посетить Сараево.

Формально ген. П. Н. Врангель оставался главнокомандующим до сентября 1924 г., когда он преобразовал Русскую армию в РОВС — Русский обще-воинский союз.

Все эти годы армия постепенно переходила на «трудовое положение». В Сараеве было немало военных, устроившихся на разные работы, и главнокомандующий решил встретиться со своими соратниками.

На Дальнем Востоке Приморская область все еще была в руках белых и все еще было сопротивление красным в Монголии, Хиве и

Бухаре. Восстания против большевиков вспыхивали в разных концах России. Все это вселяло надежды, что в недалеком будущем предстоит поход и освобождение России от большевизма.

После посещения кадетского корпуса состоялась встреча главнокомандующего с проживавшими в Сараеве офицерами и их семьями в помещении Русской колонии. Помещение находилось недалеко от католической кафедральной церкви, куда прибыла и наша школа с детским садом.

Мне в то время было три с половиной года и, как самому младшему, было поручено сказать короткое приветственное слово и передать главнокомандующему букет цветов. Я должен был сказать: «Вот тебе, дядя, цветы от русских детей!»

В первый раз я должен был публично выступить, и не где-нибудь и не перед кем-нибудь, а перед Главным командующим! Сколько раз я слышал это слово, но выговорить его не мог. Я только знал, что он — самый главный. Он начальник и нашей главной учительницы, и моего отца, и всех русских вообще.

Я тогда не понимал, какая мне оказана честь.

Я покорно повторял слова приветствия, когда учительница говорила мне: «Слава, скажи». Мой ответ ее успокаивал, но только на какое-то время. Помолчав немного, она мне снова говорила: «Слава, скажи!» — и я снова повторял твердо заученные слова приветствия.

Наконец открылась дверь и вошел Главкомандующий. Он был очень высокий. Таких высоких людей я еще не встречал, и сразу понял, что если бы он не был таким большим, то и не был бы Главкомандующим.

Была дана команда: «Господа офицеры!» — и кто-то подошел с рапортом. Главкомандующий пожал ему руку и пошел прямо на меня. Я стоял впереди детей с букетом и ждал, чтобы он подошел ближе. Я ему сказал заученные слова и протянул букет.

И тут произошло что-то неожиданное. Главкомандующий, этот самый высокий человек, взял меня на руки и поднял под самый потолок.

Я посмотрел на всех собравшихся с высоты птичьего полета. Я видел украшенные флагами стены, я видел строй господ офицеров с одной стороны и дам с другой стороны, и свиту Главкомандующего, задержавшуюся у входа. Помещение Русской колонии показалось мне огромным залом, а момент — вечностью. Больше я ничего не запомнил. Но отец потом рассказывал, как ген. П. Н. Врангель обратился к собравшимся с короткой речью, со всеми поздоровался и немного поговорил. Моего отца он сразу узнал и вспомнил его службу в штабе верховного главнокомандующего в Севастополе. А мой отец сказал, что встречавший его мальчик с цветами был его сыном.

Спустя много лет, будучи уже учеником старших классов гимназии, я не устоял перед искушением взглянуть на помещение, где когда-то была Русская колония. Набравшись храбрости, я открыл дверь и растерянно остановился. Помещение оказалось совсем не таким большим, как оно мне запомнилось. Вдоль стен стояли столы и шкафы какой-то частной фирмы. Ко мне подошла барышня и спросила меня, по какому делу я пришел. Я ей сказал, что когда мне было три с половиной года, здесь находилась Русская колония, я был в этом помещении среди встречавших генерала Врангеля. Сейчас мне просто захотелось взглянуть на это место.

Барышня улыбнулась и, видя мое смущение, просила не стесняться и оставила меня наедине с моими воспоминаниями.

Я еще раз вспомнил, что здесь произошло, попрощался и ушел, унося с собой самое яркое воспоминание моего детства.

ВЛАДИМИР БОДИСКО

ПЕРУАНЦЫ

Пребывание воинов Русской армии генерала Врангеля в лагерях Галлиполи и на острове Лемнос кончилось в декабре 1921 года, когда воины начали переселяться в славянские страны: Королевство Сербов, Хорватов и Словенов, ставшее позднее Югославией, и в Болгарию. Отношение к русским в этих двух странах было различным. Сербы, главенствовавшие в новом королевстве, были весьма расположены к русским, так много сделавшим для спасения маленькой Сербии от австро-венгерского удава, пытавшегося ее поглотить. Болгары же, если в душе и таили признательность России за свое освобождение от Турции, не могли, однако, забыть того, что русские были их противниками в минувшей войне.

Общим для этих стран было то, что обе вышли из войны с катастрофическим состоянием экономики. Сербия, победительница, оказалась фактически опустошенной многолетней оккупацией австро-венграми. Ей нужны были годы, чтобы полностью оправиться за счет контрибуций, получаемых от побежденных. Болгарии, побежденной, нужны были годы и годы, чтобы выплатить эти контрибуции. Обонм народам жилось туго. Что же говорить о пришельцах?

Генерал Врангель и его последователи делали все возможное, чтобы сохранить армию, даже в состоянии распыленности. Были части, которые меняли оружие на кирки и лопаты и становились на работу, сохраняя дисциплину, чинопочитание, веру в то, что это временно, что

Скоро засвищут снаряды и пули,
в битву пойдут офицеры...

Этим особенно отличались казацкие части. Гвардейский дивизион кубанских казаков, наследник Дивизиона конвоя Его Величества, целиком, со всеми офицерами, штандартом и оркестром, начал работать на сахарном заводе в местечке Белишче, около городка Белый Монастырь. Многие казаки женились на сербках, обзавелись семьями, домами, имуществом, но сохранили свое единение, и при формировании Русского Корпуса в дни Второй мировой войны явились в казармы в строю, при шашках, со своим хором трубачей.

Большая группа кубанцев работала на постройке дороги Кральево-Рашка, а потом осела в Кральево, где проживал и кубанский атаман, генерал-лейтенант В. Г. Науменко, выбранный на этот пост еще в России. Вспоминаю, как в день Покрова Пресвятой Богородицы, этого казацкого праздника, кубанцы заполняли самый большой зал городка Кральево, причем многие были в формах. Атаман открывал празднование, запевая кубанский военный гимн «Ты Кубань, ты наша родина», который все присутствовавшие дружно подхватывали.

Позднее значительная группа казаков работала на постройке насыпи-дамбы для защиты от наводнений Панчевского рита, огромной территории на левом берегу Дуная. Тогда каждый казак имел свою лошадь и телегу-арбу, вмещающую точно два кубических метра земли, что очень облегчало расчет. Думаю, не ошибаюсь, вспоминая, что главным подрядчиком на этих работах, выступавшим от имени казаков, был доблестный генерал Э. Н. Зборовский.

Но все это было много позже. А кормиться и существовать было необходимо с самого первого дня, и казакам, естественно, пришла в голову мысль о том, что они несравненные наездники, джигиты, что это искусство в новом Королевстве еще не известно, что им можно не только прокормиться, но и хорошо заработать. Сказано — сделано, и вот по всему простору страны начали разъезжать группы джигитов, устраивая свои спектакли. Среди казаков нашелся и предприниматель — генерал-майор Павличенко, который раздобыл нужный капитал, купил подходящих коней, собрал лучших джигитов и возглавил большую группу в самый короткий срок.

Джигиты переезжали из города в город, не гнушались и большими селами. Для домашнего скарба было несколько телег, в которые впрягались те же верховые лошади. Прибыв на очередное место, они

находили где-нибудь за городом пустое поле. На нем с двух сторон натягивали веревки, прикрепленные к кольям, с таким расчетом, чтобы между ними оставался широкий проход, достаточный для проезда в ряд шести-семи лошадей. Веревки отмечали места для публики. Ни стульев, ни скамеек не было, публика смотрела спектакль стоя или сидя прямо на земле. Посередине устанавливалась большая повозка-платформа, а на ней несколько скамеек. Это была «почетная ложа». Там, в середине, сидел сам генерал Павличенко, а вокруг — почетные гости-зрители. Чтобы оповестить жителей о готовящемся спектакле, джигиты, возглавляемые генералом, одетые в парадные формы, черкески, башлыки, с кинжалами и шашками проезжали по главным улицам города, причем местный глашатай кричал, что казаки покажут чудеса верховой езды.

На дороге из города ставился столик, и публика платила «за вход». Несколько казаков следили, чтобы никто не пролез на спектакль «зайцем». В те далекие времена не было ни мегафонов, ни магнитофонных записей с музыкой, спектакль проходил в молчании, слышались только вскрики джигитов и одобрительный гомон публики. Начиналось действие с проезда джигитов в парадных формах.

Генерал Павличенко, доехав до центральной платформы, спешил и занимал свое место в первом ряду. Казаки снимали черкески и оружие, оставались в рубахах, шароварах и ноговицах — мягких кожаных чулках, заменявших сапоги.

Первым номером — рубили шашками пучки лозы, установленные на известном расстоянии один от другого. Рубили глиняные подбоя вражеских фигур, кололи пиками тряпичные манекены. Затем начиналась «джигитовка»: перепрыгивание в галопе с одной стороны лошади на другую, «ножницы» над седлом, пролезание под брюхом скачущей лошади, поднимание с земли платочков, бросаемых присутствовавшими дамами. Потом переходили к целым сценкам: скачущий казак падает с лошади, будто он убит или ранен; подлетает к нему другой, укладывает коня рядом, грузит на него раненого и на карьере увозит с поля боя. Два казака на скаку играют в карты или пьют водку и ссорятся, причем один сидит на шее лошади, а другой — на ее крупе. Устраивали и пирамиды, где один казак стоял на плечах у двух других, скачущих рядом. Была пирамида и из семи казаков, причем тот, что стоял на плечах у двоих, на третьем «этаже», держался за пику. Посмотреть этот спектакль очень стоило.

Первоначально группа состояла из настоящих казаков-кубанцев, джигитов. Но время брало свое, терялась эластичность мускулов, пропадал интерес к кочевому образу жизни, многие женились и оставались в городах и селах, где жили жены. И тогда в группу джигитов генерала Павличенко влились гимнасты из среды кадет.

Был конец двадцатых годов. Уже города и веси Югославии успели повидать джигитовку, уже публики на эти спектакли собиралось все меньше и меньше, дела шли все хуже и хуже. И в это время генерал Павличенко получил возможность повести переговоры с правительством республики Перу о переселении туда большой группы казаков для освоения ненаселенных территорий. В кругах эмиграции тогда говорилось, что казаки едут, чтобы «сесть на землю». Разговоров было много. Были люди, утверждавшие, что генерал Павличенко на этом деле хорошо зарабатывает. Но были и такие, которые не сомневались в чистоте его побуждений.

Нетрудно себе представить, с каким энтузиазмом молодежь ухватилась за такую возможность: за океан, в Южную Америку, в тропики, где круглый год лето, в Перу, о котором кое-кто слышал, что там была империя индейцев инков. Но не только молодежь увлеклась этой идеей и приняла в ней участие. Можно упомянуть полковника Леонида Павловича Овсиевского, тогда еще сравнительно молодого, и полковника фон Мекка: его вдова до сих пор живет в столице Перу — Лиме.

Уехали. Разговоры временно прекратились, пока не начали доходить до Белграда письма из далекого Перу. Первые сведения были тревожные. Тогда в Белграде выходил юмористический журнал «Бух». В нем появились заметки о том, что ехали казаки, чтобы «сесть на землю», а оказалось, что сидеть пришлось на колючих кактусах. Была в этом и некоторая примесь злорадства. Потом появились и возвращенцы. Одним из первых был полковник Л. П. Овсиевский, вернувшийся в Бечкерек. На рудник Бор вернулся и первый из кадет, Алексей Свидин. Но и вернувшиеся очень мало говорили о том, что им пришлось пережить в Перу. Отвезли, дескать, в девственный лесистый район, показали землю, которую нужно обрабатывать, но ни жилья, ни сельскохозяйственных машин не было. Понятно, начался «драп» под лозунгом «Спасайся кто может!». Полковник Овсиевский в Германии, в лагере «дипи», говорил, что у него в Перу имеется земельный участок, но ехать туда не собирался, а ждал очереди на переселение в Штаты.

В Югославию вестей о неудавшихся перуанцах почти не доходило. Был среди них кадет-крымец Аджемов, голкипер в корпусной футбольной команде, отличный гимнаст и совершенно бесстрашный человек. Это он по громоотводу лез на крышу корпуса и на высоте третьего этажа, пытаясь перебраться из одного окна в другое, повис на оконной раме, в которой не было стекол. В команде джигитов он стал одним из лучших. Говорили, что он добрался до Голливуда, где якобы заменял знаменитых артистов там, где им по сценарию полагалось

проделывать головокружные трюки на лошадях в ковбойских фильмах. Говорили, что там он и погиб.

Потом, очень быстро, память об уехавших в Перу поросла травой забвения. Каково же было мое удивление, когда на первом танцевальном вечере, устроенном новоприбывшими эмигрантами русской национальности в Венесуэле, я увидел импозантную фигуру в смокинге и лакированных башмаках — моего бывшего одноклассника, эмигрировавшего, как я знал, в Перу. Мы были еще в скромных пиджаках, так что смокинг — «Персюка», как его прозывали в корпусе, произвел должное впечатление. Я подошел к нему на правах старого товарища. Но он встретил меня крайне недружелюбно, сделал вид, что мы незнакомы. На этом наши отношения и кончились. Куда он делся, что было с ним впоследствии, не знаю, но с горизонта русской Венесуэлы он исчез.

А года через три постучался еще один мой одноклассник-перуанец Александр Черноусов. Скромный, страшно застенчивый, он в дом войги отказался, говорил со мной при входе. Оказалось, что он электромонтер и ищет работу. Кто-то ему сказал, что я в дружеских отношениях с техническим директором табачной фабрики. Он просил меня его на эту фабрику устроить. Технический директор, русский из Харбина, на мою просьбу немедленно отозвался, и Шура Черноусов начал работать. Я старался узнать, где он живет, старался затащить его к себе, используя и авторитет директора, но все тщетно. Потом мой зять Иван Иванович — Вава Казнаков, служивший на той же фабрике в роли помощника главного инженера, говорил мне, что Шура крайне опростился, избегает разговоров и встреч и хочет только, чтобы оставили его в покое. Видимо, тут сказалась старая сентенция генерала Драгомирова: «Род занятий определяет склад понятий и порядок взаимоотношений». Так я его больше и не видел. Потом он перевелся в Каракас, служил на другой табачной фабрике и там умер. О кончине его никто мне не сообщил, и я не знаю, где и кем он похоронен.

В семидесятых годах мне несколько раз довелось побывать в Бразилии, в Сан-Пауло. Там я неукоснительно бывал в доме Л. Н. и А. С. Политанских. С Шурой меня связывает старая дружба, завязавшаяся еще в Турции, где мы мальчишками состояли в скаутских отрядах, он в лагере Селимье, я на острове Халки. В корпус мы поступили одновременно и одновременно же его кончили в 1930 году, проведя всю кадетскую жизнь в одном классе и одном отделении. Понятно, что я пользовался любым случаем, чтобы побывать в их радушном доме, повидать столь любимых друзей. В один из приездов я застал у них нашего общего товарища Колю Хартулари, который с группой генерала Павличенко уехал в Перу, а потом каким-то образом

добрался до Бразилии, где, обладая приятным тенором, пел с оркестром в русском ресторане. Но мне не удалось расспросить его подробней о его эпопее. Потом он заболел, и Шура, верный товарищ, знавший Колю еще по Феодосийскому интернату в Крыму, сделал все возможное, чтобы облегчить его участь. Старые кадеты-крымцы охотно отозвались на его призыв материально помочь старшему (генералу) восьмого выпуска 1928 года. Увы, это длилось всего месяц, Коля скончался на руках, или почти на руках у Шуры.

Последним «перуанцем», которого мне удалось повидать, был донец Николай Гуцаленко. Он с полным правом называется «перуанцем», ибо из Перу не выезжал, всю жизнь провел в этой стране, перуанский подданный, отец и дед перуанского семейства, и все же кадет в полном смысле этого слова. Когда начался исход павличенковцев, он остался в Перу, начал работать на какой-то гасиенде вакери (ковбоем), вскоре стал капоралем, то есть начальником группы вакерос. Здравый ум, культура брали свое. И, подкупив деньжат, Коля обзавелся собственной гасиендой, скотом, женился на местной, пошли дети. Гасиенд стало две или три, поголовье скота множилось в геометрической прогрессии, Коля превращался в зажиточного перуанца. Потом, когда годы дали о себе знать, Коля распрощался с сельским хозяйством, переселился в городок Арекипу, где и живет теперь, окруженный многочисленным потомством, пользуясь почетом и уважением сограждан.

Русских в Перу всегда было немного, даже по прибытии туда послевоенной эмиграции. Все же они сумели построить на одной из больших улиц маленькую церковь, являющуюся теперь одной из достопримечательностей Лимы. Там служил священник нашей заграничной церковной юрисдикции, а архиепископ Леонтий, проживавший в Сантьяго, Чили, именовался Чилийским и Перуанским. Потом и эта группа рассосалась. Дольше других задержалась там семья Никитиных, возглавляемая кадетом-моряком, а потом крымцем. Его вдова Эля, урожденная Лопухина, бывшая институтка, и по сей час живет там уже как мать, теща и бабушка перуанцев.

В последнем письме Коля сообщал, что был в Лиме на свадьбе своей внучки, побывал в церкви, но из русских видел лишь вдову полковника фон Мекк, глубокую старушку. Церковь сейчас в ведении греческого посольства, служит в ней священник серб.

Из своего экзотического окружения Коля Гуцаленко выбрался в Венесуэлу на наш 13-й Съезд, побывав при этом и у своего брата, священника о. Сергия, настоятеля русской церкви в Валенсии. До сих пор во всех письмах Коли звучит радость от встречи с друзьями, возможности вспомнить русский язык, снова думать по-русски.

На этом кончился еще один этап жизни русской эмиграции в Перу.

Было там много и нашей братии — кадет, мечтавших о новой жизни в новой стране, но оказавшихся у разбитого корыта. Что стало с генералом Павличенко — Бог весть. Но думается мне, что его бывшие подопечные если и вспоминали его, то в чисто кадетских выражениях.

А. КАРПОВ

О ПАМЯТНИКЕ НА КАДЕТСКОМ УЧАСТКЕ КЛАДБИЩА В НОВО-ДИВЕЕВЕ

Наши ряды редуют. Хотелось бы оставить после себя что-то более долговечное, чем человеческая жизнь. Так появилась мысль о постройке памятника в Ново-Дивееве на участке, где хоронят кадет, членов Нью-Йоркского объединения. В 1984 году правление Объединения заказало проект памятника архитектору Григорию Самойлову, профессору Белградского университета, когда-то окончившему Донской имп. Александра III кадетский корпус. Почти одновременно правление назначило комиссию по постройке памятника, в которую вошли: покойный Николай Козякин, Сергей Муравьев и Александр Карпов. После смерти Козякина его место занял Николай Боголюбов.

Самойлов прислал два варианта. Один, представляющий собой крест с крыльями по бокам — вертикальными полуцилиндрами, показался подходящим. Однако нельзя было найти подрядчика, который согласился бы построить памятник по этому проекту за деньги, выделенные правлением Объединения.

Прошло довольно много времени, пока Комиссия по постройке памятника убедилась в невозможности осуществления проекта архитектора Самойлова. Новых проектов в комиссию не поступало.

В 1992 году Александр Карпов внес предложение — построить в Ново-Дивееве такой же памятник, как на кладбище в Белой Церкви в Югославии, по проекту инженеров А. К. Карпова и В. Т. Соболевского. Предложение было принято. В этот проект были внесены следующие изменения: упразднен склеп под памятником, монумент возведен на пьедестал, состоящий из двух ступенек. Железобетон, из которого сделан памятник в Белой Церкви, заменен полированным гранитом, привезенным из Индии. Изменена в пропорции к стенке

памятника величина барабана, поддерживающего купол, величина купола и креста. Заново спроектирован железобетонный фундамент.

Нужно отметить, что все участвовавшие в постройке, работали с полной отдачей: Сергей Муравьев, председатель Комиссии по постройке памятника, своими руками сделал и смонтировал барабан, купол и крест, сэкономив несколько тысяч долларов. Шрифт, которым сделана надпись на лицевой стороне памятника, — целиком идея Николая Боголюбова. Текст надписи — результат работы почти всех членов правления и членов редакционной комиссии «Переклички», включая Петра Муравьева.

Очень помог своим сотрудничеством с нами господин Роджерс из фирмы, устанавливающей памятники на кладбище Ново-Дивеево, Spring Valley Monument. Он безропотно делал изменения, которые были необходимы в процессе постройки. Нельзя забыть и работяг в «далекой Индии, стране чудес»: своим дешевым трудом по добыче и

отделке гранита они помогли нам уместиться в ассигновку и построить памятник.

Надпись на памятнике гласит:

КАДЕТАМ

на поле брани живот свой положивших, в смуте убиенных, в мире
скончавшихся, и славному прошлому Российских Кадетских
Корпусов, взрастивших поколения верных сынов исторической

России,

посвящают

рассеянные по свету, но не расторгнутые

КАДЕТЫ

1994

Российские Кадетские Корпуса:

Морской Насл. Цес. Алексея Николаевича

2-й Имп. Петра Великого

Первый Имп. Анны Иоанновны

1-й Московский Имп. Екатерины II

Пажеский Его Имп. Величества

1-й Сибирский Имп. Александра I

Оренбургский Неплюевский

Нижегородский графа Аракчеева

Полоцкий

Петровский Полтавский

Орловский Бахтина;

Воронежский Вел. Кн. Михаила Павловича

2-й Московский Имп. Николая I

Владимирский Киевский

3-й Московский Имп. Александра II

Вольский

Ярославский

2-й Оренбургский

Псковский

Тифлисский Вел. Кн. Михаила Николаевича

Николаевский

Александровский

Симбирский

Донской Имп. Александра III

Суворовский

Одесский Вел. Кн. Константина Константиновича

Сумской

Хабаровский графа Муравьева-Амурского

*Владикавказский
Ташкентский Насл. Цес. Алексея Николаевича
Иркутский
Крымский
Первый Русский Вел. Кн. Константина Константиновича
Русский Имп. Николая II*

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Ю. АМОСОВ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВЛАДЫКИ АНТОНИЯ (ЖЕНЕВСКОГО)

2 октября 1993 года скончался в Женеве владыка Антоний (Бартошевич), архиепископ Женевский и Западноевропейский, первый заместитель первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей.

В последнее время владыка Антоний тяжело болел, что очень отражалось на его деятельности, которая многие годы была очень интенсивной: он неустанно объезжал свою обширную епархию, посе-

шал другие приходы в Германии, Австрии, Бельгии, Франции, Люксембурге, Италии, проводил постоянные беседы с молодежью, возглавлял со времени основания около четверти века тому назад братство «Православное дело», оказывавшее огромную духовную и материальную помощь верующим в СССР, а в последнее время — в Российской Федерации и других республиках СНГ. Был владыка Антоний не только духовным руководителем этого братства. Он писал проповеди и послания, бесчисленное множество которых пересылалось в Советский Союз.

Родился Андрей Георгиевич Бартошевич в 1910 году и после революции был вывезен родителями в Югославию, где в 1931 году закончил Русско-Сербскую мужскую гимназию в Белграде, после чего поступил на богословский факультет Белградского университета. Закончил его, принял монашеский постриг с именем Антоний. Принял монашеский постриг и его брат Лев, нареченный Леонтием и ставший впоследствии архиепископом Женевским. На этой кафедре архиепископ Леонтий оставался до своей смерти в 1957 году. Большое влияние на братьев Бартошевичей оказал первоиерарх Русской Православной Церкви Зараницей митрополит Антоний (Храповицкий), так что мы вряд ли ошибемся, сказав, что именно благодаря митрополиту Антонию оба брата приняли монашеский постриг, хотя в Белграде считалось, что это вполне совпадало с желанием их матери.

В 1941 году иеромонах Антоний стал законоучителем в первом Русском вел. кн. Константина Константиновича кадетском корпусе в Белой Церкви (провинция Банат, на границе с Румынией). Преподавателем Закона Божия в кадетском корпусе о. Антоний оставался до окончания учебного года в мае 1944 г., когда корпус фактически прекратил свое существование. Учебный год 1944-1945-й, который должен был начаться в сентябре, не состоялся. Фронт приближался, и приехавших в Белую Церковь кадет эвакуировали вместе с директором ген. Поповым и частью преподавателей в Германию.

О. Антоний оставался в Белграде и после занятия Югославии титовскими коммунистами.

В 1945 году иеромонах Антоний был возведен в сан архимандрита, а в 1949 году он уехал к брату епископу Леонтию в Швейцарию и был вскоре назначен настоятелем в Лионе, а затем — в Брюсселе, где под его руководством было закончено строительство храма-памятника. В 1957 году, после смерти архиепископа Леонтия, архимандрит Антоний был хиротонисан во епископа и назначен на Женевскую кафедру. Хиротонию совершил 21 апреля 1957 года в Женевском храме многочисленный сонм архипастырей Западной Европы во главе с

преосвященным архиепископом Иоанном (Максимовичем), бывшим епископом Шанхайским, открытие мощей которого состоялось 12 октября 1993 г. в Сан-Франциско, так что в ближайшее время состоится его прославление.

Был владыка Антоний (Бартошевич) не просто пастырем добрым. В кадетском корпусе в Белой Церкви он не только преподавал Закон Божий, но душевно вникал в нужды кадет, постоянно беседовал с отдельными из них или с группами, вел иконописный кружок, разъясняя ученикам смысл православной иконописи, значение православных икон, рассказывал подолгу истории их написания. И кадеты всех классов любили своего батюшку, с глубоким уважением относились к его проповедям, охотно шли к нему на исповедь. О. Антоний служил проникновенно, и богослужения (обязательные в кадетском корпусе вечерни и обедни) по субботам и воскресеньям и по всем церковным праздникам не были утомительными, хотя кадеты должны были стоять все богослужения в строю.

Свою пастырскую деятельность продолжал владыка Антоний до самой своей смерти, и из получаемых из Европы писем, а также по свидетельству владыки Павла, бывшего архиепископа Сиднейского и Австралийско-Новозеландского, который хорошо знал владыку Антония в бытность свою епископом Штутгартским, владыку Антония любили все духовенство и миряне Западноевропейской епархии РПЦЗ и глубоко уважали иерархи других православных церквей, инославные и гражданские власти стран, в которых служил владыка Антоний.

О степени такой любви свидетельствует, в частности, то, что духовенство и миряне Западноевропейской епархии не хотели расставаться с владыкой Антонием и настоятельно просили Синод не назначать его на Сиднейскую и Австралийско-Новозеландскую кафедру, когда она освободилась после смерти архиепископа Саввы. Эти просьбы были столь многочисленны и настойчивы, что Синод и владыка митрополит не смогли не посчитаться с желаниями верующих в Западной Европе.

С уходом ко Господу владыки Антония Русская Православная Церковь потеряла мудрого, высокообразованного архиерея, твердо стоявшего за чистоту православия, глубоко понимавшего суть и значение Церкви, ту роль, которую Русская Православная Церковь За границей играла и играет в истории России.

Журнал «Церковное слово»

БОРИС КАЗИМИРОВИЧ ГАНУСОВСКИЙ

5 ноября 1993 г. в г. Сант-Пауль, шт. Миннесота, скончался кадет VII выпуска (1926/27г.) Крымского кадетского корпуса Борис Ганусовский — 1908 г. рождения.

Революция застала Бориса в Петрограде, где он учился в гимназии. Младшая сестра училась в институте, а две старшие были на фронте в качестве сестер милосердия. Отец Бориса, инженер путей сообщения, умер в 1915 г. Мать служила.

С ранних лет Борис Казимирович получил прекрасное воспитание на основе православно-патриотических взглядов в семье. Самым большим ударом для него было, когда в гимназической церкви он увидел иконы с выколотыми глазами. «Я им этого никогда не прощу», — сказал тогда 11-летний Борис.

Революция заставила семью покинуть северную столицу. Взяв направление на юг, после многих тягот и испытаний они достигли Севастополя. В пути, оказавшись в Одессе, Борис поступил в Одесский кадетский корпус и с корпусом отступал в мороз, по снегу и льду. Позже оказался в Румынии, перенес тиф. Однажды получил приглашение к румынской королеве, которая угостила его чаем. На вопросы отвечал по-французски.

Из Ялты, уже в составе новообразованного Крымского корпуса, Борис попал в Югославию, где окончил 7 классов корпуса в 1926 году. Переехав в Белград и сдав необходимые экзамены, поступил в универ-

ситет, зарабатывая на жизнь работой шофера. Принимал деятельное участие в сатирико-юмористическом журнале «Бух», являясь его издателем. Редактором был его друг и товарищ Николай Февр, художником — Николай Тищенко, все кадеты-крымцы.

Вскоре Борис стал представителем фирмы по продаже автомобилей, и материально и морально жизнь его казалась благополучной и обеспеченной. Однако с началом 2-й мировой войны Борис, повинаясь, как и многие русские патриоты, стремлению послужить родине, продолжив Белое дело в рядах многочисленных военных образований, поступил в 15-й Казачий корпус, в котором уже находилось немало бывших красноармейцев. Этим людям при всяком удобном случае Борис раскрывал преступную сущность большевизма и коммунистической системы, опровергая искаженные коммунистами факты и события Русской истории. В результате в корпусе стали происходить как единичные, так и групповые крестины молодых воннов в православную веру.

В мае 1945 года Борис в числе сотен офицеров Корпуса был выдан союзниками на расправу Сталину и следующие 10 лет провел в советских концлагерях. Все свои переживания и наблюдения он талантливо описал в книге «10 лет за "железным занавесом"», которую выпустил уже будучи в Соединенных Штатах, в 1983 году. В результате лагерных переживаний Борис потерял зрение, которое по выходе из лагеря и прибытии в Австрию врачи восстановили только на 30 процентов, и только в одном глазу.

Многие кадеты помнят, как на нашем 9-м Съезде в Нью-Йорке Борис подписывал свою книгу кадетам, стоявшим толпой у столика, за которым он сидел, и покупавшим тогда же личные экземпляры только что вышедшего его труда в издании «Глобус».

После этого Борису с супругой Наташей удалось побывать только на 12-м Съезде в Сан-Франциско, когда он уже был совершенно слепым... Это была его последняя встреча с немногими оставшимися в живых товарищами. Через три года его не стало.

Борис мужественно переносил все тяготы и страдания в лагере и после, потеряв полностью зрение, веря, что на все воля Божия. Большим утешением и помощью была ему его верная и любящая супруга Наташа.

В юбилейном 1988 году тысячелетия Крещения Руси чета Ганусовских получила от архиерейского синода Русской Православной Церкви за рубежом «Благословенную грамоту» за свою церковно-патриотическую деятельность.

До последних дней Борис оставался верным другом своей кадетской семьи и никогда не забывал своих однокашников. Регулярно получал «Бюллетень» и другие кадетские издания и всегда поздра-

влял каждого с праздниками и благодарил, что однокашники его не забывают.

Вечная память и вечный покой славному сыну Родины-России, славному однокашнику, крымцу Борису Ганусовскому!

Супруге-вдове Наташе выражаем наше сердечное, глубокое соболезнование.

Константин Силькевич

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ ДУБИНА

28 ноября 1993 года в предместье Буэнос-Айреса (Аргентина) скоропостижно скончался хорунжий Николай Кузьмич Дубина.

Покойный родился 19 апреля 1922 года в г. Врнячка-Баня (Югославия), в семье войскового старшины (впоследствии полковника) Кубанского казачьего войска, ст. Динской, и донской казачки из известного рода Богаевских. Начальное образование получил в русском интернате в гор. Пановичи-Храстовец, а среднее — в Первом русском Вел. князя Константина Константиновича кадетском корпусе (с 1-го по 7-й классы) и в Русско-сербской мужской гимназии в Белграде (7-й и 8-й классы). В кадетском корпусе был кандидатом на «мраморную доску» и на производство в вице-фельдфебели; гимназию же окончил с средним баллом «отлично».

В октябре 1940 года был принят в югославское военное училище («Войну академию») Королевства Югославии. При поступлении, по отметкам в аттестате зрелости, оказался вторым по рангу из общего числа в несколько сот юнкеров. К сожалению, окончить училище ему не пришлось — в апреле 1941 года Германия начала войну с Югославией. После капитуляции последней юнкеров увезли в Германию и распределили по лагерям для военнопленных. Будучи еще до окончания войны освобожден из плена, Николай был отправлен на работу в г. Инсбрук, где, работая с одним русским инженером, изучил специальность, которая помогла ему после войны твердо стать на ноги.

Затем он снова возвращается на военную службу: оканчивает немецкие офицерские курсы для артиллеристов в г. Юденбург и в чине лейтенанта командирует в 7-ю конную Кубанскую батарею XV казачьего кавалерийского корпуса генерала фон Паннвица, с переименованием в хорунжие по Кубанскому казачьему войску. Получил ранение и, находясь на излечении, узнал, что его отец, командуя сотней в 1-м казачьем полку Русского Корпуса, ранен в апрельских боях 1945 года и эвакуирован; начал его поиски по лазаретам Германии. Найдя отца, он фактически спас его от выдачи Советам — взял из лазарета, можно сказать, в последний момент и отправился с ним в с. Тигринг, куда к тому времени подошли интернированные англичанами части и подразделения Русского Корпуса.

Из Тигринга, где его зачислили в списки чинов Корпуса, вскоре всех перевезли в Келлерберг, в основанный там «Белый русский лагерь». Здесь он был назначен на службу личной охраны командира Корпуса и начальника лагеря полковника Рогожина. В этом лагере он познакомился с внучкой выданного Советам кубанского казака, полковника Задохлина, Наталией Александровной, и в ноябре 1946 года состоялось их бракосочетание. А в ноябре 1948 года он с семьей жены выехал на жительство в Аргентину, где и родилась его дочь Анна.

Обосновавшись в Буэнос-Айресе, не зная языка, стал работать в качестве подмастерья. Но довольно скоро устроился на работу по приобретенной в Австрии специальности — кондиционирование воздуха — и постепенно настолько постиг это дело, что создал свое собственное предприятие («Item»), ставшее конкурентоспособным по отношению к другим предприятиям этого же профиля.

Но, достигнув материального благополучия, Николай Кузьмич не ушел в быт. Он продолжал свою общественную деятельность, которую начал еще в 1949 году, став одним из основателей Союза св. благ. Вел. князя Александра Невского, отдела Союза чинов Русского Корпуса в Аргентине, а затем членом правления и, наконец, председателем ревизионной комиссии. На этой должности и застала его смерть.

Кроме того, будучи воспитанным в лучших традициях российского офицерства, хорунжий Дубина был прикомандирован (приказом № 98 от 31 августа 1972 г.), а затем и переведен (приказом № 117 от 15 апреля 1976 г.) в Дивизион С. Е. В. Конвоя. А после ухода в лучший мир руководителей местного отдела Русского общевойскового союза в августе 1988 года стал представителем РОВСа в Аргентине.

Наделенный незаурядным умом и здравым смыслом, обладая неутомимой энергией, покойный был весьма ценным и полезным участником и инициатором многих национально-патриотических, благотворительных и культурно-просветительных начинаний в русской колонии Буэнос-Айреса.

Ему было поручено также и представительство Образовательного фонда имени И. В. Кулаева.

Кроме того в течение целого ряда лет он посвящал себя преподаванию в церковно-приходской школе. Не говоря уже о том, сколько времени, сил, труда и средств покойный отдал на поддержание Корпусного дома, в котором чины Русского Корпуса приютили своих престарелых соратников, членов их семей и вообще русских людей.

Кипучая деятельность и бесконечные проблемы, связанные с ведением дела в стране с неустойчивой экономикой, надломил здоровье Николая Кузьмича. После двух сложных операций на сердце он ликвидировал свое дело и вышел на пенсию.

Но недолго пришлось ему наслаждаться спокойной жизнью и заниматься с любимыми внуками — Господь призвал к Себе верного раба Своего, воина Николая, послав ему мирную и безболезненную кончину.

Наталии Александровне и Анне Николаевне с семьей выражаем самое искреннее сочувствие в постигшей их тяжелой, невозместимой утрате. В наших же сердцах останется о нем добрая и вечная память.

22 декабря 1993 г. в Голливуде, Калифорния, скончался кадет Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса, выпуска 1917 г., участник Белого движения поручик *Георгий Николаевич Зюзин*, 93 лет. Похоронен 30 декабря на голливудском кладбище. Родственникам покойного выражаем искреннее соболезнование.

19 октября 1993 г. в Аргентине скончался кадет Донского императора Александра III кадетского корпуса, 43-го выпуска *Виктор Петрович Шкурко*.

29 января 1994 г. в Окдэйле (Калифорния) скончался член Сан-Францисского объединения, кадет Крымского и Первого Русского ВККК корпуса, выпуска 1934 г., *Константин Александрович Шереметов*. Вдове Валентине Петровне, дочерям и всем родственникам выражаем глубокое соболезнование.

15 февраля 1994 г. в Монтерее (Калифорния) скончался член Сан-Францисского объединения, кадет 2 Московского и Крымского кадетских корпусов, выпуска 1926 г., Георгиевский кавалер *Борис Арсеньевич Павлов*. Похоронен на местном кладбище. Вдове Татьяне Александровне и всей семье выражаем глубокое соболезнование.

15 февраля 1994 г. в Сан-Франциско скончался кадет I Сибирского императора Александра I кадетского корпуса *Евгений Александрович Храпов*.

СПИСОК ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Во вновь образованный
«Фонд работы в России»
при журнале «Кадетская переписка»:

В. Ермаков — 300 дол.
Л. Зозулина — 20 дол.
Л. Феоктистова — 100 дол.
В. Логвинов — 25 дол.
А. Иордан — 100 дол.
Т. Пахомова — 25 дол.
о. А. Белозеров — 100 дол.
Ю. Шидловский — 100 дол.
Н. Ганусовская — 30 дол.
А. Кузменко — 25 дол.

Итого: 825 дол.

В Фонд журнала «Кадетская перекличка» № 54:

- И. К. Кузнецов — 100 дол.
Общее кадетское объединение в Париже — 25 дол.
Г. Г. Темидис — 20 дол.
А. Шмеман — 25 дол.
Я. Л. Михеев — 10 дол.
Р. Перцев — 10 дол.
Е. Александров — 20 дол.
П. Величко — 15 дол.
М. Воробьева — 30 дол.
Н. Буткова — 10 дол.
Ю. С. Тарновский — 40 дол.
И. С. Багратион — 20 дол.
В. Хвощинский — 5 дол.
Т. П. Зеленская — 50 дол.
А. Селинская — 15 дол.
В. Касперович — 30 дол.
Е. Перкова — 20 дол.
Т. Пишенина — 50 дол.
О. М. Кньш-Питман — 50 дол.
О. А. Кривошеева — 20 дол.
В. Касперович — 41 дол.
Д. Порхаев — 30 дол.
В. Улитин — 25 дол.
Н. Ганусовская — 30 дол.
А. Кузменко — 25 дол.

Итого 691 дол.

Редакция «Кадетской переклички» искренне благодарит за помощь всех жертвователей.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.54

